





Class F 851

Book 2

YUDIN COLLECTION







В. Я. Богучарскій.

# МАРКИЗЪ ЛАФАЙЕТЪ.

(ДѢЯТЕЛЬ ТРЕХЪ РЕВОЛЮЦІЙ).

*(Историческій очеркъ).*

Съ портретомъ Маркиза Лафайета.

Цѣна 1 рубль.

Издание магазина „КНИЖНОЕ ДѢЛО“.

Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

# ИЗДАНІЯ МАГАЗИНА „КНИЖНОЕ ДѢЛО“,

*Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ,*

**и находящіяся на складѣ.**

- Андерсонъ, Р. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Съ рисунками и картами. М. 98. Ц. 50 к.
- Бертильонъ, Ж. Приемы собиранія и разработки статистическихъ свѣдѣній. Переписи населенія. Со вступительною статьей проф. А. Θ. Фортунатова: „О научной обработкѣ статистическ. матеріаловъ“. Ц. 1 р. 50 к.
- Брентано, Л. Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Перев. Дена и Святловскаго 2-го. Ц. 75 к.
- Вейнбергъ, П. „Для дѣтей“ (старшаго возраста). Стихотворенія съ рисунками. Ц. въ изыщ. переп. 1 р. 50 к.
- Веригинъ, Н. А. І. Г. Песталоцци. Біогр. оч. Съ портр. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
- Гаазъ, Θ. Д-ръ. Азбука христіанскаго благонравія. Ц. 25 к.
- Гаазъ, Θ. Д-ръ. Призывъ къ женщинамъ. Ц. 25 к.
- Гебель, В. Я. Внѣшкольное народное образованіе въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Ц. 1 р. 25 к.
- Гиддингсъ, Ф. Г. Основы соціологіи. 2-е изд. М. 98 г. Ц. 1 р.
- Головачевъ, А. А. Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к.
- Головачевъ, А. А. Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Спб. 1881. Ц. 1 р. 25 к.
- Грантъ-Алленъ. Жизнь растений. Попул. бесѣды. Съ 51 рис. Ц. 60 к.
- Гроссе, Э. Формы семьи и формы хозяйства. Ц. 1 р.
- Джемсъ, В. Стоитъ ли жить? Ц. 20 к.
- Дрейфусъ, К. Міровая и соціальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.
- Дюкло, Е. Защита отъ болѣзней. 1898 г. Ц. 15 к.
- Зиммель, Г. Проблемы философіи исторіи. Ц. 60 к.
- Каблуновъ, Н. А. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Ц. 1 р. 75 к.
- К—ва, М. Очерки и замѣтки. Содержаніе: Слабый ростокъ.—Экзаме́нь.—Отчего онъ такъ скоро угасть?—Швея.— Съ крутизны.— Вечеръ.— Что говорятъ о женщинахъ писатели иностранные и русск. Ц. 1 р.
- Кардо-Сисоева, Н. Е. Не въ деньгахъ счастье. Повѣсть для дѣтей. Ц. 50 к., въ изыщ. перепл. 80 к.
- Квасковъ, Я. Г. Реформа библиотечнаго дѣла. Ц. 25 к.
- Кейра, Ф. Воспитаніе характера (оттискъ изъ кн. Фуллѣ: „Темпераментъ и характеръ“). Ц. 10 к.
- Кирхенгеймъ, А., фонъ. Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. Ц. 45 к.
- Клоддъ, Э. Первобытный человѣкъ. Съ рисунк. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Кнаппъ, Г. Ф. Видъ организаціи труда въ сельской промышленности. М. 1897. Ц. 50 к.
- Крымскій, А. Мусульманство и его будущность. Ц. 75 к.

Законен, Василий Иванович

"

В. Я. Богучарскій., редактор

Marquis Lafayette

# МАРКИЗЪ ЛАФАЙЕТЪ.

(ДѢЯТЕЛЬ ТРЕХЪ РЕВОЛЮЦІЙ).

(Историческій очеркъ).

Съ портретомъ Маркиза Лафайета.



МОСКВА.

Издание магазина „Книжное Дѣло“,

Моховая, домъ Венкендорфъ.

1899.



Е207  
Л212

104837  
'07

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1899 года.  
Тип. И. А. Баладина, Москва, Волхонка, д. Михалкова.





2

О к 3 1 Mar. 5

## Маркизь Лафайетъ.

Въ числѣ великихъ людей, погребенныхъ въ Парижскомъ Пантеонѣ, покоится прахъ человѣка, игравшаго въ продолженіе полувѣка выдающуюся роль во многихъ событіяхъ французской исторіи конца прошлаго и первой половины настоящаго столѣтія. Человѣкъ этотъ Жильберъ де Мотье маркизь де Лафайетъ. „Исторія его жизни есть исторія происхожденія новой Франціи“,—говоритъ Барду <sup>1)</sup>, и несомнѣнно, что трудно себѣ представить человѣческую жизнь болѣе полную самыхъ драматическихъ событій, бурь, несчастій и безчисленныхъ приключеній, чѣмъ жизнь Лафайета, сохранившаго, несмотря, на то, до глубокой старости вѣрность тому знамени, къ которому онъ примкнулъ имѣя девятнадцать лѣтъ отъ роду. До самого своего послѣдняго часа Лафайетъ сохранилъ печать своего времени и своего поколѣнія, опредѣляющимъ же событіемъ его жизни была та минута, когда потокъ великодушныхъ идей XVIII вѣка увлекъ его въ Америку. Во всѣ событія, въ которыхъ этотъ человѣкъ играетъ выдающуюся роль, вносилъ онъ безъ

<sup>1)</sup> Badoux: La jeunesse de Lafayette. Эта книга, равно какъ и другая того же автора, Les dernières années de Lafayette, послужили главнѣйшимъ матеріаломъ для настоящаго очерка.

завѣтную смѣлость, глубокую искренность и безупречную чистоту намѣреній; любовь же къ отечеству къ его „дорогой Франціи“, была для него настоящихъ религіознымъ культомъ. Лафайета привыкли представлять себѣ не иначе какъ генераломъ національной гвардіи, съ трехцвѣтной кокардой на шляпѣ и всѣми прочими атрибутами революціонной эпохи, но Лафайетъ, какъ человѣкъ, какъ лучший представитель совершенно особаго типа французскихъ сеньеровъ конца XVIII вѣка, какъ восхижительный собесѣдникъ, какъ великодушное сердце, какъ патріархъ „дней былыхъ“, невольно заставляющій всѣхъ любить себя, съ кѣмъ только сталкивала его судьба, неужели съ этихъ сторонъ онъ не заслуживаетъ вниманія? При томъ же, рядомъ съ античной фигурой самого Лафайета стоитъ другая, способная также возбудить самый живой интересъ. Эта „другая фигура“—жена Лафайета образецъ героическаго поколѣнія французскихъ женщинъ конца прошлаго столѣтія. Судьба послала этой замѣчательной женщинѣ самыя разнообразныя испытанія, изъ которыхъ она вышла также побѣдоносно, какъ и ея мужъ. Рука объ руку съ нимъ раздѣляла она всѣ тревоженія его бурной жизни и, не отступая ни передъ какими опасностями, смѣло и трогательно называла себя „лафайетисткою“. Она была очень религіозна, но ея религіозность представляла собою, какъ говорила, смѣясь, ея тетка, *madame de Тессе*, „странную смѣсь катехизиса съ Декларациею Правъ“. По своей же любви къ мужу и отечеству она напоминала матронъ лучшихъ временъ Рима, и въ грозные мѣсяцы Террора, когда въ Парижѣ опасно было произносить самое имя опальнаго маркиза она продолжала подписываться

на всѣхъ бумагахъ: „жена Лафайета“. Этому поведенію не измѣнила она и во время заключенія въ тюрьмѣ, ожидая ежеминутно гильотины, на которой тогда уже сложили головы ея мать, сестра и бабушка. Послѣднею фразою, слетѣвшею съ устъ этой героини, было—„je suis toute à vous“... Слова эти относились къ находившемуся у ея смертнаго одра пережившему ее мужу...

„Намъ кажется, что наступило время для полной оцѣнки человѣка, игравшаго столь выдающуюся роль въ исторіи Франціи,—говоритъ Барду въ своей книгѣ, изданной въ Парижѣ въ 1892 году. Если страсти до сихъ поръ еще не утихли, то за то обнародованные многочисленные документы позволяютъ искреннему человѣку произнести надъ маркизомъ Лафайетомъ судъ, не боясь быть обвиненнымъ ни въ пристрастіи, ни въ несправедливости“.

## I.

Маріи Поль Жозефъ Жильберъ де Мотье маркизъ де Лафайетъ принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ домовъ во Франціи; домъ этотъ еще въ XVI вѣкѣ раздѣлился на двѣ вѣтви, изъ которыхъ имя Лафайетовъ приняла старшая; младшая же стала называться Рошъ Мотье Шампетьеръ, и въ исторіи Франціи никогда не играла особенной роли. Старшая вѣтвь находилась въ родствѣ съ домомъ Полиньяковъ. Жильберъ де Мотье родился 6 сентября 1757 года въ одномъ изъ древнихъ замковъ, принадлежавшихъ семейству Лафайетовъ въ Оверни. Его отецъ, гренадерскій полковникъ, былъ убитъ въ битвѣ при Минденѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія сына, имѣя отъ роду



всего двадцать пять лѣтъ, и Жильберъ, оставшійся единственнымъ представителемъ дома Лафайетовъ, провелъ первые годы жизни на попеченіи своей матери Маріи Луизы Юліи де Ларивьеръ и двухъ тетокъ де Шаваньякъ и де Мотье, окружавшихъ его дѣтство всевозможными заботами. Первоначальнымъ образованіемъ мальчика руководилъ весьма свѣдушій аббатъ Фойонъ. Когда Лафайету минуло одиннадцать лѣтъ, то, по принятому въ то время среди французской знати обычаю, онъ былъ отправленъ въ Парижъ, записанъ въ черные мушкеры и помѣщенъ въ одинъ изъ самыхъ аристократическихъ колледжей (du Plessis). Вскорѣ послѣ этого умерла его мать, и двѣнадцатилѣтній мальчикъ остался единственнымъ обладателемъ громаднаго состоянія, приносившаго ему болѣе ста двадцати тысячъ ливровъ годового дохода. Четырнадцать лѣтъ юный офицеръ, „чтобы довершить свое военное образованіе“, поступилъ въ военную академію въ Версали. Его сверстники, графъ де Ламаркъ, графъ де Сегюръ и другіе, рисуютъ его въ это время застѣнчивымъ, сосредоточеннымъ, не по лѣтамъ серьезнымъ, нѣсколько мѣшковатымъ, но съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ и необыкновенно храбрымъ. Впрочемъ, несмотря на свой непомерно высокій ростъ и неловкость, онъ не пренебрегалъ еще въ это время тѣмъ, что называлось „le bon air“, но никогда не могъ достигнуть особеннаго искусства ни въ верховой ѣздѣ, ни въ танцахъ, ни въ модной тогда игрѣ въ мячъ (jeu de pomme) т. е. въ занятіяхъ, въ которыхъ щеголяли своею ловкостью его сверстники. Лафайету не было еще пятнадцати лѣтъ, когда его опекунъ, графъ де Ларивьеръ, задумалъ женить его на Адриенѣ д'Эйенъ (Adrienne



d'Ayen), происходившей изъ известной фамиліи де Ноай. Отецъ Адриены, герцогъ д'Эйенъ, представлялъ собою также своеобразный типъ французскаго сеньера того замѣчательнаго въ исторіи Франціи времени. „Вѣчно занятый химіей и новой оперой, философіей и придворными дѣлами, онъ смотрѣлъ на эти занятія, какъ на единственное, достойное мужчины, времяпровожденіе, говорилъ обо всемъ легко и красиво и предоставлялъ вполнѣ своей женѣ, герцогинѣ д'Эйенъ, заботы о воспитаніи ихъ пяти дочерей“. Герцогиня, воспитанная сначала въ монастырѣ, а потомъ въ домѣ своего отца, „такое же монастырѣ“, любила уединеніе и не тяготилась имъ. Въ ея религіозности были черты янсенистской строгости. Она была одною изъ тѣхъ матерей, которыя сумѣли воспитать слѣдующее замѣчательное поколѣніе женщинъ, удивлявшихъ своимъ мужествомъ современниковъ и историковъ въ послѣдовавшія за тѣмъ во Франціи бурныя времена. Въ системѣ воспитанія герцогинею своихъ дочерей было дѣйствительно нѣчто не совсѣмъ обыкновенное: система эта состояла въ томъ, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ дочерей мать старалась *убѣждать* ихъ въ томъ, что считала истиною, терпѣливо выслушивала всѣ ихъ дѣтскія возраженія и возбуждала въ нихъ самостоятельную работу мысли. О послѣдствіяхъ этой системы можно судить по слѣдующему письму къ матери четырнадцатилѣтней Адриены, будущей маркизы Лафайетъ: „намъ иногда говорятъ, что мы непослушныя дочери, потому что мы не во всемъ съ вами соглашаемся, но вы увидите, что къ шестнадцати лѣтамъ мы будемъ болѣе послушны, чѣмъ другія, такъ какъ мы будемъ вполнѣ понимать васъ“. Бесѣды съ дочерьми герцогиня часто

сопровождала чтеніемъ произведеній Карнеля, Расина, Вольтера и другихъ французскихъ классиковъ того времени. Другая дочь герцогини, впоследствии *madame de Монтегю*, останавливается въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ очень подробно на отроческихъ годахъ своей жизни: каждый день послѣ обѣда герцогиня вводила всѣхъ дочерей въ свою комнату, садилась около каминна и принималась за рукодѣлье или книгу. Всѣ пять дѣвочекъ размѣщались кругомъ матери, отвѣчали уроки и разсуждали о событіяхъ дня. Этого нельзя было назвать формальными уроками, но это были именно уроки, которые оставались въ памяти на всю жизнь. „Въ юности *Адриену* сильно смущали религіозныя сомнѣнія,—разсказываетъ *madame de Монтегю*,—что, конечно, не мѣшало ей быть доброй и сострадательной къ несчастнымъ. Сомнѣнія эти доставляли ей столько мученій, что она сама сравнивала ихъ впоследствии съ сильнѣйшими страданіями, которыя только выпадали на ея богатую несчастьями долю. Такія сомнѣнія начались у *Адриены*, когда ей еще не было тринадцати лѣтъ. Мать предложила ей говѣть, но она отказалась, не рѣшаясь приступить къ таинству причащенія съ колеблющеюся вѣрою“. Герцогиня ясно читала все это въ душѣ своей дочери, но особенно не тревожилась; будучи сама очень религіозна, она, тѣмъ не менѣе, хорошо понимала, гдѣ находился источникъ колебаній *Адриены* и потому рѣшила отложить причащеніе дочери до того времени, когда она утвердится въ религій. Около этого же времени были сдѣланы предложенія двумъ ея старшимъ дочерямъ—*Луизѣ* и *Адриенѣ*. Вопросъ о свадьбѣ *Луизы* съ ея двоюроднымъ братомъ, виконтомъ де Ноай, былъ рѣ-

шенъ очень быстро, но не такъ обстояло дѣло съ Адриеной, за которую сватался Лафайетъ. Невѣстѣ еще не было тринадцати лѣтъ, жениху—пятнадцати. Въ жизнеописаніи своей матери (*Vie de la duchesse d'Ayen par madame de La Fayette*) сама Адриена рассказываетъ подробно объ этомъ событіи своей жизни: крайняя молодость Лафайета, отсутствіе солидныхъ руководителей, огромное состояніе, на которое при молодости жениха герцогиня смотрѣла, какъ на серьезную опасность, — все это заставило ее сначала отказать Лафайету, несмотря на симпатіи, которыя онъ ей самъ по себѣ внушалъ. Герцогъ, напротивъ, горячо желалъ этого брака, и размолвка по этому предмету поселила еще большую холодность между супругами. Черезъ годъ, однако, герцогиня согласилась на бракъ между молодыми людьми съ условіемъ, чтобы свадьба была отложена до окончанія Лафайетомъ установленнаго курса наукъ. „Она приняла, наконецъ,—говоритъ Адриена,—предложеніе того, котораго съ этого времени полюбила, какъ обожаемаго сына, того единственнаго въ мірѣ человѣка, который могъ мнѣ замѣнить мать, когда ее не стало...“ Свадьба была отпразднована одиннадцатаго апрѣля 1774 года. Слѣдующею зимою молодые были представлены двору и еженедѣльно бывали на балахъ королевы Маріи Антуанеты. Однако, развлеченія большого свѣта мало занимали Лафайета. Въ его „Мемуарахъ“ очень немного говорится объ этой эпохѣ его жизни, такъ какъ онъ „не находить въ это время ничего, достойнаго быть отмѣченнымъ“. Но свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни Лафайета даетъ намъ графъ Сегюръ, который говоритъ, что „въ восемнадцать лѣтъ Лафайетъ казался суровымъ и холоднымъ; его

сдержанность и угловатость представляли рѣзкій контрастъ съ живостью, легкомысліемъ и остроумною болтовнею его сверстниковъ; но подъ этою холодною виѣшностью, — прибавляетъ Сегюръ, — скрывались дѣятельный духъ, мощный характеръ и въ высшей степени симпатичная душа“. Дворъ и высшее общество проводили время очень весело, и забавы смѣнялись забавами. Королева устроила въ Трианонѣ\*) особые вечера, на которыхъ молодежь веселилась до упаду. Участникомъ такихъ вечеровъ былъ и Лафайетъ, къ которому въ это время очень благоволилъ графъ д'Артуа. Сама королева, однако, никогда его не любила, какъ бы предчувствуя ту роль, которую нѣкогда онъ будетъ играть въ ея жизни. Въ беззаботномъ весельи неслись при дворѣ дни за днями, но, — странное дѣло, — веселья и забавы начали принимать вскорѣ характеръ политическихъ шалостей, которыя, казалось бы, были вовсе ни къ лицу этой раззолоченной молодежи. Оба графа Сегюра, графиня д'Аренбергъ, герцогиня де Франзакъ, Лафайетъ съ женою и многіе другіе молодые люди стали устраивать шутливыя засѣданія, пародировавшія напыщенные сессіи французскихъ судебныхъ парламентовъ. Графъ д'Артуа бывалъ предсѣдателемъ такихъ засѣданій, а Лафайетъ исполнялъ обязанности прокурора. Нѣкоторые изъ старыхъ придворныхъ, которымъ уже давно не нравилась близость принца крови съ молодыми повѣсами, воспользовались этимъ случаемъ и просили извѣстнаго министра Людовика, Морпа, до-

---

\*) Трианонами назыв. два дворца въ знаменитомъ версальскомъ паркѣ. Одинъ изъ нихъ (Le Grand Trianon) построенъ при Людовикѣ XIV; другой (Le Petit Trianon) при Людовикѣ XV. Эти дворцы существуютъ и въ настоящее время.



вести до свѣдѣнія короля о поведеніи вольнодумцевъ, осмѣливающихся глумиться надъ однимъ изъ высшихъ государственныхъ установленій.— „Вѣдь, этакъ,—говорили они,—недалеко и до Бридуазона“, намекая на комедію Бомарше „Свадьба Фигаро“. Чтобы предотвратить грозу графъ Сегюръ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ шалости, находясь, однажды, въ покояхъ короля, отвелъ одного изъ своихъ друзей въ сторону и началъ рассказывать съ такимъ юморомъ о своихъ шутливыхъ засѣданіяхъ, что обратилъ на себя вниманіе Людовика, который подошелъ къ разговаривающимъ и спросилъ Сегюра, чему это они такъ смѣются. Притворно смутившись и помявшись нѣсколько времени, Сегюръ повторилъ и королю рассказъ о своихъ шалостяхъ, сумѣвши придать рассказу такой живой и забавный колоритъ, что Людовикъ самъ смѣялся отъ души. На слѣдующій день, когда Морпа хотѣлъ настронить Людовика противъ молодыхъ людей и старался сгустить краски, рисуя послѣдствія подобнаго неуваженія къ государственнымъ учрежденіямъ, то король перебилъ его, сказавши: „ну довольно! Больше этого не будетъ, но на этотъ разъ дѣлать нечего: я самъ почти нахожусь въ числѣ виновныхъ“.

Такъ протекали первые годы супружеской жизни Лафайета. Принимая участіе въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, ни онъ ни его жена никогда, однако, не отдавались имъ вполне. Вскорѣ madame Лафайета сдѣлалась матерью своего первенца—дочери Генріеты. Все обѣщало, повидимому, Лафайету счастливую и спокойную жизнь, но въ воздухѣ носились уже предвѣстники событій, которыя должны были увлечь его далеко отъ семейнаго гнѣзда.

II.

Въ 1776 году Лафайетъ находился на службѣ въ мецкомъ гарнизонѣ. Путешествуя по Европѣ, братъ англійскаго короля, герцогъ Глочестеръ, заѣхалъ въ Мецъ, вслѣдствіе чего губернаторомъ, любимцемъ военной молодежи, графомъ де Бролье, былъ данъ обѣдъ въ честь высокопоставленнаго гостя. Въ числѣ приглашенныхъ находился и Лафайетъ. Герцогъ, только что получившій тогда письма изъ Англии о событіяхъ въ Америкѣ, подѣлился съ обѣдавшими животрепещущими новостями, изъ которыхъ главною было провозглашеніе независимости Америки. Все это въ высшей степени заинтересовало Лафайета: онъ слушалъ рассказы Глочестера съ жгучимъ любопытствомъ, засыпалъ его вопросами и къ концу обѣда уже рѣшился отправиться въ Америку. Съ этого момента Лафайетъ отдался всею душою дѣлу американской независимости. Чтобы привести въ исполненіе быстро составленный планъ отъѣзда въ Америку, онъ немедленно отправился въ Парижъ, гдѣ нашелъ необыкновенное возбужденіе. „Первый пушечный выстрѣлъ, прогудѣвшій въ другомъ полушаріи, раскатился съ быстротою молніи по всей Европѣ“. Американцевъ называли тогда еще „инсургентами„ и „бостонцами“. Ихъ дерзкая отвага электризовала умы, особенно въ Парижѣ. Въ этомъ еще аристократическомъ по внѣшности городѣ Лафайетъ съ изумленіемъ увидѣлъ огромное сочувствіе демократическимъ стремленіямъ американцевъ. Даже въ модѣ сказывались симпатіи парижанъ къ американцамъ и въ салонахъ англійская игра „вистъ“ (whist) смѣнилась

другую, которую называли „бостономъ“. „Такое движеніе,—говоритъ Сегюръ,—какъ ни было оно невинно по внѣшности, служило предвѣстникомъ міровыхъ событій“. И дѣйствительно, казалось, рѣшительно весь Парижъ былъ на сторонѣ „бостонцевъ“.

Что касается самого Лафайета, то хотя энтузіазмъ, возбужденный въ немъ американскими событіями, и былъ главнымъ двигателемъ въ его рѣшеніи принять активное участіе въ борьбѣ „бостонцевъ“, но и политическія соображенія играли въ этомъ рѣшеніи важную роль. Не смотря на свои девятнадцать лѣтъ, Лафайетъ, по свидѣтельству многихъ его современниковъ, ясно сознавалъ, что отъ исхода кризиса, наступившаго для Англіи, вълѣдствіе возстанія въ Америкѣ, въ значительной степени зависятъ и дальнѣйшія судьбы Франціи въ качествѣ первокласснаго государства. Сдѣлайся англійскія колоніи въ Америкѣ самостоятельнымъ государствомъ, и Англія теряетъ цѣлую четверть своихъ подданныхъ, число которыхъ непрерывно увеличивается, благодаря европейской эмиграціи и черезъ это становится менѣе опасною въ ея конкуренціи съ Франціей. Если же Англія выйдетъ изъ кризиса побѣдительною, если тринадцать колоній, поднявшихъ знамя революціи, снова подпадутъ подъ ярмо своей метрополіи, то трудно поручиться, какая судьба ожидаетъ въ будущемъ принадлежащіе Франціи Антильскіе острова, а затѣмъ и владѣнія въ Африкѣ, Азіи, морскую торговлю и самый французскій флотъ. Въ этомъ сказалось не только политическое чутье Лафайета, но и нѣчто другое. Дѣло въ томъ, что, вопреки своему аристократическому происхожденію, Лафайетъ, *отъ начала*

до конца своей жизни, былъ выразителемъ стремлений и интересовъ третьяго класса, грозно поднявшаго во Фринции голову въ концѣ XVIII вѣка. Отъѣздъ маркиза въ Америку былъ первымъ его дѣйствіемъ на этомъ пути. Въ то время быть передовымъ человѣкомъ,—значило исключительно служить стремленіямъ третьяго класса, ошибочно принимаемаго за „народъ“, а интересы его за интересы „отечества“. Любовь къ отечеству, желаніе ему славы и могущества были для Лафайета священными чувствами; представлялся случай сразиться съ соперницей отечества,—и во имя чего!,—во имя тѣхъ великихъ принциповъ, которые въ первый разъ узрѣлъ міръ въ смѣло начертанной Декларации Американской Независимости \*)... Еще не совсѣмъ отчетливо сознаваемые самимъ Лафайетомъ чувства гражданина слились въ немъ съ чувствами „патріота“, и рѣшеніе молодого маркиза стало непоколебимымъ. Онъ подѣлился своими планами съ графомъ Сегюромъ и виконтомъ де Ноайемъ, которые были связаны съ Лафайетомъ не только узами личной дружбы, но и общностью идей и стремлений. Оба эти лица горячо одобрили планы маркиза, рѣшивши держать ихъ до поры до времени въ строгой тайнѣ. Участникомъ плана сдѣлался въ скоромъ времени и графъ де Брольс, который пытался сначала отговорить Лафайета отъ его рѣшенія. „Я видѣлъ смерть вашего дяди во время итальянской войны, на моихъ глазахъ былъ убитъ вашъ отецъ въ битвѣ при Минденѣ,—говорилъ Брольсъ Лафайету,—и мнѣ не хотѣлось бы быть участни-

\*) Полный текстъ этого знаменитаго документа приведенъ на русскомъ языкѣ въ „Исторіи соединенныхъ штатовъ“ Э. Лабуле. Рус. пер. кн. вторая, стр. 256.



комъ гибели въ вашемъ лицѣ послѣдняго представителя славнаго дома и прекращеніе черезъ то вашей фамиліи“; но всѣ усилія отговорить Лафайета оказались тщетными, и Бролье сталъ ему даже покровительствовать въ осуществленіи его плановъ.

Само французское правительство, желавшее, конечно, ослабленія Англіи, мало-по-мало втягивалось въ потокъ сочувствія американскому дѣлу, охватившій французское общество. Оно смотрѣло сквозь пальцы на сборы въ пользу американцевъ денегъ, на посылку въ Америку на торговыхъ судахъ оружія и всякаго рода продовольствія, и, когда англійскій посланникъ жаловался на это своему двору, оно отрицало факты, отдавало официальные приказы о строгомъ надзорѣ за доставляемою въ Америку „контрабандою“ изгоняло изъ французскихъ портовъ американскіе каперы, но вуаль, которою оно окутывало свои истинныя намѣренія, становилась день ото дня прозрачнѣе. Вскорѣ въ Парижъ прибыли въ качествѣ американскихъ политическихъ агентовъ Силла Динъ и Артуръ Ли. (Знаменитый Франклинъ прибылъ нѣсколько позже). Сила Динъ явился, какъ простой купецъ; согласно полученнымъ инструкціямъ, онъ долженъ былъ добиться свиданія съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Верженомъ и просить черезъ него французское правительство доставить въ Америку или позволить Дину купить самому во Франціи одежду, оружіе и другіе запасы на двадцать пять тысячъ человѣкъ, а также сто полевыхъ пушекъ. Въ то же время Силла Динъ долженъ былъ позондировать министра, чтобы вывѣдать, согласна ли Франція признать независимость Америки и въ

случаѣ утвердительнаго отвѣта предложить ей тѣ коммерческія выгоды, которыми раньше пользовалась Англія. Не смотря на такое *incognito* всѣмъ была извѣстна истинная роль Силлы Дина и трудно себѣ представить, какимъ вниманіемъ пользовался въ Парижѣ посланникъ возставшаго народа. Ни онъ, ни Артуръ Ли не были признаны официальными дипломатическими агентами, неимѣли аудіенціи у короля и, тѣмъ не менѣе, у дверей ихъ скромной квартиры толпились самые знаменитые люди Франціи, ученые, литераторы, художники. Многіе молодые офицеры предлагали свои услуги Силлѣ Дину и горячо интересовались положеніемъ американской арміи. Движеніе добровольцевъ въ Америку имѣло, впрочемъ, мѣсто и въ другихъ странахъ. Въ числѣ такихъ волонтеровъ былъ, напр. извѣстный польскій дѣятель Тадеушъ Костюшко. Но за немногими исключеніями (Костюшко принадлежалъ, разумѣется, къ числу такихъ исключеній), это были авантюристы, увлекаемые въ Америку страстью къ наживѣ или приключеніямъ; французскіе же офицеры глубоко искренно и до энтузіазма увлекались самимъ дѣломъ американской свободы. Лафайетъ, Ноай и Сегюръ приступили, наконецъ, къ приготовленіямъ къ отъѣзду и ихъ планы встрѣтили горячее сочувствіе даже въ высшемъ парижскомъ обществѣ. Герцогъ д'Эйенъ попробовалъ мѣшать Лафайету въ его предпріятіи, но это было встрѣчено большимъ ропотомъ. „Французскія дамы,— писалъ англійскій посланникъ лордъ Стормонтъ своему правительству,—возмущены родными Лафайета которые желаютъ удержать его отъ поѣздки въ Америку; если герцогъ д'Эйенъ,—сказала одна изъ такихъ дамъ,—будетъ продолжать такъ поступать

относительно своего зятя, то ему больше не найти мужа ни для одной изъ его остальныхъ дочерей“. Конечно родные и остальныхъ, стремившихся въ Америку, молодыхъ людей, не совсѣмъ были этимъ довольны, и старый маршалъ де Ноай, просившій незадолго передъ тѣмъ графа Сегюра употребить свое вліяніе на виконта де Ноай, его ближайшаго друга, чтобы вывести его изъ апатіи и лѣни, въ которыхъ тотъ находился, больше не возвращался къ этому предмету, когда узналъ, что этотъ девятнадцатилѣтній флегматикъ желаетъ плыть за океанъ и сражаться тамъ за свободу американцевъ. Желая вступить въ прямые сношенія съ Диномъ, Лафайетъ обратился за посредничествомъ къ графу де Брольё, который свелъ его съ офицеромъ, барономъ Кальбомъ, владѣвшимъ англійскимъ языкомъ и желавшимъ также отправиться въ Америку. Этотъ Кальбъ и сопровождалъ Лафайета въ качествѣ переводчика во время его визита къ Дину. „Представляясь Дину, когда мнѣ было только девятнадцать лѣтъ, — рассказываетъ въ своихъ „Мемуарахъ“ самъ Лафайетъ, — я больше говорилъ о моемъ рвеніи, чѣмъ о моей опытности; я не столько говорилъ ему о своемъ желаніи ѣхать въ Америку, сколько давалъ ему это чувствовать“. Послѣ этого Лафайетъ рѣшилъ купить и снарядить на свой счетъ корабль. Графъ де Брольё нашелъ ему еще нѣсколькихъ офицеровъ, желавшихъ ѣхать, и Лафайетъ назначилъ имъ отъ себя жалованье. Сверхъ того, Брольё послалъ въ Бордо своего секретаря, Буамартена, купить тамъ корабль и приготовить все необходимое къ отъѣзду. Дѣлалось все это негласно. Герцогъ д'Эйенъ продолжалъ тормозить предпріятіе. Лафайетъ раздражался, но скры-



валъ свои чувства и сдѣлалъ, наконецъ, видъ что подчиняется желанію своего тестя. Между тѣмъ изъ Америки пришли самыя печальныя вѣсти: армія Вашингтона была почти уничтожена, у американцевъ осталось подъ ружьемъ не болѣе трехъ тысячъ человѣкъ и англійскій генералъ Гоу перешелъ въ наступленіе. Англійскіе суда покрывали океанъ и пройти незамѣченнымъ въ Америку становилось почти невозможнымъ. Самы Динъ и Ли сочли нужнымъ довести до свѣдѣнія Лафайета объ отчаянномъ положеніи ихъ дѣла и предложить ему оставить свой замыселъ. Эффектъ получился обратный. Лафайетъ явился къ Динну, поблагодарилъ его за откровенность и сказалъ: „до сихъ поръ вы видѣли мое усердіе только на словахъ; пришло время доказать его на дѣлѣ; я покупаю корабль и ѣду; истинные друзья познаются только въ минуты опасности и я хочу раздѣлить ихъ съ вами“. Динъ не отговаривалъ его больше и Лафайетъ приступилъ къ дѣлу.

Въ эти тяжелыя для американцевъ минуты, когда армія ихъ состояла всего изъ двухъ—трехъ тысячъ милиціонеровъ, былъ въ средѣ ихъ человѣкъ, который не отчаявался въ успѣхѣхъ предпринятаго дѣла. Этотъ человѣкъ былъ Вашингтонъ. И вотъ, тѣ же чувства, которыя одушевляли вождя, возставшаго народа, волновали въ другомъ полушаріи девятнадцатилѣтняго юношу, которому суждено было вскорѣ сдѣлаться самымъ близкимъ другомъ американскаго Цинцината и довести вмѣстѣ съ нимъ начатое дѣло до счастливаго конца....

Что бы лучше замаскировать свой отъѣздъ, Лафайетъ предпринималъ еще раньше задуманное имъ путешествіе въ Англію. Онъ пробылъ въ Лондонѣ

три недѣли, былъ представленъ французскимъ посланникомъ, его родственникомъ, англійскому королю Георгу, бывалъ на балахъ у министра колоній лорда Жермена и познакомился тамъ съ генераломъ Клинтономъ, съ которымъ впоследствии встрѣтился снова на полѣ битвы. Онъ не скрывалъ своихъ симпатій къ американцамъ, благодаря чему былъ очень популяренъ среди партіи, придерживавшейся взглядовъ на американскій вопросъ лорда Чатама \*). Изъ Лондона же Лафайетъ написалъ герцогу д'Эйену такое письмо, помѣченное седьмымъ марта 1777 года:

„Вы удивитесь, дорогой папа, тому, что сейчасъ услышите: трудно мнѣ было, повѣрьте, поставить на своемъ и ѣхать въ Америку вопреки вашему желанію; всегдашнее мое расположеніе и уваженіе къ вамъ могутъ служить вамъ въ этомъ порукою, но я далъ слово, и вы первый перестали бы меня уважать, если бы я его нарушилъ. Мнѣ представился прекрасный случай усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ, и вотъ я офицеръ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Мое рвеніе къ ихъ дѣлу уже пріобрѣло мнѣ довѣріе представителей американскаго народа. Съ своей стороны я сдѣлалъ все, что могъ для нихъ, и можетъ быть ихъ интересы станутъ для меня дороже моихъ собственныхъ. Какъ бы то ни было, дорогой мой папа, но въ настоящую минуту я въ Лондонѣ и ожидаю извѣстій отъ моихъ друзей; какъ только я получу нужныя мнѣ вѣсти, я ѣду отсюда и, не заѣзжая въ Парижъ,

---

\*) Партія эта настаивала на исполненіи тѣхъ требованій американцевъ, неисполненіе которыхъ метрополіей довело ихъ до открытаго возстанія. Замѣчательная рѣчь по этому поводу лорда Чатама приведена у Лабулэ, стр. 281.

сажусь на купленный мною корабль.... Я необыкновенно счастливъ, что могу быть полезнымъ моимъ американскимъ друзьямъ, у которыхъ думаю учиться. Я очень хорошо сознаю тѣ жертвы, которыя приношу: разлука съ семьею, съ друзьями, съ вами, мой дорогой папа, все это мнѣ очень тяжело, потому что я люблю всѣхъ васъ теперь больше, чѣмъ когда нибудь, но утѣшаю себя мыслью, что путешествіе мое продолжится недолго. Я надѣюсь вернуться болѣе достойнымъ вашей любви. До свиданія же, мой дорогой, не сердитесь на меня и сохраните ко мнѣ свое расположеніе. Я постараюсь заслужить его, а теперь заслуживаю его пока тѣми нѣжными чувствами и уваженіемъ, которыя всю жизнь будетъ хранить къ вамъ вашъ сынъ“. \*\*)

Отославши это письмо, Лафайетъ вслѣдъ за тѣмъ отправился самъ въ Парижъ, остановился у Кальба и прожилъ тамъ инкогнито трое сутокъ. Въ эти дни ему удалось увидѣться и проститься съ женою. Прощаніе было очень тяжелое для обѣихъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что маркиза Лафайетъ должна была опять скоро стать матерью. Наконецъ, Лафайетъ уѣхалъ въ Бордо, но много еще препятствій пришлось ему преодолѣть, много опасностей увидѣть, много приключеній испытать, прежде чѣмъ онъ ступилъ на американскую землю. Получивъ письмо Лафайета, герцогъ д'Эйенъ увѣдомилъ о замыслахъ своего зятя Морпа, который тотчасъ же разослалъ приказы о задержаніи бѣглеца. Лафайету,

---

\*\*) Мы еще будемъ не разъ приводить письма Лафайета къ разнымъ лицамъ. Это, быть можетъ, наилучшіе документы для біографіи историческихъ лицъ. „Письма больше чѣмъ воспоминанія, говоритъ одинъ знаменитый русскій писатель,—на нихъ залеклась кровь событій. Это само прошедшее,—задержанное и негнѣимое“.



однако, удалось вывести свой корабль изъ Бордо въ портъ Пассажъ. Труднѣе добраться было туда самому. Онъ написалъ письмо своимъ друзьямъ въ Парижъ, которые отвѣтили ему, что нѣтъ никакой надежды на полученіе officialнаго разрѣшенія на поѣздку. тогда онъ написалъ самому Морпа, но тотъ ничего не отвѣтилъ. „Молчаніе—знакъ согласія“, съ-острилъ Лафайетъ, переодѣлся курьеромъ, достигъ до порта, въ которомъ находился его корабль и 26 апрѣля 1777 года тронулся въ путь. Корабль былъ названъ *La Victoire* (Побѣда). Бѣглецамъ угрожала постоянная опасность встрѣчи съ англійскими военными судами и Лафайетъ рѣшилъ принять въ такомъ случаѣ съ ними морскую битву и въ крайности лучше взорвать свой корабль на воздухъ, чѣмъ сдаться. Капитанъ корабля хотѣлъ зайти на стоянку въ Подвѣтренные Острова (*îles Sous-le-Vent*)\*), но, какъ и слѣдовало ожидать тамъ ждалъ уже Лафайета приказъ объ арестѣ въ формѣ знаменитаго порожденія монархической Франціи — *lettre de cachet*. Поэтому „Побѣда“ взяла прямое направленіе къ американскому материку. Уже недалеко отъ берега съ корабля замѣтили два крейсировавшихъ англійскихъ фрегата, но и тутъ удалось счастливо отъ нихъ скрыться. Во время этого длиннаго переѣзда Лафайетъ написалъ два письма своей женѣ; эти письма такъ характерны для него, какъ для человека, что мы приведемъ ихъ цѣликомъ:

*Корабль la Victoire 30 мая 1777 г.*

„Удаляюсь отъ васъ все болѣе и болѣе, дорогая моя, и къ тяжелому чувству разлуки присоединяет-

---

\*) Въ группѣ Малыхъ Антильскихъ.

ся теперь томительная неизвѣстность: когда то получу я отъ васъ письмо... А разлука со всѣми дорогими людьми, чувство само по себѣ очень горькое. Какъ приняли вы извѣстіе о моемъ тайномъ отѣздѣ изъ отечества? Не разлюбили ли вы меня за это? Простили ли? Думали ли вы о томъ, что намъ все равно предстояла разлука, такъ какъ я долженъ былъ ѣхать въ Италію, но съ тою разницею, что тамъ я влачилъ бы безславное существованіе, жилъ бы среди людей враждебныхъ и моимъ планамъ и моему образу мыслей? Всѣ эти соображенія, впрочемъ, мало помогаютъ и мнѣ заглушить острое чувство боли при мысли, что я удаляюсь отъ васъ...

„Ваше горе при разлукѣ, сожалѣніе друзей, мысли о Генріетѣ,—все это не даетъ мнѣ покоя. Мнѣ иногда кажется, что нѣтъ для меня оправданій. Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело, сколько бессонныхъ ночей провелъ я, думая о васъ! Неужели же я долженъ еще ко всему этому присоединить опасеніе, что вы меня не простите?

„Но я вамъ ничего не пишу о себѣ, о своемъ здоровьѣ, хотя знаю, что всѣ эти мелочи васъ очень интересуютъ. Я нахожусь въ самой скучнѣйшей изъ странъ. Море такое печальное! И, мнѣ кажется, мы огорчаемъ другъ друга: оно меня, а я его... Я долженъ былъ бы быть уже на мѣстѣ, но противные вѣтры дуютъ на встрѣчу, и мы не будемъ въ Чарльстоунѣ раньше чѣмъ черезъ восемь или десять дней...

„Но лишь бы быть увѣреннымъ, что вы здоровы и меня любите, что мои друзья ко мнѣ по прежнему расположены, а ко всему остальному я готовъ отнестись самымъ философскимъ образомъ. Но если

я подвергнусь самой серьезной изъ всѣхъ опасностей,—опасности лишиться вашей любви,—я буду очень и очень несчастливъ. Но мнѣ нечего этого бояться,—вѣдь, правда, дорогая моя?

„Я былъ очень нездоровъ въ первые дни моего морского путешествія, но на людяхъ и смерть красна, а болѣли мы большой компаніей. Это было даже забавно. Я выздоровѣлъ скорѣе другихъ и теперь чувствую себя, какъ на твердой землѣ... Видите, какъ я съ вами откровененъ. Будьте же также откровенны со мною, и не тревожьтесь безъ всякаго повода. Но поговоримъ о вещахъ наиболѣе важныхъ. Поговоримъ о васъ, о Генріетѣ, о ея братѣ или сестрѣ, которые должны появиться на свѣтъ. Генріета такъ мила, что располагаетъ меня къ желанію имѣть еще дочь. Но кто бы ни былъ нашъ другой ребенокъ, я приму извѣстія о его рожденіи съ величайшей радостью. Поспѣшите немедленно увѣдомить меня объ этомъ счастливомъ событіи. Не знаю, потому ли что теперь я отецъ двоихъ дѣтей или почему другому, но я нахожувъ себѣ столько отеческихъ чувствъ, какъ никогда раньше“...

*7 іюня.*

„Я все еще въ этой печальной равнинѣ! Чтобы утѣшить себя хоть сколько нибудь, я думаю о васъ, о моихъ друзьяхъ. Я думаю о нашей встрѣчѣ. Что за чудная будетъ минута, когда я вдругъ брошусь въ ваши объятія, появившись совершенно неожиданно! Съ вами, можетъ быть, будутъ тогда наши дѣтки. Я люблю думать объ этой счастливой минутѣ. И повѣрьте, что это будетъ гораздо скорѣе, чѣмъ вы думаете. Конечно, для меня будетъ все



равно очень долго, сколько бы это не продолжалось, но въ сущности это будетъ такъ скоро, какъ вы себя и представить не можете.

„Вы, конечно, сознаете, дорогая моя, что дѣло, которое мнѣ предстоитъ здѣсь, совершенно не похоже на то бездѣлье, которое хотѣли мнѣ навязать, посылая меня въ Италію \*). Быть защитникомъ свободы, предъ которой я преклоняюсь, быть свободнымъ самому, явиться другомъ, предложить свои услуги славной Республикѣ, явиться безъ всякаго честолюбія, безъ всякой задней мысли и сознавать, что, работая для своей славы, работаешь и для ихъ счастья... Я надѣюсь, что изъ любви ко мнѣ и вы сдѣлаетесь прекрасной американкой. Счастье Америки самымъ тѣснымъ образомъ связано съ счастьемъ всего человѣчества. Америка сдѣлается надежнымъ и прочнымъ убѣжищемъ свободы.

„До свиданія. Наступившая ночь не позволяетъ мнѣ продолжать письмо, такъ какъ вотъ уже нѣсколько дней, какъ я запретилъ зажигать на кораблѣ огонь. Видите, какъ я благоразуменъ! До свиданія же. Такъ какъ моими пальцами водить мое сердце, то мнѣ не нужно свѣта для того, чтобы написать вамъ, что я люблю васъ и буду любить всегда“.

Послѣ семинедѣльнаго путешествія Лафайетъ высадился, наконецъ, въ Чарльстоунѣ, въ Каролинѣ. „Добравшись въ шлюпкѣ до берега и почувствовавши подъ своими ногами американскую почву, Лафайетъ тутъ же поклялся побѣдить или умереть за дѣло американской независимости“.

---

\*) Родные Лафайета, по соглашенію съ Морна, хотѣли отправить его путешествовать въ Италію, просто, чтобы „выгнать дурь изъ его головы“.

### III.

Изъ Чарльстоуна Лафайетъ отправился немедленно въ Филадельфію, сдѣлавши триста льё верхомъ. Въ Филадельфіи въ это время засѣдалъ Конгрессъ, и этотъ городъ считался столицею возникающаго новаго государства. Лафайетъ привезъ съ собою рекомендательныя письма отъ Дина, которыя и вручилъ Лоуэлю, предсѣдателю Комитета иностранныхъ дѣлъ. Лоуэль, не прочитавши даже писемъ, принялъ Лафайета очень сухо и даже сказалъ ему, что онъ не надѣется, чтобы на желаніе маркиза вступить въ ряды американской арміи послѣдовало согласіе Конгресса. У Лоуэля были на это свои причины: дѣло въ томъ, что первоначально онъ принялъ Лафайета за одного изъ многочисленныхъ авантюристовъ, являвшихся изъ Европы въ Америку „искать фортуны“ и очень скоро надѣвшихъ американцамъ и своею неспособностью къ партизанской войнѣ и своими непопулярными претензіями. Нѣсколько уязвленный такимъ къ себѣ отношеніемъ, Лафайетъ написалъ заявленіе и настоялъ, чтобы оно было прочитано въ засѣданіи Конгресса. Заявленіе это гласило, что „послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ имъ американскому дѣлу, онъ имѣетъ право требовать себѣ двѣ милости: 1) служить на собственный счетъ и 2) начать службу простымъ волонтеромъ“. Тонъ заявленія показалъ Конгрессу, что на этотъ разъ Соединенные Штаты имѣютъ дѣло не съ зауряднымъ авантюристомъ, а съ человѣкомъ, дѣйствительно, преданнымъ дѣлу независимости Америки. Прочитаны были и рекомендательныя письма Дина, послѣ чего

31 іюля 1777 года Конгрессъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: „принимая во вниманіе, что маркизь Лафайетъ изъ преданности предпринятому Соединенными Штатами дѣлу свободы, покинулъ семейство и всѣхъ своихъ друзей, явился въ Америку на собственный счетъ для того, чтобы предложить свои услуги Соединеннымъ Штатамъ, не испрашивая за это никакого вознагражденія и рѣшаясь жертвовать за наше дѣло своею жизнью, Конгрессъ постановляетъ: услуги эти принять и, во вниманіе энергіи и знатности рода маркиза Лафайета, назначить его начальникомъ штаба арміи Соединенныхъ Штатовъ“. Получивъ это назначеніе, Лафайетъ сталъ стремиться увидѣться, какъ можно скорѣе, съ славнымъ главнокомандующимъ американскою арміею Вашингтономъ. Армія была въ это время далеко отъ Филадельфіи. Англичане, избравши своимъ операціоннымъ базисомъ Нью-Йоркъ, приготовлялись къ нападенію на Вашингтона. Ихъ силы состояли изъ восемнадцати тысячъ человѣкъ регулярныхъ и дисциплинированныхъ войскъ, которымъ Вашингтонъ могъ противопоставить несравненно болѣе слабую по численности „армію“, плохо вооруженную, недисциплинированную, лишенную самыхъ необходимыхъ запасовъ и лишь однимъ богатою, — подъемомъ гражданскихъ чувствъ и готовностью на всякія жертвы для отечества. Опасаясь нападенія на Филадельфію, Вашингтонъ приблизился къ ней почти со всѣми своими силами, простиравшимися до одиннадцати тысячъ человѣкъ. Здѣсь былъ въ первый разъ представленъ главнокомандующему его начальникъ штаба. Съ первой же встрѣчи съ великимъ американцемъ Лафайетъ почувствовалъ къ нему настоящую сыновнюю при-



вязанность, которую свято хранилъ до самой своей смерти. Вашингтонъ, въ свою очередь, обошелся съ молодымъ маркизомъ чрезвычайно ласково: онъ благодарилъ его за жертвы американскому дѣлу, поощрялъ его рвеніе и просилъ смотрѣть на „квартиру главнокомандующаго“, какъ на свой собственный домъ. Онъ прибавилъ, улыбаясь, что, конечно, онъ не можетъ предложить ему роскоши Двора, но, что, сдѣлавшись американскимъ солдатомъ, Лафайетъ навѣрно скоро привыкнетъ къ обычаямъ и лишеніямъ республиканской арміи. На слѣдующій день Вашингтонъ дѣлалъ смотръ своей арміи и пригласилъ Лафайета ему сопутствовать. Зрѣлище, которое представилось глазамъ блестящаго французскаго офицера, было для него совершенно непривычно: „армія“ представляла собою скорѣе толпу новобранцевъ, чѣмъ благоустроенное войско. Плохо вооруженные, одѣтые въ охотничьи рубашки или куртки изъ сѣраго сукна, безъ всякаго почти понятія о строѣ, американцы, однако, видимо выкупали всѣ эти недостатки энергіею и готовностью на самопожертвованіе. На самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій изучали эти люди тактику и стратегію. Внѣшній видъ этой арміи рѣшительно ничѣмъ не напоминалъ черныхъ мушкатеровъ, среди которыхъ протекли первые годы службы Лафайета. „Намъ совѣстно показываться въ подобномъ видѣ офицеру, который только что явился изъ французской арміи“, — сказалъ на смотру Вашингтонъ. „Я явился сюда для того, чтобы учиться, а не учить“. Эти слова произвели очень хорошее впечатлѣніе, такъ какъ были совершенно несвойственны являвшимся въ Америку европейцамъ. Между тѣмъ французское правительство потребовало отъ проживавшихъ

въ Парижѣ американскихъ агентовъ, чтобы они увѣдомили Конгрессъ о его положительномъ нежеланіи видѣть Лафайета въ рядахъ американской арміи. Агенты не особенно торопились исполнить желаніе французскаго правительства, и, когда, наконецъ, увѣдомили объ этомъ Конгрессъ, то популярность „молодого француз“, какъ называли тогда Лафайета въ Америкѣ, была такъ велика, что объ исполненіи желанія версальскаго двора не могло быть и рѣчи.

Первое большое сраженіе между американцами и англичанами произошло одиннадцатаго сентября въ двадцати шести миляхъ отъ Филадельфіи, вблизи небольшого притока рѣки Делавара, называемаго Брандіуайномъ. Отсюда и самое сраженіе получило названіе брандіуайнскаго. Англичане успѣли обойти американцевъ съ фланговъ и съ тыла. При такихъ условіяхъ пораженіе американцевъ явилось неизбежнымъ и англичане не только одержали полную побѣду, но вскорѣ завладѣли, вслѣдствіе того, и самой Филадельфіей. Въ этомъ сраженіи Лафайетъ былъ раненъ пулею въ ногу. О своей ранѣ, какъ и о всемъ дѣлѣ одиннадцатаго сентября, онъ рассказывалъ въ шутливомъ тонѣ въ письмѣ къ женѣ:

„Долженъ вамъ сказать, дорогая моя, — писалъ онъ женѣ, — что насъ вчера изрядно поколотили. Наши американцы, продержавшись сколько было возможно, кончили тѣмъ, что начали поспѣшно отступать. Въ благодарность за мое желаніе удержатъ отступленіе, господа англичане царапнули меня ружейной пулей въ ногу; но это пустяки, дорогая моя: пуля не задѣла ни кости, ни важныхъ кровеносныхъ сосудовъ, и все дѣло ограничится необходимостью пролежать нѣсколько времени на

спинѣ, что, впрочемъ, приводитъ меня въ дурное расположеніе духа. Вы не должны обо мнѣ беспокоиться, тѣмъ болѣе, что рана не позволитъ мнѣ принять участіе въ предстоящемъ, можетъ быть, скоро новомъ сраженіи. Вчерашнее дѣло было неудачно для насъ, но надо будетъ постараться загладить его послѣдствія. Вы должны были получить отъ меня уже нѣсколько писемъ, если только англичане не столько же внимательны къ моимъ письмамъ, какъ къ моимъ ногамъ. До свиданія, моя дорогая, люблю васъ, какъ никогда“.

Еще интереснѣе письмо Лафайета есть перваго октября:

„Я писалъ вамъ уже, моя дорогая, двѣнадцатаго сентября, потому что двѣнадцатое сентября слѣдуетъ за одиннадцатымъ, а мнѣ хотѣлось рассказать вамъ одну исторію, которая была одиннадцатаго. Въ этотъ день, не помню какимъ образомъ, я схватилъ ружейную рану, заставившую меня проваляться нѣсколько недѣль и предаваться самымъ философскимъ размышленіямъ... Я поспѣилъ, конечно, написать вамъ объ этомъ маленькомъ приключеніи на слѣдующій же день послѣ битвы; относительно раны я тогда же сообщалъ, что это сущій вздоръ и былъ совершенно правъ. Доктора удивляются быстротѣ, съ которой она заживаетъ и приходятъ въ восторгъ при всякой визитаціи. Вотъ вамъ и вся исторія моей раны, какъ пышно называю я эту царапину, желая придать болѣе интереса собственной особѣ.

„Теперь мнѣ нужно дать вамъ, какъ женѣ американскаго генерала, слѣдующее наставленіе: когда вамъ будутъ говорить: „они были разбиты“, вы отвѣчайте: „это правда, но даже при прочих рав-

ныхъ условіяхъ старые солдаты имѣютъ всегда преимущество передъ новобранцами; въ дѣлѣ же одиннадцатаго сентября они имѣли удовольствіе убить много англичанъ и во всякомъ случаѣ потери непріятеля были гораздо больше, нежели ихъ“. Когда въ отвѣтъ на это станутъ возражать: „все это прекрасно; однако, Филадельфія, столица Америки, оплотъ свободы, взята англичанами“, то отвѣчайте самымъ учтивымъ образомъ такъ: „вы дурачье! Филадельфія жалкій, открытый со всѣхъ сторонъ городъ, у котораго гавань давно уже заперта; этотъ городъ прославленъ рѣшительно неизвѣстно почему и знаменитъ только тѣмъ, что въ немъ засѣдалъ американскій Конгрессъ. Вотъ каковъ этотъ городъ, который,—замѣчу въ скобкахъ,—мы, рано или поздно, заставимъ англичанъ снова намъ отдать“. Если же васъ и послѣ этого будутъ осаждать возраженіями, то вы, въ такихъ же вѣжливыхъ выраженіяхъ, которымъ я васъ выше училъ, отошлите вашихъ оппонентовъ къ Ноайю, потому что не могу же я посвящать васъ во всѣ тонкости политики.

„Поговоримъ о другомъ: у меня есть другъ, который поручилъ меня особенному вниманію докторовъ. Это генералъ Вашингтонъ, мужъ въ высокой степени доблестный, предъ которымъ я преклоняюсь все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ его узнаю и котораго желалъ бы видѣть своимъ самымъ близкимъ другомъ.

„Всѣми иностранцами, принятыми на американскую службу, здѣсь крайне недовольны: ихъ почти ненавидятъ. Рѣшительно не понимаю ихъ поведенія. Самъ же я настолько счастливъ, что успѣлъ



пріобрѣсти всеобщую любовь. Я теперь пребываю въ Виллелемѣ, о которомъ столько говорилъ аббатъ Рейналь. Городокъ этотъ красивый и очень интересный.

„И надоѣлъ окружающимъ своею болтовнею и все больше о нашемъ будущемъ съ вами свиданіи; вѣдь, вы знаете, какой я болтунъ! Будьте такою же по отношенію къ моей дорогой, моей бѣдной, маленькой Генріетѣ. Обнимите ее тысячу разъ! Говорите съ ней обо мнѣ! Есть ли уже у нея братъ или сестра? Кто именно,—мнѣ все равно, лишь бы я имѣлъ удовольствіе поскорѣе узнать, что я снова отецъ. Если у меня будетъ сынъ, я ему современемъ открою мое сердце: я скажу ему, что, если у него будетъ когда нибудь жена, которую онъ будетъ также любить, какъ люблю я васъ, то... да воздержится онъ отъ всякихъ страстей, способныхъ отвлечь его далеко отъ предмета любви... Тысячу привѣтствій сестрамъ. Конечно, онѣ могутъ презирать меня, несчастнаго бѣглеца, но хорошо было бы, если бы онѣ продолжали меня любить, не смотря на то. Прощайте же, моя дорогая, любите меня; вѣдь, я люблю васъ такъ страстно!

„Передайте мой привѣтъ доктору Франклину и г. Дину. Я хотѣлъ имъ писать, но у меня не хватило времени“.

Обреченный на временное бездѣйствіе, Лафайетъ не ограничивался исключительно перепискою съ женою; самые смѣлые планы бродили въ его головѣ: то онъ писалъ губернатору острова Мартиники, подстрекая его напасть подъ американскимъ флагомъ на острова, принадлежащіе Англіи, то

писалъ самому Морпа, развивая предъ нимъ планъ нападенія на Индію. Старый министръ уклонялся до поры до времени отъ всякаго активнаго вмѣшательства въ англо-американскую распрю, но публично хвалилъ Лафайета за его энергію: „онъ готовъ опустошать Версаль для дѣла американской независимости,—сказалъ, однажды, Морпа о Лафайетѣ,—но замѣчательная вещь: разъ забудетъ онъ себѣ что нибудь въ голову, то съ нимъ почти невозможно не соглашаться“.

Между тѣмъ какъ Филадельфія была занята англичанами, военное счастье улыбнулось американцамъ въ другомъ мѣстѣ. Расположившись по рѣкѣ Гудзону, англичане совершенно отрѣзали Новую Англію. Сосредоточенный въ этомъ мѣстѣ отрядъ достигалъ до семи тысячъ человѣкъ, которыми командовалъ генералъ Бургонъ. Это обстоятельство подняло на ноги почти все населеніе Новой Англіи, и Бургонъ неожиданно увидѣлъ предъ собою армію въ тринадцать тысячъ человѣкъ, правда, недисциплинированную и безпорядочную, но состоящую изъ храбрыхъ, рѣшительныхъ людей и отличныхъ стрѣлковъ. Арміей этой командовали генералъ Гетсъ. Въ этой арміи находился и знаменитый Костюшко. Послѣ разныхъ перипетій, рѣшительное сраженіе произошло при городѣ Саратогѣ, въ которомъ англичане потерпѣли рѣшительное пораженіе. Саратогская побѣда произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе въ Америкѣ и Европѣ, но лавры одержавшаго ее генерала Гетса не безукоризненно чисты. Въ это время велась въ Америкѣ сильная интрига противъ великаго гражданина Соединенныхъ Штатовъ Георга Вашингтона, и Гетсъ былъ въ числѣ ея участниковъ. Имѣя въ виду дискре-

дитировать главнокомандующаго, Гетсъ послалъ донесеніе о Саратогской побѣдѣ и сдачѣ въ плѣнъ трехъ съ половиною тысячъ англичанъ непосредственно Конгрессу, не потрудившись даже увѣдомить объ этомъ событіи Вашингтона. „Будемъ надеяться, что все кончится хорошо,—писалъ хладнокровно о такомъ поступкѣ Гетса Вашингтонъ Патрику Генри \*). Лишь бы восторжествовало наше дѣло, а гдѣ и черезъ кого—мнѣ все равно“. Такъ отнесся къ тяжкому оскорбленію, по истинѣ, великій человѣкъ, вспоминая котораго Байронъ упрекаетъ человѣчество въ томъ, что имя Вашингтонамъ у него единственное!..

Не дождавшись окончательнаго выздоровленія, Лафайетъ прибылъ въ армію Вашингтона. Здѣсь узналъ онъ о Саратогской побѣдѣ, оцѣнилъ вполнѣ заслуги Гетса, но сильно порицалъ его за отношеніе къ главнокомандующему. Чтобы загладить впечатлѣніе Саратогскаго дѣла, англійскій генералъ Корнвалисъ вторгся съ пятью тысячами человѣкъ въ Джерсей. Американцы противопоставили ему отрядъ такой же численности подъ командою генерала Грина, къ штабу котораго былъ прикомандированъ и Лафайетъ. Посланный на рекогносцировку съ тремя стами пятьюдесятью человѣкъ, Лафайетъ у Глочестера наткнулся на передовой отрядъ Корнвалиса, состоящій изъ четырехсотъ гессенцевъ. Лафайетъ смѣло напалъ на этотъ отрядъ, и Корнвалисъ, находившійся на неудобной позиціи и полагавшій, что онъ имѣетъ дѣло со всѣми си-

---

\*) Патрикъ Генри—одинъ изъ пламеннѣйшихъ патріотовъ и лучшихъ ораторовъ американской революціи. Онъ былъ избранъ вмѣстѣ съ Вашингтономъ еще въ мартѣ 1775 года членомъ Комитета Народной Обороны.

лами Грина, поспѣшно отступилъ, потерявши убитыми шестьдесятъ гессенцевъ. Этотъ маленькій успѣхъ пришелся особенно по душѣ американской милиціи и Конгрессъ заявилъ, что „ему было бы чрезвычайно пріятно видѣть маркиза Лафайета во главѣ самостоятельнаго отряда“. Послѣ того Лафайетъ немедленно отправился въ Виргинію, чтобы замѣнить вышедшаго въ отставку генерала Стифена.

Несмотря, однако, на эти успѣхи, положеніе американской арміи становилось все болѣе и болѣе критическимъ: бумажныя деньги страшно упали въ цѣнѣ, ибо англичане не стыдились поддѣлывать ихъ въ огромномъ количествѣ; армія терпѣла недостатокъ въ платьѣ, рубашкахъ, провизіи, оружіи, словомъ, во всемъ самомъ необходимомъ. Лафайетъ одѣвалъ и содержалъ на свой счетъ почти цѣлый отрядъ. Чѣмъ болѣе положеніе становилось критическимъ, тѣмъ болѣе чувствовалась необходимость въ дисциплинѣ, которая, видимо, падала. Лафайетъ видѣлъ это и подавалъ собою примѣръ самого строгаго исполненія долга. Воспитанный въ роскоши, онъ раздѣлялъ съ послѣднимъ изъ своихъ солдатъ всѣ самыя тяжелыя лишенія, поддерживалъ падавшихъ духомъ, былъ всегда впереди. Къ довершенію несчастій, враждебная Вашингтону партія все болѣе и болѣе усиливалась и, однажды, сдѣлала даже попытку привлечь на свою сторону „молодого француза“. Лафайетъ отвергъ съ негодованіемъ всѣ предложенія враговъ славнаго гражданина, съ которымъ продолжалъ видѣться очень часто. „Я не искалъ занимаемаго мною поста, сказалъ, однажды, Вашингтонъ Лафайету; если я не угоденъ народу, я уйду, но до тѣхъ поръ пока народъ этого мнѣ



не скажетъ, я буду всѣми силами сопротивляться интригѣ“. Вотъ какъ описывалъ положеніе дѣлъ въ это время Лафайетъ въ письмѣ къ женѣ отъ 6 января 1778 года:

„Не совсѣмъ удобное время и мѣсто избралъ я для письма къ вамъ въ настоящую минуту, дорогая моя: январь мѣсяцъ и военный лагерь среди лѣса! Къ тому же еще недавно мы были отдѣлены отъ непріятеля всего одною маленькою рѣчкою. Теперь онъ находится отъ насъ въ семи льѣ, а мы проводимъ зиму въ наскоро построенныхъ баракахъ, въ которыхъ немногимъ веселѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ... Вы, конечно, поймете, что безъ уважительныхъ причинъ не станешь приносить такихъ жертвъ. Мнѣ такъ хотѣлось бы ѣхать къ вамъ, но я останусь здѣсь, ибо этого требуетъ моя честь. Я убѣжденъ, что, если бы вы знали о тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ нахожусь я, находится вся армія и командующій ею генералъ—мой другъ, находится, наконецъ, все американское дѣло, то простили бы меня за это и, смѣю даже сказать, одобрили бы... Кромѣ упомянутыхъ причинъ, которыя заставляютъ меня остаться здѣсь есть и другія, которыя повѣдаю я, конечно, далеко не каждому, ибо это было бы смѣшно... Вамъ же я скажу откровенно, что мое присутствіе здѣсь въ настоящую минуту необходимо американскому дѣлу: многіе изъ иностранцевъ, не желающіе служить или служащіе изъ честолюбія, употребляли сначала разные способы, чтобы отвратить меня отъ американской революціи и ея вождя, но, потерпѣвши въ этомъ неудачу, распространили повсемѣстно слухъ, что я, въ качествѣ недовольнаго, покидаю въ скоромъ времени Америку. То же самое повторяютъ и англи-

чане. Имѣю ли я послѣ этого право утвердить американцевъ своимъ отъѣздомъ въ справедливости такого обо мнѣ мнѣнія? Уѣзжай я, и моему примѣру послѣдуютъ многіе французы, присутствіе которыхъ здѣсь весьма полезно. Генералъ Вашингтонъ былъ бы крайне опечаленъ моимъ отъѣздомъ. Его довѣріе ко мнѣ превосходитъ всякую мѣру возможнаго по отношенію къ человѣку моихъ лѣтъ. Человѣкъ въ его положеніи бываетъ всегда окруженъ льстецами или тайными врагами и потому нуждается въ другѣ, которому могъ бы открыть свое сердце и который, въ свою очередь, всегда готовъ сказать ему правду. Такого друга нашелъ онъ во мнѣ. Послѣ маленькой удачи въ Джерсеѣ Конгрессъ и Вашингтонъ предложили мнѣ постъ командующаго самостоятельнымъ отрядомъ. Неужели же въ отвѣтъ на такіе знаки довѣрія уѣхать въ Европу? Вотъ нѣкоторыя изъ причинъ, заставляющія меня остаться здѣсь и которыя я вамъ говорю по секрету... Я вамъ уже писалъ нѣсколько времени тому назадъ черезъ знаменитаго Адамса \*). Онъ облегчитъ вамъ сношеній со мною. Прощайте же и не забывайте несчастнаго бѣглеца, который питаетъ къ вамъ такія нѣжныя чувства“.

Двадцать второго января 1778 года, Конгрессъ рѣшилъ произвести вторженіе въ Канаду, и начальникомъ этой экспедиціи назначилъ Лафайета. Враги Вашингтона хотѣли снова подѣйствовать на честолюбіе „молодого француза“: съ этою цѣлью Вашингтону былъ предложенъ постъ военнаго ми-

---

\*) Джонъ Адамсъ—первоначально бостонскій адвокатъ, потомъ первый посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Англіи и наконецъ президентъ Республики. Въ описываемое время Джонъ Адамсъ находился въ Парижѣ.

нистра, благодаря чему Лафайету открывалась дорога въ главнокомандующіе, а это обстоятельство должно было сдѣлать его совершенно независимымъ отъ Вашингтона; самыя донесенія о ходѣ военныхъ дѣйствій главнокомандующій обязанъ былъ посылать непосредственно Конгрессу, сообщая ихъ лишь въ копіяхъ военному министру. Вашингтонъ принялъ новое назначеніе безъ малѣйшихъ колебаній, но не такъ поступилъ Лафайетъ: онъ объявилъ посланнымъ къ нему комиссарамъ Конгресса, что „онъ не приметъ никогда никакого назначенія, ставящаго его въ независимое положеніе отъ Вашингтона и что званіе адъютанта главнокомандующаго кажется ему самымъ лестнымъ изъ всѣхъ, какіе ему можетъ предложить Конгрессъ“. Въ этомъ же смыслѣ Лафайетъ написалъ и президенту Конгресса, послѣ чего, обсудивъ внимательнѣе возможность вторженія въ Канаду зимою, безъ одежды и безъ провизіи, Конгрессъ оставилъ этотъ планъ. Вскорѣ Лафайету же поручено было Конгрессомъ приведеніе всѣхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ къ присягѣ, въ которой они должны были поклясться „въ полномъ и безусловномъ отреченіи на вѣчныя времена отъ Англіи, отъ Георга III, его наслѣдниковъ и какого бы то ни было англійскаго короля“.

Между тѣмъ французское правительство заключило, наконецъ, „торговый договоръ съ Соединенными Штатами“. Заключеніе этого договора было обставлено въ Парижѣ особою торжественностью: въ этотъ день докторъ Франклинъ, Силла Динъ и Джонъ Адамсъ, въ сопровожденіи всѣхъ находившихся въ Парижѣ американцевъ, были представлены королю и королевскому семейству и были ими

приняты чрезвычайно любезно. Непосредственно послѣ королевской аудіенціи Франклинъ, Динъ и Адамсъ отправились къ жившей въ это время въ Версали женѣ Лафайета и выразили ей признательность гражданъ вновь признанной Республики за службу, которую несъ въ ихъ отечествѣ маркизъ.

Новость о заключеніи торговаго трактата съ Франціей и тѣмъ признаніе со стороны ея независимости Соединенныхъ Штатовъ произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе въ Америкѣ и особенно въ американской арміи: вездѣ вздохнули свободнѣе, вездѣ служили торжественныя молебствія, вездѣ зажигались иллюминаціи и раздавались радостные клики въ честь Франціи и ея короля. Лафайетъ со слезами на глазахъ обнималъ Вашингтона и говорилъ о скоромъ упроченіи независимости Соединенныхъ Штатовъ. Второго мая въ американской арміи въ честь Франціи устроенъ былъ праздникъ и Лафайетъ сдѣлался предметомъ шумной оваціи. Перемѣну обстоятельствъ почувствовали и англичане и приготовились оставить занятую ими Филадельфію.

#### IV.

Торговый договоръ, заключенный Франціей съ великимъ государствомъ на дальнемъ западѣ состоялся безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ политическихъ соображеній, въ основѣ которыхъ лежали экономическія причины. Желаніе ослабить свою соперницу Англію играло въ этомъ дѣлѣ первенствующую роль, а Саратогская битва и плѣнъ Бургоэня указали Версальскому Двору на всю силу



возникающей Заатлантической Республики. Надо было ловить случай, но надо было дѣйствовать искусно и казаться великодушнымъ. „Его христіаннѣйшее величество, — писалъ Жераръ американскимъ комиссарамъ, — желаетъ, чтобы однажды заключенный союзъ былъ проченъ и чтобы дружба между обѣими странами была обезпечена навсегда, что возможно только въ такомъ случаѣ, если обѣ стороны будутъ столь же заинтересованы въ поддержаніи союза, какъ и въ его заключеніи“. Поэтому король требовалъ отъ Соединенныхъ Штатовъ уже какъ „обязательства“ поддерживать свою независимость и никогда не возвращаться къ подчиненію англійскому правительству. Такое „требованіе“ было для американцевъ легко, ибо вполне совпадало съ ихъ собственными желаніями.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ Англіи взглянули на это событіе, какъ на прямой вызовъ къ разрыву: англійскому послу въ Парижѣ, лорду Стармунту, было приказано, поэтому, взять назадъ свои вѣрительныя грамоты; то же самое сдѣлать, по распоряженію своего правительства французскій посланникъ въ Лондонѣ маркизъ де Ноай, а это почти равнялось объявленію войны. Вскорѣ въ Лондонѣ стало извѣстно, что примѣру Франціи желаетъ послѣдовать и Испанія. Положеніе вещей становилось, очевидно, для Англіи очень серьезнымъ.

При такихъ обстоятельствахъ въ Соединенныхъ Штатахъ ожидали со дня на день очищенія Филадельфіи англичанами, ибо имъ становилось необходимымъ сосредоточить свои силы въ Нью-Йоркѣ для защиты этого города отъ возможнаго нападенія со стороны французскаго флота. Съ цѣлью собрать

болѣе точныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ англичанъ, американцы предприняли рекогносцировку въ Филадельфію. Отрядомъ, назначеннымъ для этого и состоявшимъ изъ двухъ тысячъ отборнаго войска, командовалъ Лафайетъ. Смѣнившій англійскаго генерала Гоу, генералъ Клинтонъ \*) такъ искусно маневрировалъ съ своимъ войскомъ, что плѣнъ горсти американцевъ казался неизбежнымъ. Клинтонъ разсылалъ уже находившимся въ лагерьѣ женамъ нѣсколькихъ англійскихъ офицеровъ приглашеніе на завтракъ, за которымъ будетъ плѣнный „молодой французъ“, а адмиралъ Гоу, родной братъ отозваннаго въ Лондонѣ генерала, говорилъ, что у него уже готовъ фрегатъ, на которомъ будетъ отправленъ въ Англію французскій „boy“. \*\*) Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, Лафайетъ, однако, и здѣсь не потерялся: онъ отрядилъ двѣ небольшія колонны и послалъ ихъ на встрѣчу къ непріятелю въ обѣ стороны; каждый изъ англійскихъ отрядовъ принялъ посланную колонну за всѣ силы Лафайета и началъ ихъ преслѣдовать; колонны отступали до рѣки Матсона, гдѣ, соединясь между собою и съ главными силами, продефилировали вбродъ по рѣкѣ, скрывшись такимъ образомъ, какъ говорится, подъ самымъ носомъ у непріятеля, въ то время, когда англійскіе отряды, наступая одинъ на другой, чуть было не вступили между собою въ серьезную битву. Благополучно избѣгнувши опасности, Лафайетъ вскорѣ присоединился къ Вашингтону.

17 іюня Филадельфія была очищена англійскими

---

\*) Тотъ самый, съ которымъ Лафайетъ встрѣчался на балахъ въ Лондонѣ.

\*\*) Мальчикъ.

войсками и пребывавшій въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ городѣ Іоркѣ \*) Конгрессъ возвратился въ американскую столицу. Въ это время и американцы и англичане одинаково ждали вмѣшательства въ ихъ борьбу французскихъ войскъ и не принимали ничего рѣшительнаго; сраженій почти не было, исключая одного, извѣстнаго подъ именемъ монмутской битвы, въ которой перевѣсъ остался на сторонѣ американцевъ. Вскорѣ у береговъ Америки появились три французскихъ корабля подъ начальствомъ графа Эстена, между которыми и флотомъ адмирала Гоу произошла морская битва близъ Родъ-Айланда; битва эта не имѣла серьезныхъ послѣдствій ни для той ни для другой стороны.

Между тѣмъ, съ переменною обстоятельствомъ въ пользу Америки, англійскій парламентъ рѣшилъ идти на всевозможныя уступки американцамъ, лишь бы колоніи согласились сохранить связь съ метрополіей. Съ этою цѣлью, въ Америку въ качествѣ комиссаровъ были отправлены Карлиль и Джорджъ Джонсонъ, но Конгрессъ отвергъ всѣ мирныя предложенія посланцевъ и настаивалъ на признаніи полной независимости Соединенныхъ Штатовъ. Во время переговоровъ по этому поводу Карлиль замѣтилъ, что напрасно Америка надѣется на Францію, „страну, извѣстную своимъ коварствомъ“. Эти слова показались оскорбительными Лафайету, и онъ послалъ Карлилю вызовъ на дуэль. Англійскій комиссаръ постарался отклонить вызовъ, благодаря чему дуэль не состоялась. Тѣмъ не менѣе, поступокъ Лафайета произвелъ сильное впечатлѣніе въ Америкѣ.

---

\*) Въ Пенсильваніи.

Мысль вырвать Канаду изъ рукъ англичанъ и возвратить ее Франціи давно уже занимала Лафайета. Онъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ Коломба въ Конгрессъ и просилъ позволить ему лично изложить свои по этому поводу планы. Такое позволеніе было ему дано и мысль о занятіи Канады была въ принципѣ одобрена; однако, Конгрессъ сомнѣвался, чтобы съ наличными силами возможно было осуществленіе этого плана и полагалъ, что было бы лучше всего, если бы инициативу такого дѣла приняла на себя Франція, а „Соединенные Штаты употребили бы все усилія, чтобы помогать французскимъ войскамъ“. Получивши такой отвѣтъ, Лафайетъ послалъ Вашингтону просьбу объ отпускѣ во Францію; онъ писалъ главнокомандующему, что до тѣхъ поръ пока дѣло шло лично о немъ, онъ считалъ за честь и за счастье сражаться подъ американскимъ знаменемъ, но разъ войну начинаетъ его отечество, то чувства долга и патриотизма заставляютъ его явиться во Францію и предоставить ей послать его туда, куда укажетъ надобность. Въ продолженіе этого времени онъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на отпускнаго американскаго солдата, горящаго желаніемъ присоединить свои знамена къ знаменамъ дорогихъ американскихъ товарищей.

Получивши это прошеніе, Вашингтонъ послалъ его Конгрессу, который постановилъ отпустить Лафайета во Францію, снабдивши его такими документами:

„21 октября 1778 года“.

„Конгрессъ постановилъ: принять прошеніе начальника штаба арміи Сѣверо-Американскихъ Со-



единенныхъ Штатовъ маркиза де Лафайетъ объ отпускѣ его во Францію и предоставить ему самому избрать срокъ для своего возвращенія; вмѣстѣ съ тѣмъ поручить Президенту Конгресса благодарить маркиза Лафайета именемъ Конгресса за его горячую преданность американскому дѣлу и за ревностную службу, которую онъ несъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ полнымъ знаніемъ военнаго дѣла и мужествомъ, проявленнымъ имъ во многихъ важныхъ случаяхъ. Въ виду этого, полномочному посланнику Соединенныхъ Штатовъ при Версальскомъ Дворѣ поручается вручить маркизу Лафайету отъ имени Конгресса золотую шпагу, украшенную надлежащими эмблемами“.

Другой документъ заключалъ въ себѣ рекомендацію Лафайета Людовику XVI и былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Нашему великому, вѣрному и дорогому союзнику и другу Людовику XVI, королю французскому и наварскому“.

„Давая разрѣшеніе маркизу де Лафайетъ возвратиться въ его отечество, мы не можемъ отпустить его, не выразивши ему чувствъ глубочайшей благодарности за его усердіе, мужество и преданность нашему дѣлу. Мы назначили его начальникомъ штаба нашей арміи, и онъ вполне оправдалъ наше довѣріе своимъ достойнымъ и мужественнымъ образомъ дѣйствій. Мы рекомендуемъ этого благороднаго молодого человѣка Вашему Величеству, потому что мы видѣли его мудрымъ въ совѣтѣ, храбрымъ на полѣ битвы и терпѣливымъ среди трудовъ и лишеній войны. Въ немъ совмѣщались всегда

преданность долгу и американскаго солдата и Вашего подданнаго, и эта черта заслужила ему особое довѣріе гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, Вашихъ добрыхъ и вѣрныхъ друзей и союзниковъ. Молимъ Бога, да сохранитъ онъ Ваше Величество въ добромъ здравіи. Данъ Конгрессомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.“

Президентъ Конгресса Генрихъ Лоренсъ.

Отсылая эти документы Лафайету, президентъ Конгресса писалъ ему съ своей стороны: „Да хранить васъ Богъ *monsieur*, да поможетъ онъ вамъ достигнуть благополучно отечества и явиться предъ вашимъ государемъ, вашею семьею и вашими друзьями“.

Конгрессъ назначилъ самый лучший свой корабль *l'Alliance* (Союзъ) для путешествія Лафайета въ Европу, какъ, вдругъ, изнеможенный трудными переходами и постоянными лишеніями маркизъ попалъ какъ то разъ подъ сильный осенній дождь, простудился и заболѣлъ горячкою. Слухи о вѣроятности смертельнаго исхода болѣзни „*the soldier's friend'a*“, \*) какъ называли Лафайета солдаты, печалили всю армію. Главный докторъ Кохранъ, припомнивши обращенные къ нему послѣ Брандіуайнской битвы слова Вашингтона, касавшіяся раненаго Лафайета „заботьтесь о немъ, какъ о моемъ сынѣ, потому что я люблю его не меньше сына“, — теперь бросилъ все и поспѣшилъ къ нему на помощь. Положеніе больного, по свидѣтельству врачей, было отчаянное, но молодость и тщательный уходъ взяли верхъ надъ болѣзнию. Выздоровѣвши, онъ сѣлъ на предоставленный въ его распоряженіе ко-

---

\*) Друга солдата.

рабль. Экипажъ l'Alliance'а былъ неполонъ, и Лафайетъ настоялъ, чтобы его пополнили англійскими дезертирами, такъ какъ американскіе матросы,— говорилъ онъ, нужнѣе дома. Эта настойчивость могла ему стоить очень дорого, такъ какъ онъ почти чудомъ спасся отъ заговора, составленнаго во время переѣзда черезъ Атлантическій океанъ англійскими дезертирами, съ цѣлью предать его въ руки англичанъ. Послѣ нѣсколькихъ еще приключеній, Лафайетъ одиннадцатаго января 1779 года бросилъ якорь у береговъ Франціи и немедленно направился въ Парижъ.

## V.

Скрывшійся тайно изъ отечества два года тому назадъ бѣглець былъ встрѣченъ въ Парижѣ взрывомъ общаго восторга. Конечно, болѣе изъ необходимости соблюсти формальность, чѣмъ наложить дѣйствительное наказаніе за совершенный Лафайетомъ проступокъ, Людовикъ XVI приказалъ арестовать его на восемь сутокъ, причемъ заключеніе въ Бастиліи было замѣнено содержаніемъ подъ домашнимъ арестомъ въ дворцѣ Ноайя. Едва истекъ срокъ ареста, какъ Лафайету была доставлена возможность переговорить съ Морпа и перезнакомиться со всѣми министрами. Популярность маркиза достигла въ Парижѣ грандіозныхъ размѣровъ, и сама Марія Антуанета, увлеченная общимъ потокомъ сочувствія предпринятому Лафайетомъ дѣлу, назначила его командиромъ полка королевскихъ драгуновъ. Своею популярностью Лафайетъ пользовался всецѣло въ интересахъ американскаго дѣла, поминутно развивая передъ министрами самые

разнообразные планы. Морпа, боявшійся особеннаго усилія Соединенныхъ Штатовъ и Некеръ, по финансовымъ соображеніямъ, отклонили предложеніе Лафайета о вторженіи въ Канаду, но онъ не успокаивался и предлагалъ, то предпринять возмущеніе Ирландіи, то произвести десантъ въ самую Англію, то вступить въ соглашеніе съ Швеціей для совмѣстныхъ дѣйствій противъ владычницы морей. Въ то же время Лафайетъ велъ энергичную пропаганду дѣла американской свободы въ парижскихъ салонахъ и пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы показать всю благодѣтельность этого дѣла для человѣчества. Приходилось также нерѣдко опровергать ложные слухи, распускаемые врагами Соединенныхъ Штатовъ: такъ, когда, однажды, въ англійскихъ газетахъ появилось извѣстіе, будто Людовикъ XVI „покинулъ бунтовщиковъ и отозвалъ изъ Америки маркиза Лафайета“, то онъ напечаталъ вышеприведенное письмо президента Конгресса къ королю и письмо Вашингтона къ Франклину \*).

Не остановившись не на чемъ опредѣленномъ, версальскій кабинетъ рѣшилъ, однако, въ принципѣ предпринять что нибудь рѣшительное въ пользу американцевъ, и Лафайетъ, силою вещей явился естественнымъ посредникомъ между Парижемъ и Филадельфіей. Пользуясь какъ нельзя лучше такимъ положеніемъ, Лафайетъ пишетъ рядъ писемъ

---

\*) Передъ отъѣздомъ Лафайета изъ Америки Вашингтонъ далъ ему къ Франклину такое письмо: „было бы бесполезно рекомендовать вамъ маркиза Лафайета, который явится во Францію, увѣнчанный славою. Если же я, тѣмъ не менѣе, дѣлаю это, то только для того, чтобы удовлетворить собственному желанію, сказавши вамъ, что я лично считаю Лафайета своимъ очень близкимъ другомъ“.



графу Верженю, въ которыхъ уже чувствуется тонъ писаній двадцатилѣтнихъ генераловъ, выступившихъ на историческую арену двѣнадцать лѣтъ спустя. Это иначе и быть не могло, ибо Лафайетъ былъ изъ ихъ числа...

„Предоставьте въ мое распоряженіе авангардъ изъ гренадеровъ и охотниковъ,—пишетъ Лафайетъ графу Верженю, — присоедините къ нему отрядъ королевскихъ драгунъ,—всего какихъ нибудь полторы—двѣ тысячи человѣкъ, и я вторгнусь въ Англію; я знаю англичанъ и они меня знаютъ, а это важное условіе для войны... Я не царедворецъ, я еще менѣе вельможа и потому прошу васъ, г. министръ, смотрѣть на меня только, какъ на солдата“.

„Вы, вѣроятно, находите меня черезчуръ пылкимъ, — пишетъ Лафайетъ Верженю въ другомъ письмѣ, но знайте, что я страстно люблю военное дѣло, считаю себя рожденнымъ для него и привыкъ уже командовать отрядами и пользоваться большимъ довѣріемъ! Знайте, что я обожаю отечество и что одна мысль видѣть Англію униженною заставляеть меня трепетать отъ восторга. Знайте, что я столько же отличенъ уваженіемъ моихъ согражданъ, сколько и ненавистью непріятелей! Судите же, графъ, (я не пишу вамъ, какъ министру) о томъ нетерпѣніи, которое овладѣваетъ мною отъ неизвѣстности, — назначенъ ли я отправиться въ Англію и развернуть первое знамя на территоріи этой гнусной націи“.

Планъ десанта въ Англію былъ, однако французскимъ правительствомъ вскорѣ оставленъ. По этому поводу Лафайетъ страшно волновался и писалъ Верженю:

„Мнѣ просто не вѣрится въ дошедшія до меня вѣсти! Ради Бога! побьемте разокъ англичанъ хорошенько, сумѣемъ быть страшными, а потомъ уже и подумаемъ о выгодномъ для насъ мирѣ“!

Но оставивши планъ высадки въ Англію, французское правительство не оставило мысли о помощи американцамъ. Остановились было на томъ, чтобы послать прямо въ Америку французскія войска, но тутъ представлялись затрудненія. Общественное мнѣніе въ Америкѣ было на сторонѣ французскаго вмѣшательства въ англо-американскую распрю, Конгрессъ готовъ былъ, въ свою очередь, помочь французскимъ войскамъ въ случаѣ нападенія ихъ на Канаду, но дѣло въ томъ, что все-таки не совсѣмъ исчезло еще въ Америкѣ старое соперничество съ французами; существовали тамъ и опасенія, какъ бы не промѣнять англійское владычество надъ колоніями на владычество французское и это обстоятельство заставляло опасаться за дурной пріемъ въ Америкѣ французскихъ войскъ. Лафайетъ вмѣшался и въ это дѣло и 18 февраля писалъ Верженю:

„Многіе говорятъ, что французскія войска будутъ дурно приняты въ Америкѣ. Я не стану отрицать того, что съ американцами трудно вато ладить, особенно если принять во вниманіе французскій характеръ, но если бы король назначилъ меня начальникомъ отряда, то отвѣчаю вамъ головою, что я сумѣю устранить всѣ шероховатости и обезпечить самый лучшій пріемъ нашимъ войскамъ“.

Послѣ долгихъ соображеній Версальскій кабинетъ рѣшилъ, наконецъ, послать въ Америку небольшой отрядъ ввѣривши командованіе надъ нимъ графу Рошамбо, молодому генералу, военныя способности

котораго были оцѣнены во время Семилѣтней войны. Что же касается Лафайета, то онъ долженъ былъ ѣхать впередъ и извѣстить Вашингтона и Конгрессъ о принятомъ французскимъ правительствомъ рѣшеніи. Впрочемъ, это былъ не единственный результатъ поѣздки Лафайета изъ Америки во Францію, такъ какъ, благодаря его систематическимъ настояніямъ, для Соединенныхъ Штатовъ былъ сдѣланъ заемъ въ шесть милліоновъ, которые и были переданы въ распоряженіе Франклина на покупку оружія, платья и боевыхъ припасовъ для американской арміи.

Одиннадцатаго марта 1780 года Лафайетъ сѣлъ на предоставленный въ его распоряженіе фрегатъ „l'Hermione“ и отплылъ снова въ Америку, а 27 апрѣля уже писалъ такую записку Вашингтону, помѣтивши мѣсто отправки ея „входомъ въ бостонскій портъ“: „я здѣсь, мой дорогой генералъ, и отъ радости, которую испытываю въ качествѣ одного изъ вашихъ вѣрныхъ солдатъ, могу сказать вамъ только, что я прибылъ изъ Франціи на фрегатѣ, назначеннаго для моего путешествія королемъ. Мнѣ нужно переговорить съ вами о чрезвычайно важныхъ дѣлахъ: я долженъ сообщить ихъ сначала вамъ одному. Въ случаѣ, если мое письмо застанетъ васъ по эту сторону Филадельфіи, умоляю васъ подождать меня; смѣю васъ увѣрить, что это будетъ чрезвычайно важно для общественнаго дѣла! До свиданія. Вы легко узнаете по почерку вашего молодого „солдата“. Возвращеніе Лафайета въ Америку было востѣчено всеобщею радостью; все населеніе столицы выбѣжало на берегъ встрѣчать его. Онъ былъ торжественно отведенъ къ губернатору, откуда немедленно отправился въ штабъ арміи. Вашингтонъ онялъ со слезами радости своего мо-

лодого друга, который тутъ же сообщилъ ему о рѣшеніи Версальскаго кабинета. Главнокомандующій принялъ это извѣстіе съ глубокою благодарностью и смотрѣлъ на предлагаемую помощь, какъ на залогъ близкаго окончанія войны. Чувство это еще болѣе у него усилилось и его стала раздѣлять вся американская армія, когда стала извѣстна инструкція, данная французскимъ правительствомъ графу Рошамбо. Въ инструкціяхъ этихъ слышалась нотка деликатной заботы всячески щадить самолюбіе американцевъ: Рошамбо съ своими солдатами долженъ былъ находиться постоянно подъ командою Вашингтона; въ случаѣ соединенія обѣихъ армій, французскія войска должны были играть роль вспомогательныхъ силъ, оставляя вездѣ главенство за американцами; въ случаѣ равенства чина и старшинства производства, французскіе офицеры должны были находиться въ подчиненіи у американскихъ.

Все это произвело чрезвычайно благопріятное впечатленіе на американцевъ. Прибытія французской арміи ждали тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что во время пребыванія Лафайета въ Парижѣ положеніе дѣлъ въ Америкѣ опять значительно измѣнилось къ худшему: лордъ Коривалисъ завладѣлъ обѣими Каролинами и Георгіей, партія торіевъ подняла голову, въ Соединенныхъ Штатахъ замѣчался упадокъ духа. Въ маѣ Генрихъ Клинтонъ овладѣлъ Чарлстоуномъ, что было новымъ съ оіюняимъ ударомъ для американцевъ. Семнадцатого началъ была, наконецъ, французская эскадра подъ армія <sup>бы</sup> Бомъ Тернея въ портъ Родъ-Айландъ и Сю-Йоркъ. <sup>амбо</sup> Рошамбо расположилась лагеремъ вблизи Ньюль отъ фрза-долго передъ тѣмъ Лафайетъ получилъ, въ которомъ французскаго морского министра письмо



министръ увѣдомлялъ его, что „недостатокъ судовъ не позволяетъ пока отправить въ Америку болѣе пяти тысячъ человѣкъ, но что осенью, вѣроятно, будетъ прислано еще два полка“. Эти дополнительные полки такъ и не были отправлены, но съ помощью прибывшихъ французскихъ силъ, положеніе вещей въ Соединенныхъ Штатахъ приняло опять совсѣмъ иной оборотъ. Узнавши о прибытіи Рошамбо, Клинтонъ посадилъ на корабли отрядъ въ въ десять тысячъ человѣкъ и хотѣлъ напасть на Родъ-Айландъ. Французскія войска, подкрѣпленные трехтысячнымъ отрядомъ американцевъ, который привелъ Лафайетъ, приготовились къ защитѣ; сюда же шелъ изъ Нью-Йорка со всѣми силами Вашингтонъ. При такихъ условіяхъ, Клинтонъ не рѣшился дать сраженія и повернулъ назадъ.

Въ этотъ годъ, хотя американцы и не одержали ни одной рѣшительной побѣды, но близость благопріятной для нихъ развязки войны чувствовалась не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и въ Англіи, гдѣ дѣлались послѣднія попытки склонить „бунтовщиковъ“, путемъ всякихъ уступокъ, положить орудіе. Конгрессъ не пожелалъ идти ни на какія компромиссы и не ошибаясь своихъ расчетахъ: не болѣе года отдѣляло американскую армію отъ того счастливаго для нея момента, когда почти всѣ англійскія силы, вмѣстѣ съ лордомъ Корнвалисомъ, принуждены были сдаться франко-американскому войску, и когда результатомъ этого славнаго для американцевъ дѣла было блистательное завершеніе войны съ Англіей.

## VI.

Появленіе французовъ на американской территоріи должно было привести къ хорошимъ результатамъ лишь при условіи существованія полнаго согласія между обѣими арміями, и такое согласіе воцарилось, дѣйствительно, съ момента возвращенія Лафайета въ Америку. „Континентальные офицеры тотчасъ же нацѣпили себѣ черную и бѣлую кокарду (черная была американская, бѣлая французская), — говоритъ Лабуле, и до сихъ поръ еще въ Соединенныхъ Штатахъ помнятъ, что солдаты наши, расположенныя близъ американскихъ садовъ, ушли, не тронувши ни одного фрукта. Франклинъ въ своихъ „Мемуарахъ“ подробно говоритъ объ этомъ и восхваляетъ деликатность французскихъ солдатъ“ \*). Такимъ образомъ положеніе дѣлъ поправилось, но чувствовался по прежнему страшный недостатокъ въ деньгахъ... Американскіе офицеры и солдаты писалъ двадцать третьяго іюля Лафайетъ Верженю, — не имѣютъ ни шиллинга. Первые получаютъ только раціоны, не имѣя даже рубашекъ и безъ надежды получить ихъ“. Вслѣдствіе такой нужды, Конгрессъ рѣшилъ отправить во Францію еще одного уполномоченнаго и просить Людовика объ оказаніи помощи американцамъ деньгами, а также о перенесеніи къ берегамъ Америки морскихъ дѣйствій противъ англичанъ, обстоятельство которое должно было развязать руки американской и французской сухопутной арміямъ. Такимъ полномочнымъ агентомъ былъ избранъ почти единогласно

---

\*) Истор. Соед. Штатовъ, рус. пер. стр. 326.

полковникъ Джонъ Лоренсъ. Преданность дѣлу свободы, долголѣтняя военная опытность и репутація, которой пользовался Лоренсъ, дѣлали этотъ выборъ, какъ нельзя болѣе удачнымъ, и новый агентъ отправился во Францію, снабженный подробными инструкціями. Между тѣмъ французскій отрядъ укрѣпился въ Нью-Портѣ и генераль Клинтонъ боялся его атаковать. Лафайетъ настаивалъ на наступательныхъ дѣйствіяхъ на Нью-Йоркъ, но Рошамбо, имѣлъ въ виду свои инструкціи, преписывавшія ему обратить главное вниманіе на Родъ-Айландъ и сдѣлать его операціоннымъ базисомъ, на это не соглашался, вслѣдствіе чего между нимъ и Лафайетомъ произошла небольшая размолвка. Это, впрочемъ, не имѣло серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ вскорѣ послѣ того Лафайетъ въ письмѣ къ Рошамбо созналъ свою неправоту, и между ними установилсь самыя лучшія отношенія. Объ этомъ инцидентѣ, какъ и вообще о положеніи дѣлъ въ это время Лафайетъ говоритъ слѣдующе въ письмѣ къ своей женѣ:

„Такъ какъ англичане продолжаютъ быть господами положенія лишь на морѣ, то вамъ нечего опасаться за здоровье вашихъ американскихъ друзей. Вы должно быть уже знаете, что, прибывши въ Америку, я нашелъ армію Вашингтона сильно уменьшившейся въ численности и очень нуждающейся въ самомъ необходимомъ. Но желаніе не ударить лицомъ въ грязь передъ союзниками дало Соединеннымъ Штатамъ новую силу. Армія генерала Вашингтона увеличилась опять въ полтора раза и къ ней присоединилось бы навѣрно ещедесять тысячъ милиціонервъ, если бы мы перешли вънаступление. Возникли купеческіе союзы, съ цѣлью достав-

ленія провіанта арміи. Дамы собирали и продолжают собирать по подпискѣ средства въ пользу солдатъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства, я позволилъ себѣ явиться вашимъ представителемъ передъ филадельфійскими дамами и подписать отъ вашего имени сто гиней... Господа Рошамбо и Терней, равно какъ и всѣ прочіе французскіе офицеры ведутъ себя превосходно. Моя можетъ быть излишняя откровенность поселила легкое облачко между мною и французскими офицерами. Когда я увидѣлъ, что мнѣ ихъ не переубѣдить, а въ интересахъ дѣла необходимо, чтобы мы были добрыми двузьями, я вездѣ сталъ кричать, что я заблуждался, что мое мнѣніе было ошибочно и торжественно просилъ меня извинить. Все это произвело очень хорошее впечатлѣніе, и наши отношенія теперь лучше, чѣмъ когда либо прежде... Я уже хотѣлъ было закончить этими строками письмо, но, прежде чѣмъ запечатать, мнѣ хочется сказать вамъ, что генералъ Вашингтонъ храйне тронутъ тѣмъ, что мы назвали нашего сына Георгомъ. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ и его крестнику сердечный привѣтъ. Мы говоримъ часто съ нимъ о васъ и о нашей маленькой семьѣ. Прощайте“.

Между тѣмъ среди американцевъ нашелся свой Эфіальтъ \*). То былъ передавшійся на сторону англичанъ американскій генералъ Арнольдъ. Этотъ измѣнникъ вторгся съ англійскими войсками въ Виргинію и предалъ ее огню и мечу. Вашингтонъ послалъ туда Лафайета съ легкимъ отрядомъ пѣхоты въ тысячу двѣсти человекъ; такой же отрядъ выслалъ туда съ своей стороны и Рошамбо. Уже

---

\*) Спартанскій измѣнникъ во время битвы при Оермопилахъ.



Лафайетъ подходилъ къ Портсмуту, въ которомъ укрѣпился Арнольдъ, когда пришло извѣстіе о морской побѣдѣ англичанъ надъ французами, сдѣлавшей ихъ господами Чизеника. Положеніе становилось крайне серьезнымъ. Непріятельская армія значительно превосходила численностью силы Лафайета. Онъ двинулся къ Балтиморѣ. Купцы этого города собрали двѣ тысячи гиней для покупки полотна на рубашки солдатамъ; дамы и дѣвицы обязались ихъ сшить; молодые люди составили изъ себя небольшой отрядъ волонтеровъ, но недостатокъ во всемъ ощущался, тѣмъ не менѣе, на столько сильный, что въ отрядѣ Лафайета стали часто повторяться случаи дезертирства. Тогда Лафайетъ отдалъ приказъ, въ которомъ говорилъ, что онъ намѣренъ предпринять трудный и опасный походъ, что онъ надѣется на свой отрядъ, но что, если кому нибудь хочется дезертировать, то пусть онъ сдѣлаетъ это сейчасъ же, а не во время похода. Послѣ этого Лафайетъ удалилъ изъ своего отряда двухъ солдатъ, подлежавшихъ наказанію за серьезные проступки. Съ этого момента дезертирство прекратилось, и ни одинъ человѣкъ не захотѣлъ покинуть отрядъ.

Изъ Балтиморы Лафайетъ быстро направился въ столицу Виргиніи Ричмондъ. Счастье улыбнулось ему, и Арнольдъ попытался вступить съ нимъ въ переговоры. Лафайетъ отвергъ всякіе переговоры съ измѣнникомъ, что произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе вообще и на Вашингтона въ частности. Положеніе Арнольда сдѣлалось критическимъ, но неожиданное появленіе въ Виргиніи лорда Корнвалиса поправило англійскія дѣла. Для облегченія движенія

Корнвалисъ бросилъ весь обозъ; Лафайетъ сдѣлалъ тоже, и во время того движенія обѣ арміи имѣли только самое необходимое.

Корнвалисъ былъ на столько увѣренъ въ успѣхѣхъ, что въ одномъ изъ перехваченныхъ его писемъ американцы нашли такую фразу: „the boy cannot escape me“ \*\*); однако „the boy“ счастливо избѣгнулъ опасности и на этотъ разъ, и вскорѣ Корнвалису пришлось съ нимъ встрѣтиться при другихъ обстоятельствахъ. Четырнадцатаго сентября въ главную квартиру Лафайета въ Вильямсбургѣ прибылъ Вашингтонъ съ своими силами и принялъ командованіе надъ соединенными арміями. Корнвалисъ заперся въ Йоркъ-Тоунъ и началась памятная осада этого города, окончившаяся, благодаря храбрости американскихъ и французскихъ войскъ, пораженіемъ англичанъ и плѣномъ самого Корнвалиса. Это было въ приснопамятный для американцевъ день восемнадцатаго октября. „Игра сыграна,—писалъ двадцатаго октября Лафайетъ Морпа,—и пятидесятый актъ ея только что кончился“.

## VII.

Едва успѣла жена Лафайета получить отъ него коротенькое увѣдомленіе о блестящей побѣдѣ американцевъ, едва успѣлъ посланный во Францію отъ Рошамбо герцогъ де Лозенъ рассказать маршалу де Ноайю о героическомъ поведеніи Лафайета, какъ онъ самъ неожиданно прибылъ въ Парижъ и былъ встрѣченъ всеобщимъ восторгомъ. Людовикъ XVI далъ названіе Королевско - Оверн-

---

\*\* Мальчикъ отъ меня не уйдетъ.

скаго полку du Gâtinais, который пошелъ первымъ на приступъ Йоркъ-Тауна, а Вержень написалъ Лафайету такое письмо: „пишу вамъ, господинъ маркизь, отъ себя и отъ графа Морпа въ отвѣтъ на ваши письма отъ 24 августа, 20 и 24 октября. Безъ сомнѣнія вы очень огорчитесь извѣстіемъ о смерти Морпа, этой прекрасной личности. Въ немъ потеряли вы преданнаго друга, смѣю васъ въ этомъ увѣрить. Я знаю его чувства къ вамъ и увѣряю васъ, что они ничѣмъ не разнились отъ тѣхъ, которыя питаю къ вамъ и я. Присланный изъ Америки герцогъ де Лозенъ засталъ еще Морпа въ живыхъ, который успѣлъ, такимъ образомъ, порадоваться извѣстію о славныхъ событіяхъ. Радость была всеобщая во всемъ народѣ, и вы можете быть увѣрены въ уваженіи, которое всѣ питаютъ къ вашему имени. Повсюду рассказываютъ съ удовольствіемъ, что хотя и не вы были главнымъ начальникомъ великой компаніи, но что именно ваше благоразумное поведеніе и искусное управленіе своимъ стрядомъ послужили залогомъ успѣха. Я слѣдилъ за каждымъ вашимъ шагомъ во время виргинской компаніи и мнѣ пришлось бы не разъ трепетать за васъ, если бы я не былъ увѣренъ въ вашей мудрости. Надо было быть очень искуснымъ, чтобы продержаться такъ долго передъ лордомъ Корнвалисомъ, столь превосходившимъ васъ силами и столь извѣстнымъ своими военными талантами. Именно вы поставили его въ такое положеніе, что вмѣсто того, чтобы взять въ плѣнъ васъ и вашу отрядъ, какъ это онъ думалъ, онъ оказался принужденнымъ самъ сдаться въ плѣнъ. Исторія мало представляетъ примѣровъ столь полного успѣха, но ошибаются тѣ кто думаетъ, что за этимъ успѣхомъ

послѣдуетъ неминуемый миръ. Не въ характерѣ англичанъ уступать столь легко. Ожидайте самыхъ отчаянныхъ усилій съ ихъ стороны снова захватить земли, которыя они потеряли и даже ихъ расширить, если возможно, а это случится коль скоро Америка предастся гибельному спокойствію и не приготовится къ необходимости удвоить свои усилія, чтобы довести дѣло до конца. Я слышалъ не особенно успокоительные отзывы объ американской арміи; люди очень хороши, но ихъ мало,—а на войнѣ побѣда остается чаще за силою. Скажите объ этомъ, господинъ маркизъ, вашимъ друзьямъ. Заставьте ихъ понять необходимость утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ славное дѣло, которое они начали съ такимъ мужествомъ. Пишите мнѣ, пожалуйста, такъ часто, какъ это возможно. Меня живо интересуется все, касающееся васъ. Моя жена и моя семья раздѣляютъ вполнѣ эти чувства. Въ заключеніе прошу принять изъявленіе преданности“. Это письмо уже не застало Лафайета въ Америкѣ, но графъ де Вержень говорилъ правду, когда писалъ, что имя маркиза находится во всеобщемъ почетѣ. Всѣ мемуары того времени единогласно свидѣтельствуютъ о взрывахъ энтузіазма, которыми былъ встрѣченъ Лафайетъ. Энтузіазмъ этотъ раздѣляла одно время даже Марія Антуанета. Извѣстіе о плѣнѣ Корнвалиса было получено въ то время, когда Парижъ собирался праздновать день рожденія дофина. Приглашенная на устроенный въ этотъ день градіозный балъ l'Hôtel de Ville'ѣ жена Лафайета была осыпана королевскимъ вниманіемъ, и сама Марія Антуанета проводила ее домой въ собственной каретѣ. Когда толпа народа увидѣла въ первый разъ Лафайета, то раздался оглушитель-



ный гуль рукоплесканій и привѣтствій и нѣтъ сомнѣнія, что тутъ дѣйствовали глубокія причины: побѣда надъ англичанами была, такъ сказать, „реваншемъ“ за цѣлое столѣтіе униженій, но на ряду съ тѣмъ выросшее общественное мнѣніе видѣло въ Лафайетъ представителя носившихся уже въ воздухѣ новыхъ идей, человѣка, сражавшагося за благородное дѣло, за свободу народа, Поэтому Парижъ склонялся уже къ тому, чтобы видѣть въ Лафайетъ и собственнаго вождя. Дуновеніе Революціи носилось надъ столицею Франціи, и Лафайетъ олицетворялъ собою въ глазахъ парижанъ одновременно и триумфъ настоящаго и надежды на будущее.

Глядя на вещи поверхностно, можно видѣть страшную непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ французскаго правительства въ это время: развѣ не дѣйствовали французскіе министры противъ короля, правда, короля англійскаго, но все-таки короля и за Республику? Не поддерживали ли они возстаніе народа противъ установленнаго порядка. Не прославляли ли во всеуслышаніе передъ лицомъ всего молодого поколѣнія республиканцевъ Вашингтона, Франклина, Адамса и другихъ? Не учились ли молодые аристократы, уѣхавшіе въ Америку, ненавидѣть насиліе? Не носила ли очень осязательнаго смысла ходячая въ Парижѣ въ то время фраза, что Веньяминъ Франклинъ и Джонъ Адамсъ явились въ Европу, какъ „предтечи той звѣзды свободы, которая уже взошла въ Америкѣ?“ Могло ли остаться безъ вліянія осуществленное на дѣлѣ ученіе о суверенитетѣ народа, тѣмъ болѣе, что само по себѣ оно вышло изъ нѣдръ французскихъ философскихъ школъ? Вѣдь, это историческій

фактъ, что очень скоро послѣ того всѣ партизаны американской независимости Лафайетъ, Рошамбо, Диллонъ, Кюстинъ, Ноай, Дюпортай и многіе другіе стали безповоротно въ самой Франціи на сторону новаго режима. Изъ этого нерѣдко выводятъ заключеніе, что американскія событія послужили прямою причиною переворота во Франціи. Это далеко не такъ. Кажущаяся непослѣдовательность французскаго правительства вполне объясняется экономическими причинами, лежавшими въ основаніи его образа дѣйствій, и заразительность примѣра Америки въ данномъ случаѣ ровно ничего не объясняетъ. Почему же заразительность эта сказалась именно на Франціи, а не на другихъ странахъ? Воспріимчивостью французскаго темперамента объяснить это мудрено. Итальянцы и испанцы не менѣе воспріимчивы и, однако, Америка не подѣйствовала на нихъ заразительнымъ образомъ. Въ томъ то и дѣло, что ко времени великихъ событій въ Америкѣ во Франціи уже были на лицо всѣ элементы для установленія новаго режима. Третій классъ изъ „ничего“ превратился во „все“, и онъ то и диктовалъ незримо Франціи свою волю, онъ составлялъ „общественное мнѣніе“, онъ готовился открыто взять въ свои руки судьбы страны... Американскія событія могутъ быть сравниваемы съ искрою, упавшею на порохъ, но именно на порохъ т. е. на вещество само въ себѣ заключающее всѣ элементы взрыва, и если бы та же искра упала не на порохъ, а на каменистую почву, она не произвела бы ровно никакого эффекта и очень скоро погасла. Такою каменистою почвою и были въ концѣ XVIII вѣка многія государства, и потому никакая заразительность блестящихъ примѣровъ не

могла сдвинуть ихъ съ мѣста ни на одну іоту... Безспорно, что на *отдѣльныхъ лицахъ* событія въ Америкѣ оказали громадное вліяніе, но эти лица были бы, конечно, безсильны воплотить идеи Американской Декларации въ собственномъ отечествѣ, не имѣй эти идеи за собою сочувствія *цѣлаго класса* людей. Сочувствіе же *класса* вытекало, разумѣется, не изъ отвлеченной любви къ идеямъ справедливости и гуманности, а изъ существовавшихъ во Франціи экономическихъ отношеній... Вотъ почему Лафайетъ сдѣлался настоящимъ кумпромъ Парижа.

И на этотъ разъ Конгрессъ счелъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ Людовикомъ свое особенное уваженіе къ Лафайету, написавши „его христіаннѣйшему величеству“ лестное рекомендательное письмо. Мало того: Конгрессъ предписалъ своимъ посланникамъ въ Парижѣ совѣтываться во всемъ, касающемся американскихъ дѣлъ, съ мардизомъ Лафайетомъ. Это скоро пригодилось Америкѣ: Англія предложила Франціи заключить особый миръ на очень выгодныхъ для Версальскаго кабинета условіяхъ. Существовало опасеніе, что въ случаѣ отказа на это Франціи, Англія обратится съ такими же предложеніями отдѣльно къ Америкѣ, а это вовсе не входило въ расчеты французскаго правительства. Лафайетъ явился посредникомъ и въ этомъ дѣлѣ, показавши правительству нѣсколько успокоившія его письма Вашингтона. Чтобы покончить, наконецъ, съ Англіей, Франція и Италія задумали совместное противъ нея предпріятіе [и назначили графа Эстень главнымъ начальникомъ франко-испанскихъ силъ. Принимая это назначеніе, Эстень просилъ назначить ему помощникомъ Лафайета, и онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба

соединенныхъ армій. Экспедиція должна была отправиться изъ Кадикса. Эстенъ отправился въ Кадиксъ черезъ Мадридъ, а Лафайетъ съ четырьмя баталіонами пѣхоты и артиллеріей долженъ былъ выѣхать изъ Бреста. Вержень обнадсжилъ Лафайета новою денежною помощью въ шесть милліоновъ ливровъ на американское дѣло. Планъ кампаніи состоялъ въ томъ, чтобы отправиться въ Ямайку и напасть на нее морскими и сухопутными силами. Лафайетъ получилъ отъ французскаго правительства обѣщаніе, что вслѣдъ за взятіемъ Ямайки, Эстенъ отдѣлитъ особый отрядъ, который попытается произвести возмущеніе въ Канадѣ т. е. осуществить мысль, давно засѣвшую въ головѣ маркиза. Къ этому времени относится слѣдующій анекдотъ: Эстенъ предложилъ испанскому королю Карлу III, какъ только Ямайка будетъ взята, назначить туда генерель-губернаторомъ Лафайета. „Ни за что! — воскликнулъ Карль, — онъ устроитъ тамъ республику“!..

Въ этихъ обстоятельствахъ Англія рѣшила заключить миръ, прелиминарныя условія котораго и были подписаны въ Версали двадцатаго января 1783 года Верженемъ со стороны Франціи и англійскимъ посланникомъ Фицъ-Гербертомъ со стороны Англіи. Эти предварительныя условія были обращены въ окончательныя третьяго сентября того же года. Договоръ былъ подписанъ графомъ Аранда со стороны Испаніи, герцогомъ Манчестеромъ — Англіи и Верженемъ — Франціи. Договоръ между Англіей и Соединенными Штатами былъ подписанъ въ тотъ же день въ Парижѣ Давидомъ Гартлеемъ со стороны Англіи и Веньяминомъ Франклиномъ и Джономъ Адамсомъ со стороны Америки. Судьба Соединенныхъ Штатовъ была рѣшена.



Весною 1875 года Джонъ Адамсъ былъ назначенъ посланникомъ ко двору своего прежняго монарха и прибылъ въ Англію. Онъ былъ принятъ въ Сенджемскомъ дворцѣ перваго іюня.

„Ваше Величество, — сказалъ онъ королю, — я считаю себя наиболѣе счастливымъ изъ всѣхъ моихъ согражданъ, потому что имѣю честь быть первымъ представленнымъ вамъ въ качествѣ дипломата. Но я буду считать себя счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ, если мнѣ удастся достигнуть благорасположенія Вашего Величества къ моей родинѣ.

— „Прошу васъ вѣрить, — отвѣчалъ король, — что въ послѣдней войнѣ я прибѣгалъ только къ тому, что считалъ своею обязанностью относительно моего народа. Я буду откровененъ съ вами: я былъ послѣднимъ, который согласился на отдѣленіе колоній, но такъ какъ это отдѣленіе оказалось неизбежнымъ и стало совершившимся фактомъ, то я могу васъ увѣрить, что буду первымъ благожелателемъ Соединенныхъ Штатовъ и буду смотрѣть на нихъ, какъ на независимое государство“.

Стало очевиднымъ, что Англія перестала и мечтать о возвращеніи утерянныхъ владѣній.

### VIII.

Когда курьеръ привезъ въ Кадиксъ радостную вѣсть о событіяхъ въ Парижѣ, Лафайетъ хотѣлъ непременно самъ ѣхать въ Америку и лично возвѣстить обо всемъ происшедшемъ Вашингтону. Только убѣжденія друзей, что его присутствіе и его вліяніе необходимы для успѣшныхъ переговоровъ съ испанскимъ дворомъ заставили его оста-

вить это намѣреніе. Онъ настоялъ, однако, на томъ, чтобы Эстенъ отправилъ немедленно судно въ Америку. Это судно было названо *le Triomphe* (Торжество). На этомъ суднѣ Лафайетъ послалъ письма Конгрессу и Вашингтону. „Теперь, когда наше благородное дѣло восторжествовало, когда независимость признана и американскія доблести получили достойную награду,—писалъ онъ Конгрессу,—ничего не будетъ упущено, я надѣюсь, изъ виду для укрѣпленія федеральнаго Союза. Да будутъ Штаты на вѣки соединенными и тѣмъ способными отразить европейскіе интриги. На этомъ единствѣ созиждется ихъ сила и ихъ счастье. Примите это пожеланіе, вырвавшееся изъ истинно американскаго сердца“. Письмо къ Вашингтону отличается замѣчательною задушевностью: „Мнѣ было бы почти печально увѣдомить васъ,—писалъ онъ ему,—объ окончаніи трагедіи, въ которой вы играли столь великую роль, если бы я видѣлъ въ васъ такого человѣка, какъ Цезарь или прусскій король. Но вы не таковъ, и я радуюсь отъ всего сердца, дорогой мой генераль, заключенію мира, условія котораго превзошли мои ожиданія. Вспомните время нашихъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ непріятеля, и пусть память о бывшихъ опасностяхъ и трудахъ оттѣнитъ еще болѣе радостное настоящее. Мною овладѣваетъ чувство гордости, чувство счастья при мысли о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось окончаніе моего вмѣшательства въ американское дѣло. Каковы же должны быть чувства ваши, чувства человѣка, который, по всей справедливости, долженъ смотрѣть на все совершившееся, какъ на свое дѣтище, чувства вашего благороднаго и доблестнаго сердца въ счастливый моментъ увѣнчанія славной

революціи, которую вы создали. Я чувствую, что будетъ кружиться голова у моихъ внуковъ, когда они будутъ произносить ваше имя! И какою гордостью должны будутъ наполняться ихъ сердца при воспоминаніи того, что одинъ изъ ихъ предковъ находился въ рядахъ вашихъ солдатъ и былъ удостоенъ вашей дружбы. Я завѣщаю старшему въ родѣ, пока только продолжится мое потомство, въ память великой чести, которую вы мнѣ оказали, ставши крестнымъ отцемъ моего сына Георга, называться этимъ именемъ. Я думалъ самъ отправиться въ Америку съ извѣстіями о мирѣ. Изъ прилагаемой копіи съ моего письма въ Конгрессъ вы усмотрите тѣ причины, которыя заставили меня отправиться въ Мадридъ. Оттуда я рассчитываю ѣхать въ Парижъ, а въ іюнѣ обязательно двинусь въ Америку. Я буду счастливъ, безмѣрно счастливъ отъ возможности обнять васъ, мой дорогой генералъ, васъ, моего отца, моего лучшаго друга, котораго я обожаю и цѣню такъ, какъ не выразить никакія слова!... А потомъ, послѣ того, какъ вы немного отдохнете, позвольте мнѣ предложить вамъ планъ дѣйствій, направленныхъ на улучшеніе участи чернокожей части человѣческаго рода. Соединимся вмѣстѣ, купимъ маленькій участокъ земли и попытаемся, освободивши на немъ негровъ, смотрѣть на нихъ, какъ на свободныхъ людей. Подобный примѣръ, разъ онъ будетъ данъ вами, повлечетъ за собою несомнѣнно подражанія, а если это дѣло удастся въ Америкѣ, я съ радостью посвящу часть моего времени такому же опыту на Антильскихъ островахъ. Если это проектъ нѣсколько странный, то я предпочитаю считаться лучше сумасшедшимъ, дѣйствуя именно такимъ

образомъ, нежели слыть мудрымъ за противоположный образъ дѣйствій. Я спораю отъ нетерпѣнія получить отъ васъ вѣсти. Прощайте, прощайте, дорогой генералъ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе madame Вашингтонъ. Мы еще поспоримъ обо многомъ, потому что я постараюсь, во что бы то ни стало, заставить васъ проѣхаться со мною во Францію. Васъ будетъ сопровождать madame Вашингтонъ, что сдѣлаетъ меня и madam Лафайетъ поистинѣ счастливыми. Будьте любезны засвидѣтельствовать мое почтеніе и вашей матушкѣ. Я отъ всей души раздѣляю ея счастье имѣть такого сына, какъ вы“. Всѣ письма Лафайета къ Вашингтону отличаются такими же горячими порывами души и выраженіями самой трогательной привязанности къ великому американцу. Въ нихъ чувствуется душа человѣка, озабоченная постоянно то тѣмъ то другимъ благороднымъ дѣломъ: сегодня это независимость Америки, завтра—эмансипація негровъ, потомъ свобода совѣсти для протестантовъ и т. д. вплоть до Декларациі правъ человѣка и гражданина. Безъ сомнѣнія въ исторіи находятся и другіе примѣры такого же мужества и такого же прямодушія, но немного найдется людей такой неизсякаемой энергіей, такого восторженнаго отношенія къ принимаемымъ на себя задачамъ, такой вѣры въ человѣчество и такого самоотверженія, какъ Лафайетъ. Въ отвѣтъ на посланное письмо Лафайетъ получилъ отъ Вашингтона, между прочимъ, и такія строки: „предлагаемый вами, дорогой маркизь, планъ эмансипаціи негровъ служить новымъ доказательствомъ благородныхъ порывовъ вашего сердца. Я буду считать себя счастливымъ, если мнѣ удастся принять участіе въ столь благомъ



дѣлѣ; о подробностяхъ же этого дѣла мы поговоримъ въ то время, когда я буду имѣть удовольствіе увидѣть васъ лично“. Вскорѣ послѣ этого Лафайетъ купилъ въ Кайенѣ имѣніе „la Belle Gabrielle“, чтобы въ немъ дать примѣръ дарового освобожденія негровъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ встрѣтилъ живую поддержку со стороны своей жены: вполнѣ раздѣляя мнѣніе Лафайета о необходимости повсемѣстнаго уничтоженія рабства, Адриена, въ качествѣ пламенной христіанки, думала вмѣстѣ съ тѣмъ о преподаваніи неграмъ первыхъ правилъ христіанской морали и съ этою цѣлью начала завязывать сношенія съ миссіонерами. Событія французской революціи не позволили ей увидѣть полного осуществленія ея желаній, но она имѣла, по крайней мѣрѣ, удовольствіе узнать, что въ плантаціи la Belle Gabrielle негры не совершали такихъ ужасовъ, которые разразились во время возстанія ихъ въ другихъ мѣстахъ.

Прежде чѣмъ вернуться въ Парижъ, Лафайетъ остановился въ Мадритѣ. Недовѣрчивая Испанія еще не признавала факта независимости Соединенныхъ Штатовъ и не принимала официально уполномоченныхъ агентовъ новаго государства. Лафайетъ испросилъ аудіенцію у Карла III, говорилъ съ министромъ графомъ Флорида-Бланка и настоялъ на представленіи двору Кармишеля въ качествѣ американскаго дипломата. Послѣ того онъ отправился въ Парижъ. Здѣсь онъ узналъ, что его письма къ Вашингтону и Конгрессу изъ Кадикса были первыми извѣстіями въ Америкѣ о мирѣ, и что въ іюнѣ мѣсяцѣ Конгрессъ распустилъ армію, а двадцать третьяго декабря Вашингтонъ, явившись въ Конгрессъ, сложилъ съ себя званіе главнокоман-

дующаго. Лафайетъ былъ въ восторгѣ. Онъ упредилъ лишь судъ исторіи, когда сказалъ о Вашингтонѣ, что „никогда еще человѣкъ не занималъ болѣе почетнаго мѣста въ мірѣ; что потомство еще болѣе возвеличитъ это имя; что никогда въ одномъ человѣкѣ не совмѣщалось столько великаго и прекраснаго; что имъ равно можетъ восхищаться солдатъ и государственнѣйшій дѣятель, патріотъ и философъ и что никогда революція, по своимъ мотивамъ, теченію и слѣдствіямъ, не въ состояніи болѣе прославить своего вождя, чѣмъ революція американская“.

Вашингтонъ удалился съ своею женою и матерью подъ сѣнь Моунтъ-Вернона и тамъ, повѣсивши мечъ, взялся за плугъ. Онъ возвратился еще болѣе бѣднымъ, чѣмъ отправился въ походъ. Изъ своего скромнаго убѣжища онъ написалъ Лафайету письмо, которое мы приводимъ здѣсь цѣликомъ:

„Наконецъ то, дорогой мой маркизъ, я простой гражданинъ и живу на берегахъ Потомака въ тѣни виноградныхъ и фиговыхъ деревьевъ, свободнымъ отъ военныхъ бурь и тревоженій политической дѣятельности. Мнѣ нравится мирная жизнь: вѣчно озабоченный своей военной репутаціей солдатъ, посвящающій дни и ночи на размышленіе о превознесеніи своего народа или униженіи другого государственнѣйшій дѣятель, какъ будто на земномъ шарѣ недостаточно мѣста для всѣхъ, жаждущій милостивой улыбки безпрестанно напряженный царедворецъ, — всѣ эти люди едва ли не могутъ понять всю прелесть сельской жизни.

„Я не только удалился отъ общественныхъ дѣлъ, но и углубился въ самого себя. Частная жизнь доставляетъ мнѣ глубокое удовлетвореніе. Не за-

видуя никому, я рѣшился быть довольнымъ всѣмъ и въ такомъ состояніи духа, мой дорогой другъ, я поплыву по рѣкѣ жизни до минуты, когда успокоюсь возлѣ моихъ предковъ.

„Безполезно сообщать вамъ теперь, что двадцать третьяго ноября англичане очистили Нью-Йоркъ, что въ тотъ же день этотъ городъ заняли американскія войска, а затѣмъ туда начали переводить всѣ государственныя учрежденія; что, несмотря на ожиданія и предсказанія генерала Карлтона, его офицеровъ и всѣхъ роялистовъ, самый строгій порядокъ былъ немедленно установленъ и между пятымъ и шестымъ декабря портъ Нью-Йоркъ совершенно очистился отъ британскихъ знаменъ. Говорить ли вамъ о томъ, что вслѣдъ за занятіемъ нами города я былъ настолько заваленъ дѣлами, что не имѣлъ и минуты, чтобъ вамъ написать. На возвратномъ пути мнѣ пришлось прожить съ недѣлю въ Филадельфіи, а затѣмъ я направился въ Аннаполисъ, гдѣ находился и гдѣ еще и теперь находится Конгрессъ и гдѣ я, воздавши ему послѣднія почести, получилъ отставку. Наканунѣ Рождества, наконецъ, двери этого дома впустили въ него человѣка, постарѣвшаго на десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ былъ здѣсь. Впрочемъ, этого рода вещи могутъ интересовать только одного меня. Въ настоящую минуту льдами и снѣгомъ мы отрѣзаны отъ всего міра. Зима этого года необыкновенно сурова.

„Теперь позвольте поблагодарить васъ за ваши письма отъ 22 іюля и 8 сентября. Заключающіяся въ нихъ подробности о политическихъ о коммерческихъ дѣлахъ Америки очень интересны и крайне утѣшительны. Участіе, которое вы принимаете въ

нихъ вообще и въ дѣлѣ объ открытіи французскихъ портовъ для Америки въ частности, служить новымъ доказательствомъ вашей неутомимой службы нашей странѣ, но въ вашемъ письмѣ Конгрессу, дорогой маркизъ, есть мѣсто, еще болѣе ясно свидѣтельствующее о вашемъ превосходномъ сердцѣ; я говорю о томъ мѣстѣ, гдѣ вы выражаете ваши благородныя и великодушныя чувства по отношенію къ вѣрнымъ друзьямъ и слугамъ нашей страны.

„Отъ души благодарю васъ за ваше приглашеніе навѣстить васъ, если мнѣ случится быть въ Парижѣ; едва ли мнѣ удастся совершить подобное путешествіе. Разстроившіяся за послѣдніе годы мои личныя дѣла заставляютъ не только отложить это намѣреніе, но, вѣроятно, и вовсе не позволятъ привести его въ исполненіе. Такія соображенія не существуютъ для васъ и потому, не пріѣдете ли вы, вмѣстѣ съ madame Лафайетъ, навѣстить мою хижину? Я часто говорилъ вамъ и снова повторяю, что нигдѣ вы не будете встрѣчены съ такою любовью, какъ у меня и madame Вашингтонъ. Шлемъ отъ души наши привѣты вамъ, вашей женѣ и вашей семьѣ. Примите же чувства уваженія, расположенія и дружбы вашего Вашингтона“.

Получивъ это письмо, Лафайетъ не заставлялъ себя долго ждать.

## IX.

Четвертаго августа 1784 года французскій корабль привезъ къ берегамъ Америки Лафайета въ третій разъ. Путешествіе молодого маркиза по Соединеннымъ Штатамъ было теперь настоящимъ три-



умфальнымъ шествіемъ. Въ Ричмондѣ его встрѣтилъ Вашингтонъ и они отправились въ мирное убѣжище американскаго гражданина въ Моунтъ-Вернонъ, а затѣмъ путешествовали вмѣстѣ, посѣтивши Балтимору, Филадельфію и другіе города. На многочисленные адреса, со всѣхъ сторонъ стекавшіеся къ Лафайету, онъ неизмѣнно отвѣчалъ опредѣленно выраженнымъ желаніемъ видѣть уничтоженнымъ рабовладѣльчество, но, само собою разумѣется, что это вовсе не входило въ расчеты американцевъ. Для такой реформы еще не созрѣли тогда экономическія условія, и потому „сочувствіе“ предложенію Лафайета почти нигдѣ не шло далѣе увѣреній, что „мы бы, конечно, съ радостью, но что съ другой стороны,.. для ихъ же пользы,.. и т. д.“ И такіе отвѣты получались, не взирая на всю, поистинѣ, колоссальную популярность лица, предлагавшаго реформу. Въ особенности замѣчательнъ пріемъ, который оказалъ Лафайету Конгрессъ. Извѣщенный о близкомъ отъѣздѣ маркиза въ Европу, Конгрессъ образовалъ особый комитетъ изъ представителей каждаго штата и назначилъ днемъ собранія его одиннадцатое декабря для торжественнаго пріема Лафайета, для пожеланія ему счастливаго пути и для выраженія благодарности за новыя доказательства преданности маркиза Соединеннымъ Штатамъ, видной изъ его заботъ о политическихъ и коммерческихъ интересахъ новаго государства. Президентъ же Конгресса долженъ былъ сказать Лафайету, что Штаты считаютъ его своимъ гражданиномъ-патріотомъ, что они никогда не перестанутъ интересоваться его судьбою, его славой и его счастьемъ и что чувства самой живѣйшей благодарности американцевъ будутъ сопутство-

вать ему во все продолженіе его жизни. На все это Лафайетъ отвѣчалъ рѣчью, воспроизведенною въ газетахъ того времени:

„Не могу выразить Конгрессу Соединенныхъ Штатовъ, — сказалъ онъ, — всей моей глубокой благодарности за оказанный мнѣ въ Америкѣ пріемъ, равно какъ и испытываемаго мною удовольствія при видѣ счастья, которымъ стали наслаждаться Штаты. Съ того момента, когда я увидалъ въ первый разъ американскій материкъ, я страстно жаждалъ дня, въ который мнѣ удастся поздравить Конгрессъ съ побѣдою. Признаюсь, первыя побужденія, толкнувшія меня принять участіе въ американскомъ дѣлѣ были, если можно такъ выразиться, инстинктивны, непроизвольны. Я далекъ былъ тогда отъ самой возможности представить себѣ всѣ нити, которыя привяжутъ меня къ благополучію и славѣ Штатовъ. Но я увидѣлъ американцевъ взявшихся за исполненіе такихъ великихъ плановъ, людей, одаренныхъ такими добродѣтелями, что не могъ не привязаться къ нимъ всѣмъ сердцемъ и привязанность эта окончится только вмѣстѣ съ моею жизнью.

„Хватаюсь съ радостью за случай поблагодарить Конгрессъ за то довѣріе, которымъ онъ меня почтилъ во время американской революціи. Это довѣріе началось еще тогда, когда я, явившись сюда неопытнымъ юношею, такъ нуждался въ отеческой заботливости моего знаменитаго и уважаемаго друга. Оно продолжалось въ теченіе всѣхъ перипетій войны. Я долженъ здѣсь констатировать, что я часто находилъ въ личномъ расположеніи ко мнѣ жителей и ихъ довѣріи могущественнѣйшій источникъ силы для преодоленія встрѣчавшихся

затрудненій. Воспоминаніе объ этомъ даетъ мнѣ смѣлость въ эту торжественную минуту напомнить Конгрессу, Соединеннымъ Штатамъ и всѣмъ ихъ гражданамъ о моихъ дорогихъ товарищахъ по оружію, храбрость и услуги которыхъ были такъ полезны отечеству.

„Глубоко чувствуя всю важность той помощи, которую намъ оказалъ нашъ доблестный монархъ, я радуюсь при мысли, что этотъ союзъ послужитъ ко взаимной пользѣ. Воспоминаніе о прошломъ служить тому порукою, а будущее способно лишь усилить эту сладкую надежду.

„Отъ чистаго сердца желалъ бы я видѣть федерацію упроченною, торговлю правильною, границы обезпеченными, флотъ могущественнымъ. На этихъ основаніяхъ созиждется истинная независимость Соединенныхъ Штатовъ. Да будетъ величественный храмъ свободѣ, который мы только что воздвигли, урокомъ утѣснителямъ, примѣромъ для угнетенныхъ, убѣжищемъ человѣческихъ правъ и да возрадуются, глядя на него, и въ грядущіе вѣка тѣни его основателей!“

Послѣ этого Лафайетъ собрался въ путь, осыпанный знаками признательности со стороны американцевъ. Различные штаты давали его имя городамъ и цѣлымъ графствамъ. Столицы присылали ему право на гражданство. Отъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ отъ государства, ему со всѣмъ его потомствомъ былъ выданъ дипломъ на американское гражданство. Виргинія поставила его бюстъ въ залѣ совѣщаній въ Ричмондѣ. Наконецъ, рѣшено было послать мраморный бюстъ Лафайета посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Парижъ и ходатайствовать о постановкѣ его въ l'Hôtel de Ville'ѣ. Это было торжественно исполнено.

Покрытый благословеніями цѣлаго народа, Лафайетъ, послѣ великолѣпнаго празднества въ его честь, отправился въ Бостонъ и тамъ получилъ отъ Вашингтона письмо:

„Теряя изъ виду вашъ экипажъ, — писалъ ему американскій Цинциннатъ, — я спрашивалъ себя: неужели я видѣлся съ вами въ послѣдній разъ и, несмотря на мое желаніе сказать „нѣтъ“, предчувствіе повторяло его мнѣ: „да“. Дни юности пробуждались въ моей памяти, я чувствовалъ, что они уже давно и безвозвратно прошли, что я опускаюсь по склону той горы, къ высотамъ которой шелъ пятьдесятъ два года. Не взирая на крѣпость моего сложенія, я принадлежу къ семейству недолговѣчному и долженъ ожидать скорого отдохновенія въ могилѣ моихъ предковъ. Эти мысли омрачали предо мною горизонтъ, застилали тучею мое будущее, а, слѣдовательно, и надежду снова васъ увидѣть. Но не жалуюсь. И у меня былъ свой день. Не могу выразить того чувства любви, которое я питаю къ вамъ, да даже и не пытаюсь это сдѣлать. Возношу горячія мольбы за вашъ благополучный и счастливый путь, за вашу встрѣчу съ женою, съ семействомъ и за исполненіе всѣхъ вашихъ желаній“.

Въ этихъ строкахъ вылилась вся трогательная привязанность великаго американца къ Лафайету, на которую маркизъ отвѣчалъ тѣмъ же до самой смерти. Примѣръ американскаго героя не могъ не оказать извѣстной доли вліянія на всю послѣдующую дѣятельность Лафайета. Всю жизнь они вели самую душевную переписку, замѣнившую ими личную встрѣчу, которой не суждено было болѣе осуществиться. „Вашингтонъ питалъ къ Лафайету



любовь истинно отеческую,—говоритъ Гизо,—самую нѣжную, можетъ быть, изъ всѣхъ испытанныхъ имъ въ жизни. Независимо отъ оказанныхъ Лафайетомъ услугъ, чувства личнаго къ нему уваженія и очаровательности его характера, независимо даже отъ преданности, исполненной живого энтузіазма, которую питалъ къ нему самъ Лафайетъ, невозмутимо покойному духомъ американскому полководцу чрезвычайно нравился этотъ блестящій молодой дворянинъ, этотъ рыцарь, который, уклонившись отъ очарованій Версальскаго двора, посвятилъ свою шпагу и богатство американцамъ. Это было, по мнѣнію Вашингтона, выраженія сочувствія благороднѣйшихъ людей Стараго Свѣта, какъ лично къ нему, такъ и къ дѣлу свободы, которое онъ отстаивалъ. Лафайетъ былъ звеномъ, связующимъ Вашингтона съ блестящимъ, остроумнымъ и справедливо прославленнымъ французскимъ обществомъ. Это льстило его скромному величію столько же сколько и трогало. Его мысли обращались съ волненіемъ, проникнутымъ самыми благосклонными чувствами, къ этому юному другу, который бросилъ все, чтобы ратовать рядомъ съ нимъ“ \*).

„Если бы Лафайетъ имѣлъ счастье родиться въ Соединенныхъ Штатахъ, — говоритъ madame Сталь, — онъ велъ бы себя точно также, какъ Вашингтонъ: тоже безкорыстіе, тотъ же энтузіазмъ, тоже постоянство убѣжденій отличаютъ обоихъ великодушныхъ друзей человѣчества“.

И далѣе:

„Со времени отъѣзда Лафайета въ Америку нельзя привести въ теченіе сорока лѣтъ ни одного его

---

\*) Историческій очеркъ жизни Вашингтона, стр. 79.

дѣйствія, ни одного слова, которое шло бы въ разрѣзъ съ его убѣжденіями и никогда личный интересъ не примѣшивался къ его образу дѣйствій“. \*\*)

Такъ связала судьба этихъ двухъ людей. Повѣствуя объ этомъ, Лабуле обратился къ своимъ слушателямъ съ такими словами:

„Нѣкогда, въ древности трогательный обычай освящалъ гостепріимство: „tessera“, медальонъ изъ земли съ изображеніемъ головы Юпитера-страннопріимца разламывался на двое: раздѣленный между двумя семействами онъ служилъ символомъ или отличительнымъ знакомъ чужестранца, приходившаго издалека. Складывали вмѣстѣ оба куска, находили въ немъ общее имя, память старой дружбы, мысль предковъ. У насъ тоже есть свой символъ: мы не можемъ произнести имени Вашингтона, чтобы американецъ не отвѣтилъ намъ именемъ Лафайета; имена эти нераздѣльны, а воспоминаніе о нихъ, долженствующее соединить Францію и Америку узами вѣчной дружбы, славно и нетлѣнно“. \*\*\*)

Политическое воспитаніе Лафайета вполне завершилось этимъ третьимъ путешествіемъ въ Америку, но тѣмъ болѣе контрастъ со всѣмъ складомъ окончательно выработанныхъ имъ въ демократической странѣ убѣжденій должно было представить предъ нимъ все то, что онъ встрѣтилъ на собственной родинѣ, какъ только взоръ его, оторвавшись отъ американскихъ дѣлъ, устремился на положеніе Франціи. Его первымъ важнымъ шагомъ въ общественной дѣятельности по возвращеніи на

---

\*\*) Considerations sur la revolution française par madame de Staël. p. 214.

\*\*\*) Исторія Соедин. Штатовъ, стр. 313.

родину была агитація за свободу совѣсти протестантовъ, которые терпѣли самыя невыносимыя притѣсненія. Правда, не было уже открытыхъ кровавыхъ преслѣдованій за религію, не было ни драгонадъ, ни Варфоломеевскихъ ночей, но положеніе протестантовъ всецѣло зависѣло отъ личнаго каприза короля, парламентовъ, министровъ. Ихъ браки не признавались законными, духовныя завѣщанія тоже, они сами были едва терпимы. Вступившись за нихъ, Лафайетъ почти не нашель вокругъ себя поддержки. Такова была еще сила предрасудковъ въ вѣкъ Вольтера и энциклопедистовъ въ этомъ сотканномъ изъ противорѣчій обществѣ. Все что могъ достигнуть Лафайетъ, при помощи Мальзерба, — это получить командировку въ Севены, съ цѣлью детальнаго ознакомленія съ положеніемъ протестантовъ. Эта работа имѣла свое значеніе, такъ какъ позволила Лафайету выступить черезъ два года въ собраніи нотаблей съ формальнымъ предложеніемъ объ измѣненіи участи протестантовъ, необходимость чего онъ могъ доказывать, опираясь на многочисленные, собранные имъ во время командировки, матеріалы.

Затѣмъ Лафайетъ для исполненія своего образованія путешествовалъ по Европѣ, представлялся въ Берлинѣ Фридриху Великому, считавшемуся первымъ военнымъ авторитетомъ и встрѣтился на маневрахъ въ Силезіи съ своимъ противникомъ на американскихъ поляхъ битвъ лордомъ Корнваллсомъ. Изъ Силезіи онъ отправился въ Вѣну, былъ представленъ императору, изучалъ организацію австрійскихъ войскъ и затѣмъ снова вернулся въ Парижъ. Въ это время въ парижскихъ салонахъ

уже было много разговоровъ о реформахъ, и домъ Лафайета скоро сталъ однимъ изъ очаговъ разгоравшагося пламени. Тутъ Лафайетъ завязалъ сношенія съ Некеромъ и его дочерью, извѣстной Сталь, а затѣмъ подалъ Нивернуа „проектъ реформы уголовного кодекса“, редактированный Кондорсе. Вообще, въ эти три года, предшествовавшіе крушенію стараго режима, Лафайетъ былъ всегда въ рядахъ застрѣльщиковъ. Не было такого проекта о расширеніи правъ французовъ, который бы онъ не поддерживалъ; не было такой реформы, касающейся положенія угнетенныхъ, которой бъ онъ не выступалъ открытымъ сторонникомъ. Но прежде чѣмъ перейти къ описанію его общественной дѣятельности, начиная съ 1787 года, приведемъ отрывокъ изъ помѣщеннаго въ книгѣ Барду письма Ксаверія де Шомберга къ матери, описывающаго Лафайета въ его совершенно частной жизни:

„Мы были у маркиза де Лафайетъ. Этотъ домъ мнѣ въ высшей степени понравился. Самъ Лафайетъ мнѣ показался существомъ болѣе свойственнымъ Америкѣ, чѣмъ Парижу. Онъ говоритъ по англійски также легко, какъ по французски. У него есть американскій дикарь, одѣтый въ національный костюмъ. Этотъ дикарь называетъ его не иначе, какъ „father“ (отецъ). Все въ домѣ дышетъ простотою. Вмѣстѣ со мною тамъ обѣдали Мармонтель и аббатъ Морле. Маленькія дочери Лафайета говорятъ отлично по англійски. Я удивлялся простотѣ этого заслуженнаго молодого человѣка, въ то время когда существуетъ столько людей, которые ничего не сдѣлали, а держатъ себя съ такою недоступностью“.



# Х.

Насталъ 1787 годъ, ознаменованный во Франціи такимъ событіемъ,—какъ созваніе нотаблей. Чрезвычайно разстроенные финансы заставили правительство рѣшиться на эту, въ сущности, крайне робкую мѣру. Общество же жаждало созыва генеральныхъ штатовъ, не созывавшихся болѣе ста пятидесяти лѣтъ\*). Несостоятельность феодально-бюрократическаго режима давно бросалась въ глаза прозорливымъ людямъ, и не надо было быть пророкомъ, чтобы предвидѣть грядущія событія: „Франція живетъ какимъ то чудомъ, говорилъ Фенелонъ; это старая испорченная машина, которая еще дѣйствуетъ, вслѣдствіе сообщеннаго ей нѣкогда движенія, но которая готова развалиться при первомъ толчкѣ“. „Когда я смотрю на бѣдствія, которыя насъ окружаютъ, говорилъ съ кафедры Боссюэтъ, на бѣдность и отчаяніе столькихъ раззоренныхъ семействъ, мнѣ кажется, что со всѣхъ сторонъ подымается такой вопль отчаянія, который долженъ былъ бы разорвать намъ сердца“. Еще кардиналъ Ришелье сказалъ, что „народъ съѣденъ до костей“, Вобанъ утверждалъ, что изъ десятка французовъ девять нуждаются въ хлѣбѣ и самомъ необходимомъ для жизни, а Буа-Гильберъ, что „большая часть французовъ находится въ нищетѣ“ и что „Франція въ гангренѣ“. „Сблизьте съ этими свидѣтельствами, — говоритъ въ своей книгѣ очень умѣренный Карно,—письма, въ которыхъ madame de Сивинье рассказываетъ о лично ею видѣнныхъ

---

\*) Въ послѣдній разъ Генеральные Штаты были созваны въ 1614 году.

ужасахъ въ Бретани, мемуары крестьянина Дюваля, рисующаго ужасающую картину нищеты въ Шампани, донесеніе генераль-интенданта Нормандіи, въ которомъ сказано, что „всѣ большія дороги покрыты нищими, выгнанными изъ ихъ жилищъ голодомъ и наготою“, или рапортъ губернатора Дюффине, гласящій, что „большая часть жителей питается зимою только кореньями и желудями, а въ настоящее время (въ маѣ мѣсяцѣ) ѣсть луговые травы и древесную кору“. „Видишь по деревнямъ какихъ то животныхъ, самцовъ и самокъ, грязныхъ, опаленныхъ солнцемъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, въ которой они роются съ тупымъ упорствомъ. Они обладаютъ какъ бы членораздѣльною рѣчью и, когда поднимаются на ноги, то принимаютъ, по внѣшности, человѣческій видъ. И въ самомъ дѣлѣ, это люди. Они удаляются на ночь въ свои логовища, въ которыхъ питаются хлѣбомъ, водою и кореньями. Они избавляютъ другихъ людей отъ труда воздѣлывать землю, сѣять и собирать, чтобы жить и заслуживаютъ, поэтому, чтобы у нихъ не отнимали хлѣбъ, который они посѣяли“; — вотъ картина положенія французскихъ крестьянъ, сдѣланная Лабрюэромъ, человѣкомъ, чуждымъ прогрессивныхъ идей вѣка и потому думавшимъ, что въ этомъ изображеніи онъ порицаетъ лишь обычаи и нравы своего времени, а не тѣ условія, которыя ихъ породили. Артуръ Юнгъ, потешествуя по Франціи незадолго до революціи, сравнивалъ ея отчаянное положеніе съ положеніемъ Ирландіи и удивлялся долготерпѣнію французскаго народа. „Ахъ, воскликнулъ онъ,—если бы я былъ только на одинъ день законодателемъ Франціи, ужъ и заставилъ бы я поплясать всѣхъ этихъ гран-

сеньеровъ!“ „Кажется, что небо разгнѣвано всѣмъ тѣмъ, что происходитъ,—писалъ де Бирагъ,—будемъ надѣяться, что Богъ простретъ, наконецъ, надъ нами свою руку“. „Съ нѣкоторыхъ поръ Гревская площадь\*) не бываетъ свободною“, писалъ Бошамонъ въ своемъ дневникѣ за нѣсколько лѣтъ до революціи. „Бѣдные крестьяне, бѣдный король, бѣдное королевство!“—сказалъ знаменитый Кене. Такому экономическому положенію вполне соответствовалъ и политическій режимъ: подъ покровомъ мрака сплошь и рядомъ совершались вещи, напоминавшія средніе вѣка. Сенъ-Симонъ, описывая нравы французскаго двора, рассказываетъ о такихъ гнусностяхъ, что читатель не повѣрилъ бы, если бы описаніе относилось къ другому времени или принадлежало бы другому перу. Почти открыто совершавшіяся преступленія, всегда остававшіяся безнаказанными и едва производившія впечатлѣнія, позволяютъ предполагать о томъ, что творилось въ глубинѣ провинцій и въ тайникахъ благородныхъ замковъ. Епископъ Флешье повѣствуетъ о засѣданіяхъ чрезвычайнаго суда въ Оверни, извѣстныхъ подъ именемъ „великихъ дней“. Циничныя и кровавыя издѣвательства надъ человѣческою личностью оказались перемѣшанными тамъ съ такими ужасными злодѣяніями, что даже рангъ виновныхъ „дворянчиковъ“ не могъ спасти ихъ на этотъ разъ отъ руки правосудія. Но этотъ случай исключителенъ только въ томъ смыслѣ, что виновные понесли наказаніе, вообще же положеніе вещей въ этомъ отношеніи было таково, что заставило англій-

---

\*) Гревская площадь—мѣсто, на которомъ происходили казни важныхъ преступниковъ. Въ настоящее время площадь эта называется Place de l'Hôtel de Ville.

скаго юриста Блэкстона поставить на одну доску Францію и Турцію. Французская юстиція того времени поражаетъ изобиліемъ приговоровъ къ смертной казни съ разнообразіемъ предварительныхъ мученій, смотря по рангамъ осужденныхъ, клеймленіемъ преступниковъ, тайнымъ судопроизводствомъ и, наконецъ, знаменитымъ заключеніемъ въ Бастилію безъ суда. Если прибавить сюда полное отсутствіе свободы печати и свободы совѣсти, религіозную нетерпимость, доходящую до жесточайшихъ преслѣдованій за „отступничество отъ вѣры“ (несчастный юноша Лабарръ былъ казненъ и затѣмъ сожженъ въ 1766 году), то станетъ понятенъ отзывъ о Франціи д'Аламбера, какъ о „красивой эхиднѣ“. \*\*)

Все это было, все это совершалось, но незримо перемѣщался центръ тяжести, заключающійся въ экономическомъ преобладаніи, въ нѣдра третьяго класса и потому все и болѣе замѣтными становились и перемѣны въ общественной психологіи. Близился часъ царства разбогатѣвшей буржуазіи. Желая стать на мѣсто своихъ предшественниковъ, буржуазія эта искренно вѣрила, что ея классовые интересы совпадаютъ съ интересами „народа“, а за идеологами, выразившими безсознательно ея стремленія дѣло, конечно, не стало. Не Вольтеръ, Руссо и энциклопедисты вызвали своими твореніями французскую революцію, а, наоборотъ, въ твореніяхъ великихъ писателей сконцентрировался тотъ духъ, который уже носился въ атмосферѣ. Произведенія этихъ писателей были настольными книгами у поколѣнія, совершившаго революцію, это правда,

\*\*) Въ приведенныя цитаты заимствованы изъ книги Carnot. *Revolution française; période de création*. Есть рус. переводъ.



но происходило это опять таки потому, что въ книгахъ находились отдѣлы на возникшіе жгучіе запросы времени. „Свѣтъ распространяется повсемѣстно, писалъ Вольтеръ въ 1764 году, и крушеніе произойдетъ при первомъ удобномъ случаѣ. Выйдетъ славная перепалка. Молодые люди счастливы: они увидятъ многое“. Тоже говорилъ и Руссо за два года передъ тѣмъ: „мы приближаемся къ кризису и вѣку революцій“, — писалъ онъ въ 1787 году и совѣтывалъ дворянству, въ видахъ предосторожности, учить своихъ дѣтей ремесламъ. Это понималъ и самъ Людовикъ XV, изреченіе котораго „après nous le deluge“ (послѣ насъ хоть потопъ) стало классическимъ.

Жестокости послѣдовавшей революціи были прямо пропорціональны степени испытаннаго французамъ гнета. Эту истину признаютъ и прусскій историкъ Зибель, крайне строго относящійся къ дѣятелямъ французской революціи вообще и Лафайету въ частности. Бросивши взглядъ на картину положенія Франціи въ XVIII вѣкѣ, Зибель говоритъ: „ни классическая, ни христіанская, ни средневѣковая, ни реформаціонная цивилизаціи не возмущались ни ужасами войнъ, ни жестокостями уголовного процесса, ни другими безчеловѣчными дѣйствіями, рядомъ съ которыми весь столь преувеличенный терроръ революцій и реакцій, за нимъ слѣдовавшихъ, оказывается ребячествомъ“. Рядомъ съ тѣмъ Зибель констатируетъ, что „жизнь подобнаго намъ значитъ что нибудь и для насъ самихъ только въ концѣ прошлаго столѣтія перешла изъ области мечтаній въ дѣйствительность“ \*).

---

\*) Генрихъ Зибель. — Исторія французской революціи и ея времени, ч. I стр. 10.

Въ своихъ „Разсужденіяхъ о французской революціи“ madame Сталь говоритъ, что „не разсматривалъ общественная явленія съ точки зрѣнія мыслителя тотъ, кто не знаетъ, что сила реакціи равна силѣ акціи. Ужасы возмущеній служатъ мѣрою пороковъ старыхъ учреждений и дѣлать отвѣтственнымъ за нравственное поведеніе народа во время возмущенія слѣдуетъ не то правительство, которое тогда только что возникаетъ, а то, которое существовало уже давно. Говорятъ, что французы развращены революціей. Откуда же взялись порочныя наклонности, которыя такъ сильно развѣились въ первые годы революціи, если онѣ не были подготовлены вѣками предразсудковъ и произвола?.. Нѣтъ періода, который можно было бы сравнить съ четырнадцатью мѣсяцами террора, но изъ этого именно слѣдуетъ, что въ теченіе вѣковъ не было народа болѣе несчастнаго, чѣмъ народъ французскій“ \*\*).

Крайне разстроенные финансы составляли въ это время предметъ особенной заботы французскаго правительства. На покрытіе все болѣе и болѣе возрастающихъ расходовъ требовались деньги, а ихъ то и не было въ казнѣ. Единственнымъ средствомъ поправить финансовыя затрудненія являлось ограниченіе привилегій правящихъ классовъ и болѣе справедливое распредѣленіе налоговъ. Въ обществѣ повсемѣстно говорили, что такая задача можетъ быть рѣшена лишь созывомъ Генеральныхъ Штатовъ (états généraux), но правительство не рѣшалось на эту мѣру. Проекты финансовыхъ реформъ Некера, составленные въ томъ же духѣ, были безусловно

---

\*\*) Considerations etc.

отвергнуты, но дѣлать было нечего, и въ 1787 году правительство рѣшило созвать „нотаблей“ и дать этому собранію право совѣщательнаго голоса по тѣмъ вопросамъ, которые правительству будетъ благоугодно ему предложить. Собраніе открыло свои засѣданія двадцать второго февраля. Оно состояло изъ ста сорока четырехъ членовъ, назначенныхъ королемъ и было раздѣлено на семь отдѣльных „бюро“, каждое подъ предсѣдательствомъ кого либо изъ членовъ королевской фамиліи. Лафайетъ находился въ бюро графа д'Артуа и игралъ тамъ значительную роль. Когда, однажды, президентъ счетной палаты Николаи, дѣлалъ въ бюро докладъ о тяжеломъ положеніи государства, Лафайетъ его энергично поддерживалъ. „Расточаемые милліоны, — сказалъ онъ, — собираются посредствомъ налоговъ, а налоги могутъ быть оправдываемы лишь дѣйствительными потребностями государства. Всѣ эти милліоны, плодъ пота, слезъ и можетъ быть крови народа, не должны быть легкомысленно расточаемы“. За такія рѣчи Калонъ требовалъ заключенія Лафайета въ Бастилію, но гроза благополучно миновала. Въ другой разъ между графомъ д'Артуа и Лафайетомъ произошла надѣлавшая много шума сцена: говоря объ интересахъ народа, Лафайетъ сказалъ: „если деревенское населеніе не имѣетъ въ этомъ собраніи ни одного представителя, то надо, по крайней мѣрѣ, доказать, что у него есть защитники и... мы должны, поэтому, просить Его Величество о созваніи Національнаго Собранія...“

Эффектъ, произведенный словомъ „Національное Собраніе“ былъ необыкновенный.

— Какъ, милостивый государь, — воскликнулъ

графъ д'Артуа,—вы требуете созыва Генеральныхъ Штатовъ?!

— Да, милостивый государь, и даже болѣе того.

— Вы хотите, что бы я сказалъ королю: господинъ Лафайетъ дѣлаетъ предложеніе созвать Генеральные Штаты.

— Да, милостивый государь.

Воцарилась полная тишина, но слова Лафайета „болѣе чѣмъ Генеральные Штаты“ т. е. Національное Собраніе облетѣли весь Парижъ и еще болѣе увеличили его популярность. Зато придворные стали открыто ненавидѣть смѣльчака, а Марія Антуанета скоро стала не переносить самое его имя. Однако, уже побаивались его популярности и не рѣшались на крутыя мѣры. Вырывавшіяся нерѣдко у Лафайета *bons mots* долго повторялись и въ салонахъ и въ дальнихъ кварталахъ Парижа, приводя въ бѣшенство его враговъ. Такъ, однажды, въ высшихъ сферахъ дебатировался вопросъ о составленіи учебника по исторіи Франціи для дофина и много спорили о томъ, съ котораго года надо начинать эту исторію, полную будто бы славныхъ событій. „Самое лучшее, сказалъ, зѣвая, Лафайетъ, начать ее съ 1787 года“. Такъ шли мѣсяцы и не за горами уже былъ знаменательный 1789 годъ. Приближеніе его чувствовалось во многомъ и Лафайетъ былъ чрезвычайно бодро настроенъ. Однажды, развивая предъ женою свои радостные планы на будущее, Лафайетъ передалъ ей одинъ свой разговоръ съ Фридрихомъ Великимъ.

— Я спорилъ съ нимъ, что въ Америкѣ никогда не будетъ ни дворянства, ни королевской власти и горячо отстаивалъ свое мнѣніе.

— Сударь, сказалъ онъ мнѣ, устремляя на меня



свой острый взоръ, я зналъ одного молодого человека, который, посѣтивъ страны, гдѣ царили свобода и равенство, забилъ себѣ въ голову установить такой же порядокъ вещей въ своей странѣ. Знаете ли, что съ нимъ случилось.

— Нѣтъ, государь.

— А вотъ, что, сударь, продолжалъ, смѣясь, король: онъ былъ повѣшенъ.

Не правда ли какой очаровательный рассказъ? Онъ меня очень позабавилъ...

Госпожѣ Лафайетъ было не до смѣха...

## XI.

Въ 1789 году давно желанные Генеральные Штаты были наконецъ, созваны. Въ этомъ знаменитомъ Собраніи, принявшемъ вскорѣ названіе Національнаго и Учредительнаго (Конституанта) находился въ числѣ депутатовъ отъ Оверни и Лафайетъ. Извѣстно, какое значеніе имѣло въ этомъ Собраніи ораторское искусство и какое вліяніе пріобрѣлъ, благодаря этому, Мирабо. Лафайетъ же никогда не былъ ораторомъ и тѣмъ не менѣе, его популярность въ этотъ періодъ восходившей надъ Франціей зареной жизни была такъ велика, какъ никогда ни раньше ни послѣ. Его роль въ Конституантѣ была ролью человека дѣла, а не слова. Не раньше восьмого іюля испросилъ Лафайетъ у предсѣдателя Собранія въ первый разъ слово и произнесъ рѣчь въ защиту извѣстнаго требованія Мирабо объ удаленіи окружавшихъ Собраніе войскъ, а одиннадцатаго онъ уже представилъ первый проектъ Декларациі Правъ. Между тѣмъ, четырнадцатаго іюля пала Бастилія, событіе, рѣшившее окончательно тяжбу между ста-

рымъ и новымъ режитомъ. Камилъ Демуленъ, „краткая жизнь котораго быстро пролетѣла между его первымъ историческимъ дебютомъ и трагедіей эшафата“, явился въ саду Пале-Рояля однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ этого событія. Аббатъ Клодъ Фоше шелъ впередъ съ крестомъ въ рукѣ на приступъ грознаго оплота старого строя \*). „Ваше Ве-

\*) Камилъ Демуленъ, издатель сначала „Брабантскаго Курьера“, а потомъ „Стараго Кордельера“ родился въ 1762 году былъ членомъ Конвента и сложилъ голову на гильотинѣ въ разгаръ борьбы партій и страстей пятаго апрѣля 1794 года. Близкій другъ Дантона, онъ возбудилъ подозрѣніе, а затѣмъ ненависть Робеспьера и его сторонниковъ. „Руссоніанскій и серьезный фанатикъ Сень-Жюсть, говоритъ Гейне, ненавидѣлъ веселаго, остроумнаго фанфарона Демулена. Нравственный, неподкупный Робеспьеръ ненавидѣлъ грѣшнаго, карыстолюбиваго Дантона. Максимиліанъ Робеспьеръ, былъ воплощеніе Руссо: онъ былъ глубоко религіозенъ, вѣрилъ въ Бога и безсмертіе, ненавидѣлъ волтерьянскія насмѣшки надъ религіей, оргіи атеистовъ и распущенность „умниковъ“ (esprits); онъ ненавидѣлъ, можетъ быть, всякаго кто былъ остроуменъ и любилъ смѣяться. (Гейне, т. 7, стр. 206).

О Клодѣ Фоше надо сказать нѣсколько подробнѣе: въ половинѣ XVIII вѣка нѣкто Вейсгаунтъ основалъ въ Германіи секту иллюминатовъ. Секта эта скоро охватила своими развѣтленіями всю Европу. (Извѣстно, что нашъ Н. И. Новиковъ обвинялся, между прочимъ, также въ сношеніяхъ съ иллюминатами). Иллюминаты учили, что христіанскія церкви всѣхъ вѣковъ усвоили себѣ только внѣшнюю сторону ученія Христа, не понявъ его внутренняго содержанія и что смыслъ этого ученія открыть только для „просвѣтленныхъ (illuminés) истиннымъ свѣтомъ“. Захвативъ главенство въ масонскихъ ложахъ, иллюминаты учредили такъ называемыя „заднія ложи“. Главнымъ агентомъ иллюминатовъ въ Парижѣ явился извѣстный Калиостро, дѣйствовавшій тамъ съ большимъ успѣхомъ. Надѣлавшій столько шума въ свое время процессъ „ожерелья королевы“ заставилъ Калиостро бѣжать изъ Парижа, послѣ чего иллюминатскія ложи превратились въ политическіе клубы и начали дѣйствовать независимо отъ иллюминатовъ остальной Европы подъ именемъ „свободныхъ братьевъ“, „истинныхъ дѣтей природы“ и т. д. Здѣсь то и началась политическая дѣятельность Клода Фоше. „Въ его проповѣди смѣшивались, говоритъ Луи Бланъ, христіанское смиреніе съ философіей Руссо, увлеченіемъ Кая Гракха съ смутнымъ предчувствіемъ совершеннаго социализма“. На публичную арену Фоше выступилъ въ первый разъ

личество, Бастилія взята народомъ“, — доложилъ королю герцогъ де Ліанкуръ. — „Но это открытый бунтъ“ — сказалъ Людовикъ. „Нѣтъ, Ваше Величество, это не бунтъ, а революція“ — отвѣтилъ Ліанкуръ. Лафайетъ послалъ ключи отъ главной двери Бастиліи въ подарокъ Вашингтону.

Вслѣдъ за паденіемъ Бастиліи утромъ пятнадцатаго іюля король явился безъ конвоя въ сопровожденіи своихъ братьевъ, въ Собраніе, назвалъ его въ первый разъ Національнымъ, объявилъ объ удаленіи войска изъ Парижа и обѣщалъ свою поддержку Собранію при установленіи новаго режима. Радость въ Собраніи была всеобщая. Всѣ были увѣрены, что смутныя времена миновали и наступаетъ одно спокойное и свѣтлое будущее. Тотчасъ же изъ среды Собранія была назначена особая депутація, во главѣ которой былъ поставленъ Лафайетъ, съ порученіемъ отправиться въ l'Hôtel de Ville и объявить парижанамъ о состоявшемся примиреніи Людовика съ Собраніемъ. Рѣчь Лафайета въ l'Hôtel de Ville'ѣ, занесена въ протоколы того времени въ такихъ выраженіяхъ: „господинъ Лафайетъ поздравилъ собраніе избирателей и всѣхъ гражданъ Парижа съ свободою, которую они завоевали своимъ мужествомъ, а также съ миромъ и счастьемъ, которыми они обязаны своему благожелательному и выведенному изъ заблужденій монарху. Онъ разсказалъ, какъ опечаленное бесплодностью посылокъ къ королю двухъ депутацій, Собраніе не расходилось всю ночь и когда оно только что хотѣло возложить на третью депутацію тоже порученіе, — просить ко-

---

во время взятія Бастиліи предводительствуя народными массами съ крестомъ въ одной рукѣ и кинжаломъ въ другой. Клодъ Фоше умеръ на гильотинѣ въ 1793 году.

роля объ удаленіи войскъ, — какъ явился церемониймейстеръ и доложилъ, что король намѣренъ явиться лично въ Собраніе. Онъ довелъ до свѣдѣнія слушателей также подлинную рѣчь короля, сказанную имъ въ Національномъ Собраніи и передалъ ее для внесенія въ протоколы собранія избирателей“. Слова Лафайета и чтеніе рѣчи Людовика были безпрестанно прерываемы бурными аплодисментами и криками: да здравствуетъ король! да здравствуетъ нація!

Въ это же время Лафайетъ узналъ, что утромъ того же пятнадцатаго іюля онъ былъ единогласно провозглашенъ начальникомъ парижской милиціи. Это случилось такъ: среди волненій и бурь, вызванныхъ событіями предшествовавшаго дня, председатель совѣта избирателей Моро де сенъ Мері указалъ толпѣ на бюстъ Лафайета, подаренный Парижу въ 1784 году штатомъ Виргиніей и поставленный въ большой залѣ Hotel de Ville'я. Толпа отвѣтила на это напоминаніе громкими одобреніями. Вскорѣ послѣ того прибылъ Лафайетъ и, когда онъ исполнилъ порученіе Собранія и произнесъ упомянутую рѣчь, то толпа снова восторженно потребовала, чтобы онъ принялъ новое назначеніе. Тогда, обнаживши шпагу, Лафайетъ тутъ же поклялся быть защитникомъ довѣреннаго ему дѣла свободы. Въ это же время толпа провозгласила Байи купеческимъ старшиною (prévot des marchands). Слышится чей то голосъ: нѣтъ, не купеческимъ старшиною, а Парижскимъ меромъ! Да! Да! Парижскимъ меромъ! — раздаются со всѣхъ сторонъ возгласы. Взволнованный Байи обращается къ толпѣ и говоритъ: „я не достоинъ такой великой чести и не способенъ нести такое бремя“, но толпа настаиваетъ.



ваетъ и Байи уступаетъ. На слѣдующій день Лафайетъ составилъ проектъ организаціи парижской милиціи: каждый батальонъ долженъ былъ состоять изъ шести частей волонтеровъ и одной части старыхъ солдатъ. Отличительнымъ знакомъ милиціонеровъ должна была служить трехцвѣтная кокарда: къ голубому и красному,—цвѣтамъ города Париза,—по настоянію Лафайета, былъ прибавленъ бѣлый,—цвѣтъ знаменъ королевской династіи. Такъ получилось французское національное трехцвѣтное знамя, существующее и по настоящій день. Представляя проектъ этого знамени въ l'Hôtel de Ville, Лафайетъ сказалъ: „это знамя обойдетъ весь міръ!“ Трудна была роль Лафайета въ новой должности: надо было одновременно защищать и новорожденную свободу отъ многочисленныхъ интригъ явныхъ и тайныхъ сторонниковъ отжившаго порядка вещей, и охлаждать все болѣе и болѣе разгоравшіяся страсти. Въ надеждѣ на свою популярность, онъ возложилъ на свои плечи бремя почти сверхчеловѣческое. Хотя Лафайетъ и былъ назначенъ начальникомъ милиціи при единодушномъ одобреніи толпы, но онъ все таки потребовалъ правильнаго избранія, въ результатъ чего оказался избраннымъ единогласно. Тогда, принявши фактическое командованіе милиціей, онъ занялся ея детальною организаціей и предложилъ дать ей названіе національной гвардіи. Предложеніе это было принято съ громкими знаками одобренія.

Между тѣмъ, въ первые же дни, послѣдовавшіе за паденіемъ Бастиліи, состояніе Париза было крайне возбужденное: городское населеніе постоянно увеличивалось наплывомъ пришлаго люда изъ окрестностей, благодаря чему ощущался сильный

недостатокъ въ продовольствіи; магистратура и всѣ другія власти потеряли всякое значеніе; агенты герцога Орлеанскаго \*) и сознательные приверженцы стараго режима съ одной стороны, элементы нафанатизированные духовенствомъ, съ другой поддерживали непрерывное броженіе въ массахъ. Такимъ образомъ на долю національной гвардіи выпало прежде всего поддержаніе хоть какого нибудь порядка. Волненіе усиливалось. Двадцать второго іюля въ отсутствіе Лафайета въ l'Hôtel de Ville былъ приведенъ Фулонъ, сказавшій, что „для счастья народа ему достаточно дать ѣсть сѣна“. Ярость толпы противъ него была за это неопишима. Вдругъ появился Лафайетъ, и наступила совершенная тишина. Онъ быстро понималъ, что единственное средство для спасенія Фулона заключалось въ отдачѣ приказа объ отправленіи его въ тюрьму. „Вы хотите, — обратился Лафайетъ къ толпѣ, — наказать этого человѣка безъ суда. Это была бы великая несправедливость, покрывшая позоромъ и васъ и меня. Я не допущу до этого, но я также далекъ отъ мысли спасти его, если онъ виновенъ. Я приказываю отвести его въ тюрьму и затѣмъ предать суду. Надо уважать законъ. Безъ этого уваженія я никогда не перешелъ бы на сторону революціи“. Эти слова произвели сильное впечатлѣніе, но новыя и новыя толпы, не слышавшія рѣчи Лафайета, пребывали въ ратушу и громко требовали наказанія виновнаго. Три раза принимался Лафайетъ говорить толпѣ которая ему всякій разъ аплодировала. Но, вдругъ, Фулону

---

\*) „Герцогъ Орлеанскій пытался уже въ первыхъ числахъ іюля сблизиться съ Лафайетомъ, но молодой генераль, который хорошо сознавалъ свою сплу и глубоко ненавидѣлъ герцога, отказалъ ему въ этомъ наотрѣзъ“. (Зибель. Ист. фр. Рев. стр. 54).

пришла въ голову несчастная мысль аплодировать тоже. Толпа бросилась на него, и Лафайетъ не имѣлъ физической возможности ничего сдѣлать для его спасенія: несчастнаго притащили на Гревскую площадь и умертвили. Такая же участь постигла въ тотъ же день и ненавидимаго парижанами зятя Фулона Бертъе. Выведенный изъ себя этимъ двойнымъ преступленіемъ, Лафайетъ на слѣдующій же день подалъ въ отставку, обратившись къ Байи съ слѣдующимъ письмомъ: „Милостивый Государь! призванный довѣріемъ моихъ согражданъ занять постъ военнаго начальника столицы, я безпрестанно повторялъ, что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ довѣріе это должно быть полнымъ и совершеннымъ. Я говорилъ въ лицо народу, что, будучи преданъ его интересамъ до послѣдняго издыханія, я, однако, не способенъ покупать его благорасположеніе, потакая его несправедливостямъ. Народъ не внялъ моимъ совѣтамъ, слѣдовательно, онъ отказываетъ мнѣ въ томъ довѣріи, которое обѣщаль, а потому и я долженъ оставить постъ, на которомъ не могу быть болѣе полезнымъ моимъ согражданамъ“. Въ такихъ же выраженіяхъ Лафайетъ разослалъ письма и къ избирателямъ округовъ, предлагая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ заняться новыми выборами. Эти письма вызвали сильное волненіе: отовсюду являлись депутаціи просить его остаться на своемъ посту, но Лафайетъ уступилъ лишь послѣ того, какъ ему было дано торжественное обѣщаніе, что необходимый порядокъ будутъ поддерживать сами граждане. Лафайетъ, сдѣлавшійся съ этой минуты почти королемъ Парижа, далъ, по собственной инициативѣ, двадцать шестого іюля клятву стремиться всегда къ тому, что бы войско находилось въ полномъ

подчиненіи у гражданскихъ властей \*). Собраніе постановило выдавать Лафайету содержаніе въ размѣрѣ ста двадцати тысячъ ливровъ, но онъ рѣшительно отказался отъ всякаго вознагражденія: „въ то время, писалъ онъ по этому поводу Собранію, — когда столько гражданъ страдаютъ, когда необходимы средства на покрытіе самыхъ неотложныхъ расходовъ, я, не могу согласиться на бесполезное истощеніе казны. Моего собственнаго состоянія совершенно достаточно для покрытія всѣхъ встрѣчающихся мнѣ издержекъ, а что касается до представительства, то на это у меня все равно нѣтъ ни минуты времени“. Когда же Собраніе настаивало, то онъ отвѣчалъ такъ: „отказываясь отъ содержанія, я дѣлаю это вовсе не изъ великодушія; я считалъ бы себя вправѣ не только принять, но даже потребовать вознагражденія отъ народа, которому я посвятилъ свое состояніе и свою кровь, если бы этого состоянія не было болѣе чѣмъ достаточно для покрытія текущихъ расходовъ. Оно было очень значительно. пережило уже двѣ революціи и если когда нибудь для счастья народа необходимо будетъ третья, то и остатокъ состоянія будетъ принадлежать ему же“. Насталъ день, когда встрѣтилась необходимость и въ этой „третьей революціи“ (іюль 1830 г.), поведение Лафайета и въ ней осталось неизмѣннымъ, но отъ его когда то громаднаго состоянія не осталось и слѣда...

Постоянныя заботы Лафайета о спокойствіи столицы, конечно, почти не позволяли ему принимать

---

\*) „Во главѣ тридцати тысячъ человѣкъ національной гвардіи, въ то время дѣйствительной арміи въ цѣломъ государствѣ, Лафайетъ былъ полнымъ господиномъ Парижа и, вслѣдствіе этого чуть ли не первымъ лицомъ въ государствѣ“. (Зибель стр. 69).



участія въ работахъ Національнаго Собранія. Онъ не имѣлъ даже времени, чтобы защищать составленный имъ проектъ Деклараніи Правъ. Въ августѣ Лафайетъ посѣтилъ личный другъ Людовика Монтморень, съ цѣлью предупредить его объ интригахъ герцога Орлеанскаго, стремившагося къ узурпаціи престола. Монтморень предложилъ ему именемъ короля званіе коннетабля Франціи, но Лафайетъ отвѣчалъ, что „эта честь не прибавитъ ничего къ его долгу защищать короля отъ посягательствъ герцога Орлеанскаго“. Этотъ фактъ въ ряду многихъ другихъ въ томъ же родѣ указываетъ, какъ далека былъ Лафайетъ отъ приписываемыхъ ему нѣкоторыми историками честолюбивыхъ замысловъ. Каковы бы ни были его политическія воззрѣнія и какъ бы кто не смотрѣлъ на нихъ, едва ли можно сомнѣваться въ благородствѣ и рыцарскомъ характерѣ „старшаго сына французской революціи“.

## ХІІ.

Въ описываемое горячешное время событія смѣнялись съ головокружительною быстротою. Не наступила еще та эпоха, въ которую, по выраженію Гегеля, „міръ былъ поставленъ на голову“, не организовались еще партіи съ ярко выраженными программами дѣйствій, не дифференцировались общественныя группы, борьба которыхъ придавала вскорѣ событіямъ во Франціи рѣзко очерченный характеръ, но всѣ симптомы скорого наступленія такой эпохи были уже на лицѣ, и жизнь Парижа представляла собою цѣпь происшествій, полныхъ самыхъ драматическихъ эффектовъ. Ближайшею причиною

волненій служилъ недостатокъ продовольствія. Неурожай хлѣба высоко поднялъ на него цѣны; провинціи сами стали дорожить своими запасами и это обстоятельство отражалось самымъ тяжелымъ образомъ на парижскомъ населеніи. Остановка многихъ отраслей промышленности лишила также рабочихъ куска хлѣба и толпы голодныхъ людей постоянно наполняли улицы Парижа. Правительство приняло мѣры для предотвращенія послѣдствій голодовки: оно закупало хлѣбъ за границей по дорогой цѣнѣ и пускало его въ продажу по три су за фунтъ т. е., продавало его съ убыткомъ для себя, учредило на Монмартрѣ общественныя мастерскія, въ которыхъ нашли себѣ работу семнадцать тысячъ человѣкъ, но всего этого было мало, ибо каждый день въ столицу прибывали все новыя и новыя толпы бродячаго люда, оставшагося безъ работы, вслѣдствіе наступившаго кризиса. Пале-Рояль сдѣлался мѣстомъ обычныхъ многочисленныхъ сходовъ: тамъ ораторы произносили самыя зажигательныя рѣчи, въ которыхъ обвиняли во всѣхъ бѣдствіяхъ „совѣтниковъ короля“, стоящихъ между нимъ и народомъ и въ особенности всѣми ненавидимую Марію Антуанету, называвшуюся въ то время не иначе, какъ „австріячкой“; тамъ же дѣйствовали постоянно и наемные агенты герцога Орлеанскаго, цѣлью котораго было погубить, во что бы то ни стало, короля и самому взойти на престолъ Франціи. Прибавимъ къ этому необыкновенно размножившееся количество газетъ и летучихъ листковъ \*), воспроизводившихъ на своихъ страницахъ тревожныя вѣсти изъ Версали, изъ провинцій, изъ загра-

\*) Издававшаяся въ это время Лустало газета „Les revolutions de Paris“ имѣла двѣсти тысячъ подписчиковъ.

ницы, дѣйствія пинтригъ духовенства, гражданское устройство котораго было вскорѣ совершенно отвергнуто папской грамотой и наконецъ происки всѣхъ сторонниковъ падшаго режима \*\*), и мы поймемъ настроеніе парижскаго населенія въ это время. Чаше и чаще происходили мятежи въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ особеннымъ авторитетомъ пользовалось духовенство и гдѣ при старомъ режимѣ можно было едва насчитать по два по три человѣка, умѣвшихъ читать. Мятежи эти представляли собою неистощимыя темы для рѣчей пале-рояльскихъ ораторовъ, страсти разгорались все болѣе и болѣе и Парижъ жилъ, какъ на вулканѣ... „Разлучить короля съ его „злыми совѣтниками“, предложивши ему переселиться изъ Версаля въ Парижъ, — вотъ забота, ставшая злобою дня въ столицѣ Франціи. Вскорѣ новое событіе въ Версали подлило масла въ огонь: перваго сентября офицеры корпуса дворцовой гвардіи дали банкетъ въ честь Фландрскаго полка. Во время банкета вошла Марія Антуанета съ доффиномъ на рукахъ, оркестръ заигралъ и хоръ подхватилъ: „о, Ричардъ, о, мой король, всѣ тебя покидаютъ!“ Присутствовавшіе на банкетѣ украсили себя бѣлыми кокардами т. е. эмблемами старой Франціи, а трехцвѣтное знамя попирали ногами и всячески оскорбляли. На слѣдующій день королева сказала гвардейцамъ, что она „въ восторгѣ отъ ихъ праздника“. Слухъ объ этомъ банкетѣ, передаваясь изъ устъ въ уста, окончательно взволновалъ Парижъ. Пятаго октября громадная толпа народу, состоявшая преимущественно изъ женщинъ, двинулась въ Вер-

---

\*\*) Въ декабрѣ 1789 года маркизъ Фавръ составилъ заговоръ, съ цѣлью похитить Людовика, убить Байи и Лафайета и возстановить старый режимъ. Фавръ былъ казненъ 18 января 1790 года.

саль. Депутація отъ женщинъ явилась къ королю и просила его о принятіи мѣръ къ удешевленію хлѣба и о переселеніи въ Парижъ. Вскорѣ прибылъ въ Версаль и Лафайетъ съ двадцатью тысячами гвардейцевъ. Онъ вошелъ безъ конвоя въ версальскій дворецъ. Въ l' Oeil de Boeufъ кто то замѣтилъ: „вотъ идетъ Кромвель!“ — „Сударь, отвѣчалъ Лафайетъ,—Кромвель не вошелъ бы одинъ“. Посовѣтовавши королю уступить необходимости, Лафайетъ около полуночи выѣхалъ изъ дворца, побывалъ у министра Монморена и затѣмъ легъ заснуть. Это обстоятельство ставилось въ особенную вину Лафайету. Говорили, что онъ не принялъ для безопасности дворца всѣхъ мѣръ, что онъ не долженъ былъ въ эту ночь спать и т. д. Ночью между народомъ и дворцовой гвардіей произошла схватка и утромъ шестого октября толпа овладѣла Версальскимъ дворцомъ. Дали знать объ этомъ Лафайету, который, прибывши немедленно во дворецъ, очистилъ его отъ нападавшихъ. Народъ выражаетъ желаніе видѣть короля. Людовикъ появляется на дворцовомъ балконѣ и его привѣтствуютъ громкими кликами. Лафайетъ убѣждаетъ Марію Антуанету показаться также на балконѣ. Зная общую къ себѣ ненависть, она не рѣшается это сдѣлать: Лафайетъ настаиваетъ на своемъ, появляется вмѣстѣ съ нею, опускается передъ нею на одно колѣно и цѣлуетъ ей руку. Падкая до эффектныхъ сценъ толпа парижанъ приходитъ въ восторгъ и долго не смолкаютъ крики: „да здравствуетъ Лафайетъ! Да здравствуетъ королева!“ Въ дѣлѣ вторженія толпы въ Версальскій дворецъ принималъ участіе и непрестававшій интриговать противъ Людовика герцогъ Орлеанскій. Въ его бумагахъ послѣ его смерти



нашли письмо отъ шестого октября къ одному банкиру, въ которомъ онъ проситъ отсрочить выдачу извѣстной суммы, такъ какъ „l'argent n'est point gagné, le marmot vit encore“ (деньги не заработаны, простофиля еще живъ). Нѣкоторые очевидцы октябрьскихъ происшествій въ Версали увѣряютъ даже, что видѣли въ толпѣ самого герцога Орлеанскаго. Послѣ этого событія королевское семейство переехало въ Парижъ, а черезъ недѣлю туда же перенесло свои засѣданія и Національное Собраніе. „Я обязана вамъ болѣе чѣмъ жизнью, сказала Лафайету тетка Людовика madame Аделанда, я вамъ обязана жизнью короля, моего бѣднаго племянника“. Горячо благодарила его и принцесса Елизавета, но не таковы были чувства къ нему Маріи Антуанеты: „Лафайетъ, говорила она, уважаетъ источникъ всѣхъ нашихъ золъ — конституцію, и даже считаетъ ее единственнымъ предметомъ, заслуживающимъ во Франціи уваженія“. Этого Марія Антуанета не могла простить и глубоко ненавидѣла маркиза. „Лучше погибнуть, чѣмъ быть спасенной Лафайетомъ,“ — вотъ фраза, вырвавшаяся изъ ея устъ въ одну изъ критическихъ минутъ ея жизни.

### ХІІІ.

Въ Національномъ Собраніи царилъ въ это время своимъ могучимъ ораторскимъ талантомъ Мирабо. Въ какихъ же отношеніяхъ находился знаменитый ораторъ къ „старшему сыну французской революціи“? Сначала отношенія эти носили вполне дружелюбный характеръ и выразились съ особенною полнотою девятнадцато октября 1789 года, по случаю представленія Байи и Лафайета Собранію

въ годовщину плѣна Корнвалиса въ Іоркъ-Тоунѣ. „Предлагаю Собранію, сказалъ въ тотъ день Мирабо, вотировать этимъ двумъ гражданамъ благодарность за всѣ понесенные ими труды и за ихъ неутомимую заботливость объ общественномъ благѣ“.

Такія отношенія между Мирабо и Лафайетомъ продолжались, однако, недолго. Вскорѣ Лафайетъ потребовалъ, чтобы виновникъ многихъ смутъ въ Парижѣ герцогъ Орлеанскій оставилъ предѣлы Франціи и неудавшійся претендентъ на корону долженъ былъ уѣхать въ Лондонъ. Это сильно раздражило Мирабо. Онъ видѣлъ въ герцогѣ нѣкоторый противовѣсъ всемогущему тогда Лафайету и опасался его всевозрастающаго вліянія. Онъ даже совѣтовалъ герцогу не слушаться требованій начальника національной гвардіи и когда, тѣмъ не менѣе, Лафайетъ поставилъ на своемъ, то Мирабо сталъ открытымъ его врагомъ и часто повторялъ фразу: „меня причисляютъ къ партіи Лафайета, а я не желалъ бы этой чести и для своего лакея“. Въ одномъ изъ его писемъ къ графу Ламарку находятся между прочимъ такія строки: „слѣдовало бы удалить Лафайета отъ дѣлъ или сдѣлать его безвреднымъ, но и то и другое почти невозможно. Вся Франція у его ногъ. Само Національное Собраніе т. е. та единственная власть, которая могла бы противустоять ему, смотритъ на него, какъ на своего покровителя и какъ на самую твердую опору Революціи“. Лафайетъ смотрѣлъ сквозь пальцы на выходки противъ него Мирабо. Признавая въ немъ несомнѣнный государственный умъ и выдающійся ораторскій талантъ, Лафайетъ не любилъ Мирабо, какъ человѣка. Мотовство и вѣчная погоня за деньгами дѣлали его въ глазахъ Лафайета

даже подозрительнымъ. „Безнравственность Мирабо, писалъ онъ въ своихъ „мемуарахъ“, меня всегда шокировала“. Да и кромѣ того, Лафайетъ и Мирабо расходились въ убѣжденіяхъ. Политическій питомецъ американской почвы, Лафайетъ, хотя и былъ сторонникомъ монархіи, но непремѣнно такой, которая была бы обставлена, въ сущности, республиканскими учрежденіями. По основнымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ самъ былъ республиканцемъ, но считалъ Францію недорослей до такой формы правленія. „Лафайета надо разсматривать какъ и истого республиканца, говоритъ madame Сталь, и легко понять, поэтому, несогласіе въ нныя минуты его дѣйствій съ его коренными убѣжденіями. Поддерживая монархію больше по разсудку, чѣмъ по симпатіямъ къ ней, онъ невольно оказывался ближе къ тѣмъ принципамъ, съ которыми принужденъ былъ вести борьбу, и въ дѣятельности его можно подмѣтить нѣкоторую слабость къ друзьямъ Республики, хотя разсудокъ и запрещалъ ему стать въ ряды защитниковъ этой системы“. Не таковъ былъ Мирабо: сторонникъ монархіи quand même, онъ высказывалъ прямо свои объ этомъ предметѣ убѣжденія только тогда, когда это не вредило его популярности. Человѣкъ очень образованный и умный, онъ отлично понималъ складъ воззрѣній и характеръ Лафайета: то и другое кололо ему глаза, и онъ преслѣдовалъ маркиза своими облитыми ядомъ остротами. Разсказываютъ, что выведенный изъ себя Лафайетъ, однажды, сказалъ Фрошо: „я не отступилъ передъ могуществомъ короля Англіи, передъ авторитетомъ короля Франціи, передъ яростью народа и ужъ, конечно, не отступлю передъ Мирабо“. Фразу эту Барду считаетъ несов-

мѣстной съ извѣстной скромностью Лафайета и потому недостоверной. Лафайета считали то Кромвелемъ, то Монкомъ, но въ поведеніи его не было рѣшительно ничего, что бы оправдывало такое мнѣніе. Онъ только и стремился къ тому, чтобы предотвратить самую возможность возникновенія военной диктатуры. Такъ, когда двадцать третьяго января 1790 года, по случаю представленія имъ парижскому муниципалитету депутатовъ отъ національной гвардіи изъ Оверни, муниципалетъ этотъ задумалъ предложить объединеніе національныхъ гвардейцевъ всей Франціи, подъ командою одного вождя, подразумѣвая подъ нимъ, конечно, Лафайета, то онъ отвѣчалъ автору этого предложенія, Клоду Фоше, въ такихъ выраженіяхъ: „возьмите назадъ предложеніе, принятіе котораго поставило бы меня такъ высоко. Не будемъ подавать примѣра для происковъ честолюбія. Что касается меня, то я выразилъ бы пожеланіе, чтобы никогда командованіе даже двумя отрядами національной гвардіи изъ разныхъ департаментовъ не было сосредоточиваемо въ однихъ рукахъ“.

Когда, два года спустя, было обнаружено содержаніе знаменитаго „желѣзнаго шкафа“ Людовика и обнародованы документы, бросившіе такую тѣнь на память Мирабо, тамъ не оказалось рѣшительно ничего, сколько нибудь компрометирующаго Лафайета, хотя онъ и велъ съ королемъ конфиденціальную переписку: въ одномъ изъ своихъ писемъ къ королю, Лафайетъ убѣждалъ его принять и подписать всѣ выработанные Национальнымъ Собраніемъ конституціонные законы и приурочить обнародованіе ихъ къ празднику федераціи 1790 года, значеніе котораго должно было, вслѣдствіе этого, сильно



увеличиться. О себѣ лично онъ писалъ, что лишь только конституціонныя работы будутъ закончены и Законодательное Собраніе смѣнитъ Конституанту, онъ сложитъ съ себя званіе начальника національной гвардіи и удалится въ частную жизнь. Его идеаломъ былъ постоянно Вашингтонъ. Когда Людовикъ двадцатаго февраля принялъ, наконецъ, законы, которые залагали основы новаго гражданскаго строя, Лафайетъ писалъ ему: „Государь! Повергаю къ стопамъ Вашего Величества признательность искренняго сердца, которое умѣетъ цѣнить доброту и отвѣчать довѣріемъ на довѣріе. Будемъ вѣрить, Государь, что ваши благосклонныя намѣренія получаютъ осуществленіе. Когда король и народъ будутъ составлять нераздѣльное цѣлое, какая сила въ состояніи противостоятъ имъ? Съ своей стороны клянусь Вашему Величеству въ вѣрности до послѣдней капли крови“.

Предложеніе Лафайета о несомѣщеніи въ одномъ лицѣ правъ командованія двумя отрядами національной гвардіи двухъ разныхъ департаментовъ было принято и декретировано Національнымъ Собраніемъ девятнадцатаго іюня 1790 года. Вечеромъ того жедня Лафайетъ энергически поддерживать предложеніе Ламбеа объ уничтоженіи сословныхъ различій и объ отмѣнѣ „всѣхъ знаковъ сословнаго, чиновнаго и придворнаго отличія“. Съ этого дня онъ пересталъ называться маркизомъ.

Четырнадцатаго іюля на Марсовомъ полѣ было устроено празднованіе общефранцузской федераціи. На этомъ празднествѣ Мирабо съ изумленіемъ увидѣлъ, что Лафайетъ, предметъ восторженнаго обожанія массъ, „могъ все и не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки“. И дѣйствительно, всякая честолюбивая

мысль была чужда въ эту минуту человѣку, пріобрѣтшему такой нравственный авторитетъ. Его скорѣе можно упрекнуть въ легковѣріи, ибо онъ вѣрилъ, что на великомъ торжествѣ четырнадцатаго іюля весь французскій народъ проникся воззрѣніями Руссо, что нѣтъ никакой задней мысли у короля, нѣтъ ся и у служившаго мессу епископатеиста Талейрана... Впрочемъ, такой энтузіазмъ раздѣлялся тогда во Франціи многими и многими...

Провозглашенный единодушно предсѣдателемъ собранія федератовъ, Лафайетъ обратился съ рѣчью и къ Конституантѣ и къ королю. Первой онъ сказалъ: „да послужитъ торжество сегодняшняго великаго дня сигналомъ къ примиренію партій, къ забвенію распрей, къ миру и общественному спокойствію“, и затѣмъ, обращаясь къ королю, произнесъ: „французскіе національные гвардейцы кланутся Вашему Величеству въ повиновеніи, которое окончится только тамъ, гдѣ начинается повиновеніе закону“. Обратившись, наконецъ, къ избравшимъ его президентомъ федератовъ національнымъ гвардейцамъ, онъ сказалъ: „разстанемся съ сладкимъ чувствомъ, которое поселилъ сегодншній день въ нашихъ сердцахъ и не забудемъ, что начатая великодушными порывами Революція, должна быть закончена въ духѣ справедливости и общественнаго блага“.

Этотъ день былъ зенитомъ славы и популярности Лафайета.

#### XIV.

Непосредственно за паденіемъ Бастиліи началась эмиграція французскаго дворянства за границу и

стали замѣтны происки главнѣйшихъ представителей его, графа д'Артуа, де Конде, де Конти, де Полиньяка и другихъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ державъ въ дѣла Франціи. Такой образъ дѣйствій французская знать не стыдилась называть „патріотическимъ“. Гнѣздомъ эмиграціи вскорѣ сдѣлался городъ Кобленцъ, откуда безпрестанно стали приходить въ Парижъ тревожныя вѣсти о замыслахъ эмигрантовъ и иностранцевъ. Все это, разумѣется, мало могло способствовать успокоенію умовъ. Отвращеніе къ старому режиму и ненависть къ желающимъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Франціи иностранцамъ стали главнѣйшими чувствами парижанъ. „Австріячка“ сдѣлалась снова мишенью для нападеній во всѣхъ демократическихъ клубахъ и журналахъ, а на ряду съ тѣмъ идея Республики болѣе и болѣе начала проникать въ сознаніе парижанъ. Положеніе, которое занялъ при этихъ условіяхъ Лафайетъ ни въ какомъ случаѣ не могло служить не только къ упроченію его популярности, но, наоборотъ, грозило гибелью при всякомъ неосторожномъ шагѣ. Свято преданный новому гражданскому режиму Франціи, Лафайетъ постоянно требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ уваженія къ королевской фамиліи, какъ представительницѣ и носительницѣ законной власти. На этой почвѣ у него происходили безпрестанныя столкновенія съ членами размножившихся въ Парижѣ политическихъ клубовъ. Избавить Парижъ отъ владычества этихъ клубовъ и заставить всѣхъ уважать права королевской власти было задачею непосильною даже для Лафайета, тѣмъ болѣе, что, преслѣдуемый за это настойчиво членами клуба якобинцевъ, онъ встрѣчалъ по-

стоянное противодѣйствіе всѣмъ своимъ планамъ и со стороны роялистовъ съ Маріею Антуанетою во главѣ, неперестававшихъ смотрѣть на него, какъ на причину всѣхъ ихъ бѣдствій. Все это привело къ тому, что къ обычнымъ крикамъ: „да здравствуетъ Лафайетъ!“ скоро начали примѣшиваться и возгласы: „долой Лафайета!“ Однако, даже самые враги его говорятъ, что такая перемѣна обстоятельствъ нисколько не повліяла на его образъ дѣйствій, и мужественный начальникъ національной гвардіи остался тѣмъ же, чѣмъ былъ раньше. Только, однажды, разошедшись во взглядахъ съ Національнымъ Собраніемъ по вопросу о свободѣ совѣсти, въ которомъ онъ придерживался мнѣнія о необходимости полного отдѣленія церкви отъ государства и протестуя противъ обязательности выработанной Собраніемъ формы присяги, Лафайетъ вторично подалъ отставку, но опять, какъ и въ первый разъ, упрощенный явившимися къ нему многочисленными депутаціями, взялъ свое прошеніе назадъ. Послѣ этого онъ явился въ Совѣтъ Парижской Коммуны и произнесъ рѣчь, текстъ которой Коммуна постановила разослать во всѣ шестьдесятъ отрядовъ національной гвардіи. Въ рѣчи этой онъ призывалъ гражданъ къ повиновенію законамъ и уваженію къ властямъ, указывая, что, въ противномъ случаѣ, Парижъ, „колыбель Революціи“, сдѣлается очагомъ анархіи, которая снова приведетъ къ деспотизму или царству Террора. „Чтобы командовать національной гвардіей,—говорилъ Лафайетъ,—я долженъ быть убѣжденъ, что всѣ граждане уважаютъ новый режимъ, чему доказательствомъ должно служить ихъ повиновеніе закону, единственному повелителю свободного на-



рода, и что свобода личности, неприкосновенность домашнего очага и свобода совѣсти, составляютъ принципы столь же священные для всѣхъ гражданъ безъ исключенія, какъ и для меня“. Получивши копію съ этой рѣчи, всѣ шестьдесятъ отрядовъ національной гвардіи, приняли рѣшеніе, что „всякій солдатъ-гражданинъ клянется своею честью повиноваться закону и что замѣченные въ неповиновеніи будутъ исключаемы изъ состава національной гвардіи“.

Вскорѣ, однако, новое событіе взволновало Парижъ и восстановило многихъ противъ Лафайета, давши въ руки его враговъ могучее оружіе для нападенія. То была сдѣланная двадцатаго іюня 1790 года Людовикомъ и всѣмъ королевскимъ семействомъ попытка къ бѣгству. Отсутствіе короля въ Тюльри было замѣчено въ семь часовъ утра двадцать перваго іюня королевскими слугами. Поднялось страшное волненіе. „Если бы король не былъ задержанъ, говоритъ Булье, Лафайетъ навѣрно былъ бы убитъ народомъ, который дѣлалъ его отвѣтственнымъ за это событіе“. Это входило въ расчеты и самихъ бѣглецовъ: свидѣтельствомъ тому служить записка, посланная Марією Антуанетою принцессѣ де Ламбаль и то удивленіе, которое обнаружила она послѣ своего задержанія, узнавши отъ одного изъ адъютантовъ Лафайета, что онъ не только живъ, но и продолжаетъ командовать національной гвардіей. Увѣдомленный о событіи въ Тюльри депутатомъ д'Андре, Лафайетъ побѣжалъ во дворецъ. По дорогѣ къ нимъ присоединились Байи и Богарне, очередной предсѣдатель въ этотъ день въ Конституантѣ. Оба они выражали опасеніе, что пока Собраніе издастъ декретъ о задержаніи бѣглецовъ, они будутъ уже далеко отъ Парижа.

— Полагаете ли вы, что задержание короля и его семейства вызывается общественною необходимостью и что это единственное теперь средство спасти отечество отъ междоусобной войны? — спросилъ Лафайетъ своихъ спутниковъ.

— Безъ сомнѣнія, — отвѣчали они.

— Въ такомъ случаѣ я беру всю отвѣтственность на себя и пишу приказъ о задержаніи.

И Лафайетъ написалъ воззваніе къ французскимъ гражданамъ, въ которомъ говорилъ, что „въ виду того, что враги отечества похитили короля и его семейство, предписывается всѣмъ національнымъ гвардейцамъ и всѣмъ гражданамъ задержать бѣглецовъ“. Выйдя изъ Тюльри, Лафайетъ отправился одинъ въ l'Hôtel de Ville. Это было очень смѣло съ его стороны, ибо толпы разгнѣваннаго народа наполняли улицы и въ нѣсколькихъ мѣстахъ его осыпали бранью и проклятіями. Никто не сомнѣвался, что Людовикъ бѣжалъ, чтобы соединиться съ эмигрантами и при помощи иностранныхъ державъ начать войну противъ Франціи. Лафайетъ хладнокровно продолжалъ свой путь. Вдругъ, онъ увидѣлъ на Гревской площади командира шестого дивизіона дворцовой стражи герцога Омона въ рукахъ толпы, уже готовой его умертвить. Не колеблясь ни минуты и, несмотря на обращенныя изъ толпы къ нему самому ругательства и угрозы, Лафайетъ бросается на помощь Омону и ему удается его спасти. Онъ прибѣгаетъ въ эту минуту даже къ остроумію, на которыя такъ падки парижане при всякихъ обстоятельствахъ: „ну, чего вы жалуетесь, — обратился онъ къ толпѣ, — развѣ вы забыли, что всякій гражданинъ платитъ на содержаніе королевской фамиліи двадцать су; а теперь,

вѣдь, это у каждого чистый барышъ“. Къ тѣмъ же, которые смотрѣли на дѣло серьезно, онъ обратился съ иными словами: „если вы называете это событіе несчастіемъ, сказалъ онъ, то какъ назовете вы междоусобную войну, а потомъ и контръ-революцію, которая отнимаетъ у васъ свободу?“ Нѣскольکو успокоенная толпа разступилась, чтобы дать ему дорогу, и Лафайетъ, войдя сначала въ l'Hôtel de Ville, отправился затѣмъ въ Національное Собраніе, которое было уже въ сборѣ и занималось вопросами о событіи въ Тюльри. Одинъ изъ депутатовъ, нѣкто Ревбель, попробовалъ набросить тѣнь подозрѣнія на Лафайета, но подымается Барнавъ, который никогда не былъ въ числѣ друзей обвиняемаго, и произноситъ въ его защиту рѣчь: „я останавливаю Ревбеля, сказалъ онъ: Лафайетъ съ самаго начала Революціи, и по взглядамъ и по образу дѣйствій, былъ примѣрнымъ гражданиномъ. Онъ заслужилъ довѣріе, которымъ пользуется. Для націи важно, чтобы это довѣріе было за нимъ сохранено.“ Рѣчь Барнава была покрыта аплодисментами. При извѣстіи объ опасностяхъ, которыя угрожали Лафайету на улицахъ, Собраніе послало особую депутацію для его охраны. Эта депутація застала его еще въ l'Hôtel de Ville'ѣ, но на предложеніе взять отрядъ для его охраны, Лафайетъ отвѣчалъ: „если хотите я назначу почетный эскортъ для депутаціи; что же касается меня, то чего же мнѣ бояться, вѣдь, улицы полны народа...“ и онъ отправился въ Собраніе одинъ въ формѣ генерала національной гвардіи, что, конечно, особенно кидалось въ глаза на улицахъ. При входѣ Лафайета въ залъ подымается депутатъ Каміосъ и громко кричитъ: „здѣсь не

должно быть военной формы, мы не хот<sup>ят</sup> защищать здѣсь оружія“. Друзья Лафайета заступ<sup>и</sup> его и берутъ перевѣсъ надъ Комюсомъ и ег<sup>и</sup> ронниками. Когда шумъ смолкъ, Лафайетъ обр<sup>а</sup>наль- къ Собранію съ нѣсколькими словами: „Наці<sup>и</sup> по- ному Собранію уже извѣстно,—сказалъ онъ,— онѣ<sup>и</sup> пытки, которую сдѣлали враги отечества, устр<sup>о</sup>объ побѣгъ королю и его семейству. Подробности на, этомъ дѣлѣ Собраніе получить отъ г. Гувьон<sup>а</sup> деи командира дворцовой стражи въ Тюльри. Съ сер<sup>е</sup> же стороны, могу лишь прибавить, что оф<sup>и</sup>ошо этотъ, патріотическія взгляды котораго мнѣ х<sup>и</sup>гвен- извѣстны, ни въ чемъ неповиненъ, и отвѣт<sup>ъ</sup> на ность за событіе прошлой ночи должна ле<sup>ж</sup> объ- меня одного.“ Послѣ Лафайета давалъ свое<sup>и</sup> оправ- ясенія Гувьонъ, котораго Собраніе выполн<sup>и</sup>я Ла- дадо и затѣмъ, утвердивши текстъ воззван<sup>і</sup>ю пе- файета о задержаніи бѣглецовъ, постанови<sup>л</sup> рейти къ очереднымъ дѣламъ. дскомъ

Вечеромъ того же дня на бывшемъ въ якоби<sup>н</sup>\*) про- клубѣ большомъ собраніи Жоржъ Дантонъ зчѣ, но изнесъ противъ Лафайета обвинительную рѣ<sup>ш</sup>и бы- популярность начальника національной гвар<sup>ді</sup>и наш- ла все еще такъ велика, что защитники ег<sup>о</sup> изъ- лись въ самомъ клубѣ и въ качествѣ одно<sup>и</sup>

\*) Знаменитый дѣятель французской революціи Ж<sup>ор</sup>жъ Дан- тонъ родился въ 1759 и умеръ на гильотинѣ въ 1794 году. Въ томъ же году, въ Парижѣ на бульварѣ St. Germain, на моментъ 10 ставленъ монументъ, на пьедесталѣ котораго выбиты слова: „patrie, il nous произнесенныя передъ Собраніемъ въ историческомъ залѣ de l'audace“, а августа 1792 года: „pour vaincre les ennemis de l'éducation c'est faut de l'audace, encore de l'audace et toujours de l'audace“, а на другой сторонѣ его же слова: „après le pain“. „Послѣ хлѣба le plus grand besoin du peuple.“ („Чтобы побѣ<sup>д</sup>е.“) чества намъ нужна смѣлость, смѣлость и смѣлость величайшая потребность народа есть образованіе



нихъ въ этотъ вечеръ говорилъ рѣчь за Лафайета Александръ Ламетъ \*\*).

Двадцать четвертаго іюля король былъ узнанъ и задержанъ въ Вареннѣ, а декретомъ слѣдующаго дня дворцовая стража была замѣнена національной гвардіей подѣ личною отвѣтственностью за послѣдствія этого Лафайета. Какъ только Людовикъ прибылъ въ Тюльри, къ нему явился Лафайетъ и сказалъ: „Вашему Величеству извѣстна моя вамъ преданность, но вамъ должно быть также извѣстно, что, если дѣло короля и дѣло народа не будутъ составлять одного цѣлаго, то я останусь на сторонѣ народа.

— Вы правы, — отвѣчалъ Людовикъ, — вы слѣдуете вашимъ принципамъ. Теперь я откровенно вамъ скажу вотъ что: до сихъ поръ меня окружали лишь люди вашего образа мыслей и за вихремъ ихъ мнѣній мнѣ не было возможности узнать мнѣніе Франціи; во время послѣдняго путешествія я убѣдился, что ваши мнѣнія тождественны съ мнѣніемъ всей страны.

— Не будетъ ли со стороны Вашего Величества какихъ нибудь мнѣ приказаній?

— Кажется, дѣло пошло на то, отвѣчалъ съ грустной улыбкой король, что мнѣ отъ васъ надо получать приказанія, а не отдавать вамъ ихъ.

Съ этого времени вопросъ о Республикѣ сталъ болѣе и болѣе занимать умы. На одномъ изъ собраній у близкаго друга Лафайета, герцога Ларошофуко вопросъ этотъ былъ подвергнутъ серьезному обсужденію. Самъ Ларошофуко высказался за Республику, причемъ его горячо поддерживалъ

---

\*\*) Три брата Ламета играли важную роль въ различныхъ событіяхъ Революціи.

Дюпонъ де Немуръ. Лафайетъ былъ противъ и высказывался за сохраненіе королевской власти. Это самое ему скоро пришлось сказать и въ Собраніи: родственникъ Лафайета Булье, успѣвшій скрыться за границу, спасаясь отъ суда по обвиненію въ „государственной измѣнѣ“ т. е. въ содѣйствіи къ побѣгу короля, прислалъ Собранію изъ Люксембурга письмо, въ которомъ выставлялъ Лафайета главою республиканской партіи, желавшей низвергнуть королевскую власть во Франціи. Лафайетъ взошелъ на трибуну и сказалъ: „я получилъ копію съ письма г. Булье, въ которомъ онъ называетъ меня врагомъ установленной вами формы правленія. Я не буду возобновлять мою присягу, но заявляю, что я готовъ отдать всю свою кровь за сохраненіе этой формы правленія“. Вопросъ о Республикѣ не разсматривался, но какъ быть? Передать ли корону герцогу Орлеанскому? Заставить ли Людовика отречься въ пользу его сына? Призвать ли кого нибудь изъ иностранныхъ принцевъ? Оставить ли все по старому? Всѣ эти вопросы страстно занимали Собраніе. Барнавъ настаивалъ на неразсматриваніи и вопроса объ отреченіи, также какъ и о Республикѣ. Лафайетъ горячо его въ этомъ поддерживалъ. Но событія шли своимъ чередомъ и Революція дѣлала свое дѣло, не спрашивая ни у кого указаній.

## XV.

Иначе отзывались всѣ происшедшія событія на улицахъ Парижа. Четырнадцатаго іюля, въ годовщину взятія Бастиліи, Лаклозъ редактировалъ петицію, въ которой требовалось отрѣшенія Людо-

вика отъ престола. Эта петиція, подписанная словомъ „народъ“ была доставлена Собранію толпою въ четыре тысячи человѣкъ. По выслушаніи петиціи Собраніе спокойно рѣшило перейти къ очереднымъ дѣламъ. Тогда, семнадцатаго іюля, еще большая толпа собралась съ тою же цѣлью на Марсовомъ Полѣ и составила петицію въ еще болѣе повелительныхъ выраженіяхъ. Эту петицію редактировалъ извѣстный Гриссо \*). Во время составленія петиціи подъ „алтаремъ отечества“ \*\*) спрятались двое солдатъ, не имѣвшихъ, какъ заявляли они, другой цѣли, кромѣ любопытства. Толпа приняла ихъ за шпионовъ, они были умерщвлены, и надѣтыя на пики ихъ головы долго носили по улицамъ. На мѣсто происшествія прибылъ Лафайетъ съ отрядомъ національных гвардейцевъ, но толпа постороила баррикады изъ поваленныхъ экипажей. Затѣмъ раздались выстрѣлы, направленные въ Лафайета. Извѣщенное объ этомъ Собраніе потребовало Байи и приказало ему объявить городъ на военномъ положеніи. Красное знамя, сигналъ военнаго положенія, взвилось тотчасъ же на крышѣ l'Hôtel de Ville'я. Потомъ Байи прибылъ также на Марсово Полѣ и присоединился къ Лафайету. Лишь только толпа увидѣла ихъ вмѣстѣ, какъ послышались крики: „позоръ Байи! смерть Лафайету!“, и въ нихъ полетѣли комья грязи и цѣлый дождь камней. Раздались и выстрѣлы которыми былъ раненъ одинъ драгунъ. Байи пробовалъ уговорить толпу, но ему отвѣчали свистками. Тогда, обратившись къ Лафайету, онъ предложилъ ему приступить къ своимъ обязанностямъ.

\*) Глава жирондистовъ, казненный въ 1793 году.

\*\*) Сооруженіе, воздвигнутое во время праздника федератовъ.

Уговоры Лафайета также не привели ни къ чему. Остался безрезультатнымъ и залпъ холостыми зарядами. Только, испробовавши всѣ средства, Лафайетъ приказалъ, наконецъ, стрѣлять. Раздался залпъ, результатомъ котораго оказалось двѣнадцать убитыхъ и одиннадцать раненыхъ. Толпа разсѣялась.

На слѣдующій день Байи явился въ Національное Собраніе и доложилъ о пропсшествіяхъ семнадцатаго іюня. Собраніе почти единогласно постановило выразить Байи и національнымъ гвардейцамъ благодарность. Но не такъ отнеслись къ этому клубы: ихъ газеты не иначе называли день семнадцатаго іюля, какъ „днемъ убійствъ на Марсовомъ Полѣ“. Фреронъ писалъ: „нечего ссылаться вамъ, Байи и вамъ, измѣнникъ Лафайетъ, на законы военнаго времени! Нѣтъ, нѣтъ, ничто не смоетъ съ васъ пензгладимаго пятна крови вашихъ братьевъ, которая запеклась на вашихъ мундирахъ. Она проникнетъ до вашихъ сердецъ. Это медленный ядъ, который отравитъ васъ!“ Дѣло дошло до того, что, однажды, ночью толпа напала въ отсутствіи Лафайета на его домъ съ намѣреніемъ убить его жену и поднести ей голову „генералу“. Толпа начала уже вламывается въ домъ, когда подошедшая кавалерія заставила ее разсѣяться.

Между тѣмъ, только три мѣсяца оставалось до распущенія Конституанты и замѣны ея Законодательнымъ Собраніемъ. Третьяго сентября выработанные конституціонные акты были торжественно посланы Людовику. „Все предвѣщаетъ, что окончаніе конституціи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ Революціи“, наивно замѣтилъ, ходившій въ числѣ депутатовъ къ Людовику, Турэ. Тринадцатаго сентября Людовикъ увѣдомилъ Собраніе о



своемъ принятіи конституціи въ такихъ выраженіяхъ: „желанія народа проявились теперь predominantly съ несомнѣнною ясностью. Я принимаю конституцію при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ. Забудемъ же все прошлое“..., и Людовикъ предложилъ Собранію объявить всеобщую амністію по политическимъ дѣламъ. Это предложеніе было принято Собраніемъ единодушно, хотя у всѣхъ партій было на эти различныя соображенія: лѣвая была довольна прекращеніемъ начатаго слѣдствія о бунтѣ на Марсовомъ Полѣ; другія—свободѣ значительнаго количества лицъ, арестованныхъ по разнымъ поводамъ въ департаментахъ. На слѣдующій день король лично явился въ Собрание и принялъ присягу на вѣрность конституціи, а восемнадцатаго сентября было устроено торжественное празднованіе провозглашенія конституціи. Празднованіе это носило почти религіозный характеръ. Наконецъ, тридцатаго сентября король снова появился въ Собраніи для его закрытія. „Государь, сказалъ председатель Собранія Тарже, принимая конституцію, вы закончили Революцію“. Но какъ бы проницательнымъ отвѣтомъ на эти слова была маленькая сценка, случившаяся въ тотъ же день: толпа выпрягла лошадей изъ экипажа Робеспьера \*), увѣн-

---

\*) Максимилианъ Робеспьеръ, одна изъ самыхъ центральныхъ личностей Революціи, родился въ Аррасѣ въ 1758 году и занимался въ своемъ родномъ городѣ адвокатурою. Выдвинутый волнами Революціи на политическую арену, онъ сдѣлался особенно извѣстнымъ въ эпоху Террора, въ качествѣ не столько члена Конвента, сколько дѣятеля Комитета Общественнаго Спасенія. Его власть въ это время была очень близка къ диктатурѣ. Онъ палъ 9 термидора (27 іюля 1794 г.) вмѣстѣ съ своими ближайшими друзьями и единомышленниками Сень-Жюстомъ, Кутономъ и другими. Всѣ они сложили головы на гильотинѣ на слѣдующій же день послѣ паденія ихъ власти.

чала чело знаменитаго революціонера вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ и повезла его по улицамъ Парижа...

Однимъ изъ послѣднихъ постановленій Конституанты было запрещеніе всѣмъ своимъ членамъ быть избираемыми въ ближайшее Законодательное Собраніе. Считая, повидимому, Революцію тоже оконченной, Лафайетъ окончательно подалъ въ отставку. Въ своемъ прощальномъ письмѣ къ національной гвардіи онъ писалъ такія строки: „Свобода будетъ упрочена только въ такомъ случаѣ, если политическія убѣжденія и въ особенности свобода печати не будутъ служить поводомъ для преслѣдованій, если религіозная нетерпимость, какимъ бы патріотическимъ плащомъ она не прикрывалась, не создастъ господствующаго или гонимаго культа, если жилище каждаго гражданина будетъ неприкосновенно болѣе чѣмъ самая неприступная крѣпость, если, наконецъ, всѣ французы будутъ столь же солидарны въ сохраненіи гражданской свободы, какъ и въ религіозномъ почитаніи закона“. Принявши отставку Лафайета, парижскій муниципалитетъ хотѣлъ выдать ему въ качествѣ награды мраморную статую Вашингтона. Национальная гвардія, съ своей стороны, поднесла ему шпагу, выкованную изъ желѣзныхъ частей отъ Бастиліи. Этотъ подарокъ былъ переданъ Лафайету особой депутаціей уже въ то время, когда онъ находился въ своемъ родовомъ замкѣ въ Оверни. Принимая депутацію, Лафайетъ сказалъ ей: „я принимаю васъ въ домѣ, въ которомъ родился. Я выйду изъ него только для защиты или упроченія гражданской свободы, если она подвергнется опасности“.

Madame Лафайетъ оставила Парижъ съ радостью.

Путешествіе этой четы до Оверни было триумфальнымъ: привѣтствія, знаки расположенія и почетные дары встрѣчали ихъ почти въ каждомъ городѣ, черезъ который они проѣзжали. Наконецъ, они прибыли въ Шаваньякъ, гдѣ къ нимъ вскорѣ присоединилась герцогиня д'Эйенъ и виконтесса де Ноай. Желанію Лафайета не выѣзжать изъ Шаваньяка безъ крайней необходимости не пришлось осуществиться. Часть парижанъ потребовала назначенія его меромъ Парижа. Клубы выставили на ту же должность своего кандидата Петіона. На сторону послѣдняго стала и Марія Антуанета. „Лафайетъ,—сказала она, будетъ меромъ города только для того, чтобы потомъ сдѣлаться и „меромъ дворца“. Петіонъ якобинецъ, но это дурень, неспособный стать главою партіи. Это будетъ ничтожнѣйшій меръ и возможно даже, что, узнавши объ участіи, которое мы принимаемъ въ его избраніи, онъ перейдетъ на сторону короля“. Въ чемъ—въ чемъ, а въ послѣднемъ предположеніи Маріи Антуанетѣ, пришлось горько ошибиться, ибо Петіонъ игралъ черезъ нѣсколькое время не послѣднюю роль при сооруженіи для нея эшафота... На выборахъ Петіонъ получилъ на три тысячи шаровъ больше чѣмъ Лафайетъ и сдѣлался черезъ это парижскимъ меромъ. Однако, это не избавило Лафайета отъ новаго выступленія на политическую арену. Интриги эмигрантовъ давно привлекали вниманіе парижанъ и возбуждали въ клубахъ сильное негодованіе. Необходимость приготовиться къ отраженію возможнаго нашествія на Францію подстрекаемыхъ эмигрантами иностранцевъ стало до того очевидно, что четырнадцатаго декабря 1791 года военный министръ Нарбонъ отдалъ приказъ о сфор-

мированіи трехъ армій въ пятьдесятъ тысячъ чело-  
вѣкъ. „Отечество желало бы видѣть въ главѣ этихъ  
армій,—сказалъ Нарбонъ въ Законодательномъ Со-  
браніи,—Рошамбо, Люкнера и Лафайета“. Зала  
собранія огласилось при этихъ словахъ взрывомъ  
рукоплесканій. На назначеніе Лафайета Людовикъ  
сначала не соглашался. „Если Ваше Величество  
отклоните это назначеніе сегодня, — сказалъ Нар-  
бонъ,—голосъ націи заставитъ васъ это сдѣлать  
завтра“. Король уступилъ и въ декабрѣ Лафайетъ  
выѣхалъ изъ Шаваньяка, чтобы принять должность.

Онъ увидѣлъ снова свой родной домъ только  
черезъ четырнадцать лѣтъ...

## XVI.

Самою вліятельною группою въ Законодательномъ  
Собраніи были жирондисты; изъ ихъ среды особенно  
выдѣлились въ это время Бриссо, Сійэсъ и Роланъ.  
Бриссо, редактировавшій уже раньше народную  
петицію объ отрѣшеніи Людовика отъ престола,  
явился въ Собраніе однимъ изъ представителей  
республиканскихъ принциповъ. Аббатъ Жозефъ,  
Сійэсъ, извѣстный своимъ знаменитымъ политиче-  
скимъ памфлетомъ „*Qu'est ce que le tiers-état?*“\*)—былъ  
практикомъ, дѣльцомъ, группы жирондистовъ, со-  
стоявшей поголовно изъ умныхъ, честныхъ и обра-  
зованныхъ людей, но мечтателей-оптимистовъ, без-  
завѣтно вѣрившихъ въ силу идей. Душою кружка  
былъ Роланъ или, вѣрнѣе, его жена Марія Жанна  
Роланъ, за годъ только передъ тѣмъ пріѣхав-  
шая въ Парижъ и съ увлеченіемъ бросившаяся въ  
волны революціи. Эта, по выраженіе Мишле, „ко-  
ролева жиронды“ была воспитана на идеалахъ

---

\*) Что такое третье сословіе?



древнихъ республикъ и мечтала о спартанской строгости нравовъ, римскихъ доблестяхъ и плутарховыхъ герояхъ. Революція представлялась ей не задачею только французскаго народа, а дѣломъ міровымъ и потому Революція эта должна была заключать, по мнѣнію Роланъ, въ нѣдрахъ своихъ тенденцію къ прозелитизму. Отсюда являлась логическимъ выводомъ необходимость войны со всѣми „европейскими тиранами“. Само собою разумѣется, что не изъ мечтаній „королевы жиронды“ вышли дѣйствительныя войны Франціи почти со всею Европою; ихъ подсказали болѣе реальныя причины, но въ разсматриваемый моментъ именно этого рода мысли бродили въ головахъ жирондистовъ.

Когда Лафайетъ появился снова въ Парижѣ, онъ не засталъ тамъ Нарбона, отправившагося осматривать границы, и потому уѣхалъ въ Мецъ. Оттуда онъ написалъ Вашингтону такое письмо: „когда я увидѣлъ, что наша свобода и наша конституція подвергаются серьезной опасности со стороны иностранцевъ и что снова приходится сражаться за наше дѣло, я подчинился требованію моихъ согражданъ, пріѣхалъ въ Парижъ и оттуда въ Мецъ. Наше регулярное войско далеко отъ совершенства, но волонтеры хороши. Офицеры и унтеръ-офицеры въ общемъ настроены патріотически, но мало дисциплинированы. Чувствуется недостатокъ въ штабныхъ офицерахъ. Я пытаюсь (и я единственный, который, опираясь на свою популярность, еще можетъ дѣлать это) установить строгую дисциплину, не взирая на крики якобинцевъ, и надѣюсь, что все пойдетъ хорошо“.

Въ Парижѣ думали занять Нидерланды и возмутить ихъ. Рошамбо предложилъ возложить это по-

рученіе на Лафайета, „который, разъ дѣло идетъ о какой нибудь революціи, сумѣетъ выполнить его лучше, чѣмъ кто нибудь“. Въ якобинскомъ клубѣ продолжались, тѣмъ не менѣе, самыя страстныя нападки на Лафайета. Въ одномъ изъ бурныхъ засѣданій этого клуба подъ предсѣдательствомъ Дантона, Робеспьеръ, почти личный врагъ Бриссо, Гюаде и другихъ жирондистовъ, обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „я согласенъ забыть оскорбленія, которыя вы нанесли мнѣ, но съ однимъ условіемъ: помогите мнѣ уничтожить партіи столь, вредныя для нашей страны и въ особенности партію Лафайета, этого эфемернаго героя двухъ полушарій, который, участвовалъ въ Революціи Америки, но теперь только и дѣлаетъ, что тормозитъ Революцію въ Европѣ. Развѣ вы не согласитесь со мною, Бриссо, что этотъ военный начальникъ былъ палачемъ и убійцей народа и что убійства на Марсовомъ Полѣ отодвинули Революцію на двадцать лѣтъ назадъ? Менѣе ли опасенъ этотъ человѣкъ теперь, когда онъ находится во главѣ арміи? Поспѣшимъ же! пусть боятся заговорщики меча закона! Извѣстія, которыя приходятъ изъ арміи, самаго мрачнаго свойства: Лафайетъ и тамъ уже сѣетъ сѣмена раздора между регулярною арміею и національною гвардіей“...

Это было уже похоже на желаніе отправить Лафайета на гильотину, но онъ не обращалъ вниманія на опасность и твердо стоялъ на своемъ. Лишь только Австріи была объявлена война, Лафайетъ обратился къ войску съ прокламаціей, которая касалась столько же войска, сколько и всѣхъ гражданъ. „Вынеши убѣжденіе изъ опыта всей моей, посвященной дѣлу свободы, жизни, писалъ онъ, что

свобода прочна только среди такихъ гражданъ, которые умѣютъ свято чтить законъ и защищать его силами дисциплинированныхъ армій, я служу народу, но не хочу ему льстить; въ моей постоянной борьбѣ съ своеволіемъ и анархіей, я заслужилъ почетную ненависть всѣхъ честолюбцевъ и мятежныхъ партій. И вотъ, я снова объявляю, что не въ гибельномъ снисхожденіи, но въ созданіи непоколебимой дисциплины вижу я исполненіе своихъ обязанностей передъ отечествомъ. Солдаты конституціи,—не думайте, что она перестанетъ надзирать за вами потому только, что вы сражаетесь за нее! Безъ сомнѣнія Законодательное Собраніе и король сплотятся въ настоящій рѣшительный моментъ еще болѣе, чтобы утвердить царство закона. Личность и собственность станутъ неприкосновенны, гражданская и религіозная свобода не будутъ профанированы. Всѣ партіи мятежа будутъ разсѣяны и господство будетъ принадлежать только конституціи, которая побѣдитъ и тѣхъ, кто дѣйствуетъ противъ нея открытою силою и тѣхъ измѣнниковъ, которые, предаваясь своимъ гнуснымъ страстямъ, повидимому, поклялись дискредитировать ее внутри и внѣ страны. Да, мы достигнемъ этою цѣною нашихъ трудовъ и нашей крови, засвидѣтельствуемъ это и передъ гражданами, избранными народа, клявшимися хранить свято конституцію и передъ наслѣдственнымъ представителемъ ея, королемъ гражданномъ, тронъ котораго незыблемо упрочила эта конституція. Мы, военные, которымъ вручена защита свободы и Декларациі Правъ, двинемся впередъ на врага“.

Эта прокламація, конечно, еще болѣе вооружила противъ Лафайета и жирондистовъ и якобинцевъ. Жирондисты представляли собою не болѣе какъ

группу, вліяніе же якобинцевъ ежедневно росло. „Якобинцы теперь настолько могущественны, что никто не рѣшается открыто нападать на нихъ“, сказалъ, однажды, Лафайетъ. Само Законодательное Собраніе съ каждымъ днемъ подчинялось все болѣе и болѣе вліянію этого знаменитаго клуба. При такихъ условіяхъ Лафайетъ рѣшился еще на одно смѣлое дѣло: ему казалось, что необходимо дать только примѣръ, чтобы ободрить нерѣшительное большинство Собранія и сгруппировать подъ знаменемъ борьбы противъ узурпаціи клубами государственной власти всѣхъ гражданъ, оставшихся вѣнными конституціи. И вотъ, шестнадцатаго іюня 1792 года онъ обратился къ Собранію съ слѣдующимъ оффиціальнымъ письмомъ:

„Настанвая, господа, на томъ, что Собраніе должно стоять на стражѣ закона, коимъ осуществляется идея правъ человѣка, я считаю своею обязанностью указать вамъ на тѣ козни, которыя пущены въ ходъ, чтобы сбить васъ съ прямого пути, т. е. съ той дороги, слѣдовать по которой вы дали присягу.

„Ничто не помѣшаетъ мнѣ воспользоваться моимъ правомъ свободнаго человѣка и исполнить мою обязанность, какъ гражданина.

„Вы находитесь въ трудныхъ обстоятельствахъ. Франціи угрожаютъ и внѣшніе и внутренніе враги. Въ то время, когда иностранные дворы грозятъ намъ уничтоженіемъ нашего народнаго суверенитета и считаютъ насъ врагами Франціи, враги внутренніе, въ опьяненіи гордости и честолюбія, пускаютъ въ ходъ химерическія надежды, ради которыхъ не стѣсняются рѣшительно ничѣмъ...

„Можете ли вы не согласиться со мною, что



причиною всѣхъ безпорядковъ является нѣкая партія..., но я не хочу неопредѣленныхъ выраженій и прямо называю ее по имени: это партія якобинцевъ. Ее обвиняю я во всеуслышаніе. Организованная какъ государство въ государствѣ и управляемая нѣсколькими честолюбцами, которымъ она слѣпо повинуетъ, эта партія составила какую то секту, отличную отъ всего французскаго народа, и повсемѣстно узурпировала власть. На собраніяхъ этой секты преданность закону называется „аристократизмомъ“, а собственныя ихъ преступленія „патріотизмомъ“. У нихъ убійцы Дезиля встрѣчены съ триумфомъ и преступленія Журдана нашли своихъ панегиристовъ. У нихъ рассказы объ убійствахъ въ Мецѣ, опозорившихъ этотъ городъ, привѣтствуются самыми адскими кликами восторга. Неужели должны они избѣжать за все это упрековъ только потому, что они названы въ манифестѣ непріятельской арміи? \*) Или имя ихъ стало священно оттого, что его произнесъ Леопольдъ? Неужели мы, принужденные сражаться съ иностранцами, мѣшающимися въ наши дѣла, не обязаны освободить наше отечество отъ внутренней тираніи? Еще разъ, — указываю вамъ на эту секту!

„Необходимо, чтобы граждане, сомкнувшись во кругъ конституціи, были увѣрены, что гарантируемая ею права охраняются съ почтеніемъ и что конституція есть гроза всѣхъ враговъ явныхъ и

---

\*) Въ манифестѣ герцога Брауншвейгскаго было сказано, что король прусскій и императоръ австрійскій идутъ на Францію, съ цѣлью возстановить внутри ея порядокъ и подавить безначаліе партій, особенно якобинской. Манифестъ требовалъ покорности Людовику, подъ угрозою превратить въ развалины Парижъ и децимировать его жителей. „Aux grands maux les grands remèdes“, (клинь клиномъ надо вышибать) сказалъ при составленіи манифеста графъ д'Артуа.

тайныхъ. Сдѣлайте же такъ, чтобы уголовная юстиція пошла своимъ полнымъ ходомъ, чтобы гражданское равенство и религіозная свобода утвердились на истинныхъ основаніяхъ, чтобы королевская власть была неприкосновенна, потому что неприкосновенность эта гарантирована ей конституціей, чтобы король былъ почитаемъ, потому что онъ поставленъ на этотъ постъ большинствомъ народа, наконецъ, чтобы царство клубовъ было уничтожено и замѣнено царствомъ закона и вмѣсто узурпаторовъ установлены твердыя и независимыя конституціонныя власти“.

Надо вспомнить положеніе, въ которомъ находилась тогда Франція и принять во вниманіе всемогущество якобинцевъ, чтобы оцѣнить все мужество автора этого письма, весь его классическій характеръ. Вѣдь это былъ уже канунъ грознаго девяносто третьяго года съ его царствомъ Террора и не имѣвшимъ себѣ подобія въ исторіи Комитетомъ Общественнаго Спасенія! Письмо Лафайета, не смотря на гнѣвъ якобинцевъ, произвело сильное впечатлѣніе на Законодательное Собраніе. Умѣренная партія потребовала, чтобы оно было напечатано и разослано во всѣ департаменты. Жирондисты старались затормозить это дѣло, подъ предлогомъ необходимости удостовѣриться въ подлинности письма, но Гюаде пошелъ дальше и произнесъ имя Кромвеля. Письмо было передано для удостовѣренія въ его подлинности въ особую комиссію. Необходимо замѣтить, что въ это время манифестъ герцога Брауншвейгскаго только еще болѣе разжегъ страсти, а поведеніе короля и въ особенности Маріи Антуанеты, способно было вывести изъ себя и не такихъ воспріимчивыхъ людей, какъ парижане.

Около этого времени былъ изданъ законъ о мятежныхъ священникахъ, который Людовикъ не только не соглашался утвердить, но и писалъ иностраннымъ дворамъ, что „принятіе имъ конституціи не защитило его отъ притязаній партій и что онъ видитъ свое спасеніе только въ скоромъ открытіи европейскаго Конгресса“. Когда появился манифестъ герцога Брауншвейгскаго, то въ придворныхъ кругахъ его читали съ восторгомъ, а съ устъ Маріи Антуанеты не сходили слова: „надо подождать пока въ Парижъ не вступятъ пруссаки“. Все это привело къ тому, что двадцатаго іюля при пѣніи са іга толпа произвела нападеніе на Тюльри и потребовала отъ Людовика утвержденія нѣкоторыхъ декретовъ, которымъ онъ отказывалъ въ своемъ согласіи. Якобинцы торжествовали. Извѣстіе о такомъ какъ бы отвѣтѣ на свое письмо Лафайетъ получилъ въ лагерь подъ Бовэ. Тогда, отправивши своего адъютанта Бюро де Пюзи къ Люкнеру съ извѣщеніемъ о своихъ планахъ относительно австрійцевъ, Лафайетъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ его о своемъ намѣреніи сдѣлать еще одну попытку обузданія якобинцевъ, по смѣлости превосходящую все прежнія. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Парижъ самъ и поручилъ де Пюзи сообщить и объ этомъ Люкнеру. Люкнеръ не одобрилъ этого намѣренія, сказавши, что „санкюлоты навѣрно отрубятъ Лафайету голову“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не выставилъ и никакихъ препятствій къ его поѣздкѣ, могущихъ встрѣтиться съ чисто военной точки зрѣнія. Отправляясь въ Парижъ вдвоемъ только съ своимъ адъютантомъ Кальбомъ, Лафайетъ сказалъ: „я вступлю съ мятежниками въ борьбу на жизнь и смерть и надѣюсь скоро ее окончить“. Проѣзжая черезъ Суассонъ,

онъ былъ торжественно встрѣченъ депутаціей отъ города, которая просила его оставить свое намѣреніе и представляла ему всѣ послѣдствія его шага. Лафайетъ остался непреклоненъ и двадцать восьмого іюня прибылъ въ Парижъ и остановился у своего друга Рошофуко, раздѣлявшаго всегда тѣ же принципы и ни минуты не задумавшагося оказать ему весьма опасное при такихъ обстоятельствахъ гостепріимство.

## XVII.

Въ тотъ же день Лафайетъ явился въ Законодательное Собраніе, попросилъ у предсѣдателя слово и произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Прежде всего я долженъ сказать вамъ, господа, что мѣры, принятыя мною по соглашенію съ маршаломъ Люкнеромъ, предотвращаютъ всякую возможность дурныхъ послѣдствій моего отсутствія въ Дѣйствующей Арміи.

„А теперь перехожу прямо къ тѣмъ причинамъ, которыя привели меня сюда: мнѣ сказали, что мое письмо отъ шестнадцатаго іюня было заподозрѣно въ подлинности; мнѣ поставили въ вину то обстоятельство, что я написалъ его изъ военного лагеря.

„Но есть причина еще болѣе важная для моего пребыванія здѣсь: нападеніе на Тюльри двадцатаго іюни наполнило негодованіемъ сердца всѣхъ добрыхъ гражданъ и произвело особенно сильное впечатлѣніе на армію. Я постарался остановить составленіе адресовъ, которыя армія хотѣла послать вамъ и, вотъ, я явился одинъ выразителемъ ея чувствъ.

„Господа, я говорю вамъ, какъ гражданинъ и,



вѣрьте мнѣ, что мнѣніе мое въ этомъ случаѣ раздѣляютъ всѣ французы, любящіе отечество, его свободу, его спокойствіе и данные имъ законы. Настало время гарантировать конституцію отъ попытокъ ее ниспровергнуть, утвердить свободу Собранія, свободу короля, его независимость и его достоинство; настало время разрушить вмѣстѣ съ тѣмъ и надежды дурныхъ гражданъ, которые ждутъ только появленія иностранныхъ войскъ для того, чтобы установить такъ называемое „общественное спокойствіе“, т. е. такой порядокъ, который представляется въ глазахъ всѣхъ свободныхъ людей самымъ позорнымъ и нестерпимымъ рабствомъ“.

Затѣмъ Лафайетъ умолялъ Собраніе начать преслѣдованіе противъ мятежниковъ двадцатаго іюня и требовалъ уничтоженія якобинскаго клуба, который „взялъ верхъ надъ народнымъ суверенитетомъ и тиранитъ гражданъ“. Дебаты на засѣданіяхъ этого клуба, продолжалъ Лафайетъ, „не оставляютъ никакого сомнѣнія въ свирѣпости его вождей“, и въ заключеніе просилъ принять мѣры для надлежащаго почитанія конституціи, „въ то время, когда храбрые французы проливаютъ свою кровь для защиты отечества отъ враговъ“.

Бывшіе на этомъ засѣданіи жирондлисты подняли брошенную перчатку. Первымъ отвѣчалъ Лафайету Гюаде, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Жиронды. „Развѣ непріятельская армія уже разбита?—пронически спрашивалъ онъ. Нѣтъ, все осталось по старому и, однако, мы видимъ генерала одной изъ нашихъ армій въ Парижѣ!.. Какія же неотложныя дѣла привели его сюда? Наши внутренніе раздоры? Но я заявляю, что господинъ Лафайетъ самъ нарушаетъ защищаемую имъ конституцію, если онъ

позволяетъ себѣ являться въ Законодательное Собраніе отъ имени всѣхъ честныхъ людей Франціи, отъ которыхъ онъ не получилъ никакихъ полномочій“. Затѣмъ ораторъ требовалъ послать запросъ военному министру, дабы узнать, вызывалъ ли онъ Лафайета въ Парижъ по какому нибудь важному дѣлу или давалъ ли онъ ему отпускъ и закончилъ предложеніемъ послать въ Дѣйствующую Армію декретъ, запрещающій генераламъ появляться въ Законодательное Собраніе съ петиціями. Защиту Лафайета принялъ на себя депутатъ Рамондъ.— „Здѣсь ставятъ вопросъ, кто уполномочилъ Лафайета являться сюда выразителемъ желаній всѣхъ честныхъ людей королевства, — сказалъ онъ. Я спрошу въ свою очередь, кто возложилъ порученіе двадцатаго іюня на толпу явиться къ королю отъ имени цѣлой націи, отъ имени цѣлаго народа, повелителя своихъ судебъ? Отсюда видно, что существуютъ двѣ точки зрѣнія, съ которыхъ можно смотрѣть на одни и тѣ же вещи, и вотъ почему да будетъ позволено Законодательному Собранію, наслѣднику Собранія Учредительнаго, на которое столько разъ клеветали даже съ этой трибуны, принять предложенія, исходящія отъ старшаго сына французской Революціи“. И Рамондъ требовалъ, чтобы петиція Лафайета была отослана въ особый „чрезвычайный комитетъ“, но чтобы дебаты по существу ея были начаты немедленно. Эти противоположныя заявленія двухъ ораторовъ вызвали бурныя сцены и засѣданіе было закрыто, послѣ чего Лафайетъ отправился къ королю. Во время этого визита принцеса Елизавета настанвала на необходимости забыть все старое и отдаться подъ покровительство единственнаго человѣка, который

могъ еще спасти королевское семейство, но неожиданно поднялась Марія Антуанета и заявила, что „лучше погибнуть, чѣмъ быть спасеннымъ Лафайетомъ и конституціоналистами“, и, — странная вещь, — ослѣпленная ненавистью къ Лафайету она собственноручно разрушила планъ, направленный къ спасенію королевской династїи. Лафайетъ, рискуя не только своею популярностью, но и жизнью, предложилъ королю устроить на слѣдующій день смотръ національной гвардіи, на которомъ будетъ находиться въ королевской свитѣ и онъ, и затѣмъ, по отъѣздѣ короля, онъ, Лафайетъ, обратится къ національной гвардіи съ рѣчью о необходимости защиты конституціи противъ якобинцевъ. Объ этомъ планѣ Марія Антуанета увѣдомила въ ту же ночь парижскаго мера якобинца Петіона, и тотъ постарался, чтобы смотръ не состоялся.

При такихъ обстоятельствахъ Лафайету нечего не оставалось больше дѣлать, какъ вернуться въ армію, что онъ и исполнилъ тридцатаго іюня, но, желая выполнить до конца свои гражданскія обязанности, онъ послалъ передъ отъѣздомъ еще одно письмо въ Законодательное Собраніе. „Возвращаясь на тотъ постъ, на которомъ храбрые солдаты рѣшились умереть за конституцію и только за конституцію, писалъ онъ, я горько сожалею, что не могу сообщить арміи ничего хорошаго о судьбѣ моей петиціи. Общій вопль всѣхъ добрыхъ гражданъ доносится ежедневно до слуха всѣхъ представителей народа; вопль этотъ указываетъ на существованіе, рядомъ съ народными избранниками, рядомъ съ королемъ, шайки, пытающейся низвергнуть всѣ законныя власти, возбуждающей къ междоусобной войнѣ, дискредитирующей дѣло свободы и

отталкивающей отъ него многихъ защитниковъ. Шайка эта, оскорбляющая націю, безнаказанно совершающая преступленія, возбуждастъ справедливыя опасенія всѣхъ французовъ, поселяетъ всеобщую тревогу, заставляетъ опасаться гибели нашей свободы, нашихъ законовъ, нашей чести. Господа, именно таково теперь положеніе вещей, и на это не перестанутъ указывать вамъ всѣ свободные и великодушные люди. Я исповѣдую правило, что всякая незаконная власть есть по существу своему насиліе, и сопротивленіе такой власти обязательно для гражданъ. Поэтому, я никогда не измѣню ни моимъ принципамъ, ни моимъ чувствамъ, ни способу ихъ выраженія“.

Мысль объ упроченіи конституціи сильно занимала Лафайета въ это время, но, думая объ освобожденіи страны отъ якобинцевъ, онъ и тутъ оставался столь же безупречнымъ, столь же чуждымъ честолюбію, какъ всегда. Сохранился любопытный отвѣтъ Лафайета на письмо, оставшагося въ Парижѣ его адъютанта Лакомба. Въ письмѣ этомъ Лакомбъ извѣщалъ его о положеніи дѣлъ и предлагалъ какой то планъ дѣйствій. „Предлагаемые вами дѣйствія относительно короля,—писалъ ему въ отвѣтъ Лафайетъ, мнѣ очень нравятся, но заявляю вамъ, что защиту дѣла свободы я не ввѣрю единолично ни ему ни никому другому. Въ случаѣ нарушенія имъ суверенитета народа, я буду бороться съ нимъ, какъ боролся въ 1789 году. Если же онъ будетъ уважать народное представительство, если онъ, дѣйствительно, хочетъ упрочить въ странѣ конституцію, оставляя за собою лишь предоставленную ему закономъ власть, тогда мы можемъ говорить съ нимъ, да и то я сдѣлаю



это не иначе, какъ съ Деклараціей Правъ въ рукахъ“.

Жирондисты и якобинцы продолжали дѣйствовать за одно противъ Лафайета. „Этотъ человѣкъ сбросилъ маску, говорилъ о Лафайетѣ въ якобинскомъ клубѣ Бриссо; онъ мѣтитъ высоко, но эта дерзость его погубить, да, что я говорю, она его уже погубила“. „Соединимся и нападѣмъ на Лафайета общими силами“, говорилъ Робеспьеръ, и онъ вмѣстѣ съ Дантономъ составилъ петицію, къ которой они требовали примѣрнаго наказанія генерала, оставившаго ввѣренную ему армію. Толпа бросилась къ дому Лафайета и сожгла посаженное тамъ дерево свободы. Въ самое Законодательное Собраніе постоянно врывались толпы народа и требовали обвинительнаго рѣшенія по дѣлу Лафайета. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что жирондисты стали обвинять Лафайета, а съ нимъ и маршала Люкнера, въ намѣреніи идти на Парижъ во главѣ двухъ армій. На посланный по этому поводу запросъ Лафайетъ прислалъ такой отвѣтъ изъ лагеря при Лонгви: „меня спрашиваютъ, предлагалъ ли я г. маршалу Люкнеру идти во главѣ нашихъ армій на Парижъ? Отвѣчаю двумя словами:— это неправда“. Обвиненіе было отвергнуто большинствомъ 406 голосовъ противъ 224. Гнѣвъ якобинцевъ дошелъ до высшей степени. Защитниковъ Лафайета въ Собраніи освистывали, оскорбляли, всячески преслѣдовали. Въ это именно время, болѣе чѣмъ когда нибудь, обнаружился замѣчательный характеръ Лафайета. Сдѣлай онъ попытку къ установленію своей диктатуры и она, безъ сомнѣнія, увѣнчалась бы успѣхомъ. Но преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, рискуя постоянно жизнью, онъ не

предпринялъ рѣшительно ничего въ этомъ на-  
правленіи. И ужъ, конечно, не отъ недостатка  
смѣлости зависѣлъ его образъ дѣйствій. Нѣтъ,  
вѣрность принципамъ 1789 года не покидала его  
никогда, не покинула и въ эти тяжелыя для него  
минуты. Генрихъ Зибель, обвиняющій, неизвѣстно  
почему, Лафайета въ самомъ „необузданномъ че-  
столюбіи“ сходится въ этомъ отношеніи съ нена-  
видимыми имъ якобинцами, также видѣвшими въ  
Лафайетѣ претендента на роль Кромвеля. Однако,  
какъ мало было въ характерѣ Лафайета кромве-  
левскаго видно изъ словъ самого Зибеля, въ ко-  
торыхъ прусскій историкъ, въ противорѣчіе съ са-  
мимъ собою, обрисовываетъ личность „честолюбца“  
чертами, ничего общаго съ честолюбіемъ не имѣю-  
щими: „Лафайетъ,—говоритъ Зибель,—не пересту-  
пилъ предѣловъ формальной законности, хотя ему  
и предстояло столкновеніе на жизнь и смерть съ  
людьми, которые совершенно незаконно присвоили  
себѣ власть. Его озабочивалъ не выборъ полковъ,  
съ которыми можно было напасть на санкюлотовъ,  
а вопросъ *предѣ* какою гражданскою властью дол-  
женъ онъ *будетъ* послѣ победы изгнать покорность.  
Ибо, вѣдь, его намѣреніемъ было защищать кон-  
ституцію, а конституція предписывала вооружен-  
ной силѣ полную подчиненность законодательной  
власти“. \*)

Неужели же это называется честолюбіемъ? Нѣтъ,  
строки Зибеля говорятъ сами за себя, и было бы  
любопытно знать, какъ объяснилъ бы самъ почтен-  
ный историкъ свой удивительный на этотъ пред-  
метъ взглядъ. Не такъ поступаютъ честолюбцы и

---

\*) Зибель. Исторія французской революціи, ч. 2, стр. 32.

не по лафайетовски разсуждалъ появившійся вскорѣ на исторической сценѣ Наполеонъ Бонапартъ. Мы не можемъ, поэтому, не вѣрить слѣдующимъ словамъ самого Лафайета: „всю свою жизнь писалъ онъ послѣ десятаго августа, я стоялъ за гражданскую свободу и потому не могъ воспользоваться находящимися въ моемъ распоряженіи средствами, чтобы путемъ междоусобной войны достигнуть военной диктатуры“. \*\*)

Послѣ десятаго августа якобинцы добились своего: Лафайетъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначили генерала Дюмуре, „талантливаго авантюриста, въ очень еще молодыхъ годахъ искавшаго дѣятельности и отличія на поляхъ битвъ, потомъ игравшаго роль въ тайной дипломатіи Людовика XV, и затѣмъ явившагося во фригійскомъ колнакѣ въ якобинскій клубъ и цѣловавшагося тамъ съ Робеспьеромъ“. \*\*\*) Тогда Лафайетъ рѣшился скрыться за границу. Онъ посвятилъ послѣдніе часы своего пребыванія во Франціи на совѣты офицерамъ относительно австрійцевъ и четырнадцатаго сентября оставилъ отечество. Законодательное Собраніе объявило его измѣнникомъ, но онъ годами долгаго заключенія въ австрійскихъ казематахъ доказалъ, какъ мало было приложимо къ нему это названіе. Настоящія испытанія для Лафайета только начинались.

---

\*\*) Десятаго августа Тюльри было взято народомъ и въ этотъ день королевская власть фактически перестала существовать. Тогда же было постановлено созвать третье по счету Собраніе съ чрезвычайными полномочіями. Это и былъ знаменитый Національный Конвентъ.

\*\*\*) Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, стр. 568.

## XVIII.

Лафайетъ съ своими друзьями перешелъ границу, — но куда направиться? Англія представлялась имъ единственнымъ надежнымъ убѣжищемъ и бѣглецы остановились на ней. Не успѣли они, однако, пройти и десяти верстъ, какъ натолкнулись на австрійскіе аванпосты. Бюро де Пуэзи, который вмѣстѣ съ Латуръ-Мобуромъ раздѣлилъ вскорѣ продолжительное заключеніе Лафайета, вступилъ въ переговоры съ начальникомъ аванпостовъ д'Арнокуромъ и просилъ пропуска въ Голландію. Д'Арнокуръ увѣдомилъ о задержаніи Лафайета и его друзей генерала Муателя, стоявшаго съ отрядомъ въ Намюрѣ, причемъ не имѣлъ, повидимому, ничего противъ выдачи задержаннымъ пропуска на свободное путешествіе въ Голландію. Но лишь только генераль Муатель получилъ это извѣстіе, какъ радостно воскликнулъ: „Лафайетъ! Лафайетъ! Надо увѣдомить немедленно о случившемся герцога Бурбона!“ Въ пропускѣ, конечно, было отказано и вмѣстѣ съ тѣмъ отдано приказаніе доставить Лафайета и другихъ задержанныхъ офицеровъ подъ надлежащимъ конвоемъ въ Намюръ. Когда объ этомъ объявили Лафайету и его друзьямъ, то они, прежде чѣмъ отправиться въ Намюръ, написали протестъ противъ своего ареста. Въ этомъ протестѣ они заявляли вмѣстѣ съ тѣмъ о своей полной несолидарности съ эмигрантами, бѣжавшими изъ Франціи, по причинѣ недовольства ими учрежденіемъ конституціи и осмѣливающимися присоединяться къ иностранцамъ, объявившимъ войну ихъ отечеству. Арестованные говорили въ протестѣ



кромѣ того, что они не могутъ быть разсматриваемы, какъ военно-плѣнные, ибо они по собственной волѣ покинули Францію и занимаемые ими во французской арміи посты, и что, тѣмъ еще менѣе, похожи они на тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые находятся въ рядахъ иностранныхъ армій, такъ какъ ихъ убѣжденія діаметрально противоположны убѣжденіямъ послѣднихъ и что, такимъ образомъ, они представляютъ собою лишь иностранцевъ, требующихъ свободного пропуска во имя международного права. На протестъ этотъ, подписанный Лафайетомъ, Бюро де Пюзи и Латуръ-Мобуромъ, австрійцы не обратили никакого вниманія, и арестованные были отправлены въ Намюръ. Нижеслѣдующее письмо Лафайета къ женѣ очень характерно для сужденія о человѣкѣ, объявленнаго въ это время въ своемъ отечествѣ измѣнникомъ:

„Каковы бы ни были превратности судьбы, дорогая моя, писалъ Лафайетъ, но вы знаете, что я не изъ тѣхъ, которые легко уступаютъ, и, зная это, вы, конечно, поймете тѣ душевныя терзанія, которыя я испытывалъ, покидая отечество, то отечество, которому я посвятилъ все мои силы, которое было бы свободно и достойно свободы, если бы частныя интересы отдѣльныхъ лицъ не смутили общественнаго мнѣнія, не дезорганизовали средствъ сопротивленія извнѣ и законнаго порядка внутри страны. И, вотъ, я, опальный въ моемъ отечествѣ, принужденъ вступить на чужую территорію, бѣжать изъ Франціи, которую мнѣ было бы такъ сладко защищать отъ враговъ!

„Мы встрѣтились съ австрійскимъ отрядомъ, который насъ арестовалъ и имѣетъ намѣреніе пре-

проводить въ Намюръ. Но я не хочу вѣрить, что-бы насъ продержали долго, ибо мы не болѣе какъ иностранцы, заявившіе о своей полной несолидарности съ эмигрантами и своемъ намѣреніи уйти въ какую либо нейтральную страну, Голландію или Англію. Вы знаете, что приверженность къ моимъ воззрѣніямъ составляетъ преступленіе, за которое заплатились головами марсельскіе патріоты и многія лица, умерщвленные въ Парижѣ по приказанію господъ Петіона, Дантона и Сантерра \*). Якобинцы дали клятву погубить меня. Но, если бы я дѣйствовалъ изъ честолюбія, а не такъ, какъ повелѣваетъ мнѣ совѣсть, то мое положеніе было бы очень отлично отъ того, въ которомъ я нахожусь теперь. Но не будетъ никогда ничего общаго между мною и преступленіемъ, и я до послѣдней капли крови буду вѣренъ конституціи, которой присягалъ.

„Вы знаете, что по чувствамъ я самъ республиканецъ и, конечно, заявилъ бы себя имъ, если бы разсудокъ не заставлялъ меня придать своимъ воззрѣніямъ нѣсколько роялистическій оттѣнокъ и, если бы присяга въ вѣрности волѣ націи не обязывала меня быть защитникомъ конституціонныхъ правъ короля. И чѣмъ меньше осмѣливались сопротивляться мятежникамъ, тѣмъ громче слышенъ былъ мой голосъ и я, естественно, сдѣлался мишенью для всѣхъ нападеній.

---

\*) Якобинецъ Сантерръ, по профессіи пивоваръ, командовалъ національной гвардіей въ Парижѣ въ 1792 году. Онъ былъ начальникомъ военного эскорта, сопровождавшаго на эшафотъ колесницу Людовика 21 января 1793 года и затѣмъ предводительствовалъ „адскими колонами“, посланными для усмиренія вандейскаго мятежа. Умеръ въ 1809 году.

„Простой математическій расчетъ о бесполезности дальнѣйшей борьбы противъ преступленій и нежеланіе стать лишнимъ объектомъ для нихъ заставили меня уйти изъ отечества, въ которомъ иначе я долженъ былъ бы бесполезно сложить голову.

„Я не знаю, какъ скоро я буду свободенъ, но затѣмъ я отправлюсь въ Англію и очень желаю, чтобы туда же прибыло и все мое семейство. Мнѣ извѣстно, что семейства эмигрантовъ подлежатъ задержанію во Францію, но, вѣдь, это эмигрантовъ, вооружающихся противъ отечества; что же касается меня, то... великій Боже!.. какое чудовище осмѣлится подумать, что я могу быть въ ихъ рядахъ!!...

„Я виноватъ предъ вами и нашими дѣтьми въ томъ, что васъ раззорилъ, но увѣренъ, что между вами нѣтъ никого, кто пожелалъ бы сохранить наше имущество цѣною поведенія противоположнаго моему. Пріѣзжайте въ Англію, а оттуда мы поѣдемъ въ Америку, гдѣ мы найдемъ свободу, которой нѣтъ болѣе во Франціи и гдѣ мои заботы о васъ постараются заставить васъ забыть всѣ испытанія и потери. Прощайте же, дорогая моя“.

Плѣнники были отправлены сначала въ Намюръ, а оттуда въ Нивель. Здѣсь австрійскіе военачальники приказали конфисковать всѣ сокровища, которыя, по ихъ предположенію, Лафайетъ захватилъ съ собою изъ Франціи. Выслушавъ такое оскорбительное приказаніе, Лафайетъ холодно отвѣтилъ посланнымъ съ этою цѣлью къ нему офицерамъ, что, „безъ сомнѣнія, ихъ королевскія высочества судятъ по себѣ“. На самомъ дѣлѣ, при арестованныхъ нашли лишь сумму, едва хватившую имъ на двухмѣсячное содержаніе. Затѣмъ плѣнниковъ раз-

дѣлили на три группы: къ первой были отнесены тѣ, которые не служили въ національной гвардіи. Ихъ освободили, но приказали немедленно уѣзжать. Ко второй офицеры штаба Лафайета. Ихъ заключили въ тюрьму, изъ которой они были, впрочемъ, черезъ два мѣсяца освобождены. Къ третьей причислили Лафайета, Бюро де Пюзи, Латуръ—Мобура и Ламета. Ихъ приказали отвести въ Люксембургъ. Прошаясь съ своимъ бывшимъ адъютантомъ Ромефомъ, Лафайетъ успѣлъ передать ему письмо, которое просилъ опубликовать въ случаѣ его смерти. Письмо это гласило:

„Я очень хорошо зналъ, что, очутись я въ рукахъ самодержавныхъ правительствъ, онѣ отмстятъ мнѣ за все зло, которое я имъ причинилъ. Но защищая до послѣдней возможности противъ мятежниковъ свободу и конституцію моего отечества, я отдался, наконецъ, своей судьбѣ въ увѣренности, что лучше погибнуть отъ руки тирановъ, чѣмъ отъ руки моихъ заблуждающихся согражданъ. Слѣдовало особенно избѣгать вліянія дурного примѣра общественной неблагодарности, который повредилъ бы народному дѣлу въ глазахъ лицъ, незнающихъ, что наслажденія, испытываемыя искренними служителями этого дѣла, выше всякихъ испытаній, посылаемыхъ судьбою“.

Черезъ недѣлю четверо плѣнниковъ были переведены въ Везень, и здѣсь состоялось засѣданіе при участіи уполномоченнаго отъ принцевъ—эмигрантовъ барона Бретеля для рѣшенія ихъ участи. Совѣтъ постановилъ, что свобода Лафайета не совмѣстна съ спокойствіемъ европейскихъ государствъ. Въ Везенѣ плѣнниковъ продержали три мѣсяца въ безусловно одиночномъ заключеніи каж-



даго. Лафайетъ сильно заболѣлъ. Узнавши объ этомъ отъ тюремщика, Латуръ Мобуръ упрашивалъ властей позволить ему присутствовать, какъ онъ полагалъ, при послѣднихъ минутахъ Лафайета, но и въ этомъ ему было отказано. Черезъ нѣсколько времени комендантъ крѣпости и одинъ изъ королевскихъ чиновниковъ явились къ Лафайету и предлагали ему, именемъ короля Пруссіи, значительное обличеніе его положенія, подъ условіемъ дать показанія о силахъ и положеніи Франціи. „Пруссійскій король большой нахаль“, отвѣтилъ на это Лафайетъ, пожавши плечами. Черезъ три мѣсяца Лафайета, Бюро де Пюзи и Латуръ Небура перевезли въ Магдебургъ, гдѣ они и пребыла до января 1794 года. Ламетъ былъ выпущенъ на свободу.

Во время бѣгства Лафайета изъ Франціи его жена находилась въ Шаваньякѣ. Десятаго сентября въ ея замкъ былъ произведенъ тщательный обыскъ. Производившій этотъ обыскъ комиссаръ Оланье, бывшій мировымъ судьей въ Пюи, представилъ затѣмъ Адріенѣ предписанія Комитета Всеобщей Безопасности и министра внутреннихъ дѣлъ Ролана, которыми онъ обязывался доставить ее и ея дѣтей въ Парижъ. Семидесятитрехлѣтняя madame де Шаваньякъ послѣдовала за Адріеной. Въ Пюи карета, въ которой отправлялось въ Парижъ семейство Лафайета, была забросана камнями. По прибытіи въ Парижъ Адріена протестовала противъ своего ареста и просила позволенія отправить ее въ Шаваньякъ на честное слово, что она никуда оттуда не выѣдетъ. Просьба Адріены была направлена къ Ролану; вмѣстѣ съ тѣмъ арестованная написала и такое письмо Бриссо:

„Monsieur! Я считаю васъ фанатикомъ свободы.

Такое лестное мнѣніе я сохранила объ очень немногихъ людяхъ. Не останавливаясь на вопросѣ, ослѣпляетъ ли людей политическій фанатизмъ также какъ фанатизмъ религіозный, я не хочу, однако, допустить и мысли, чтобы ревностный другъ освобожденія негровъ могъ быть въ сообществѣ съ тиранами. Если бы даже цѣли вашей партіи и ослѣпляли васъ, то средства, къ которымъ она прибѣгаетъ, должны отвратить васъ отъ нея. Я убѣждена, что вы уважаете Лафайета, я готова даже сказать больше, ибо нельзя не уважать мужественнаго и вѣрнаго друга свободы. Вѣдь, вы его преслѣдуете за различіе его мнѣній съ вашими по одному и тому же вопросу, какими средствами утвердить свободу во Франціи и за то, что онъ не боялся поддерживать свое мнѣніе съ мужествомъ и непоколебимою вѣрностью конституціи. Вы знали, что онъ не измѣнитъ присягѣ, которую далъ въ вѣрности конституціи и что, слѣдовательно, онъ не можетъ не быть противникомъ вашей партіи и вашей новой революціи. Я знаю все это и потому обращаюсь только къ вамъ, гнушаясь обращаться къ другимъ. Если я ошибаюсь и въ васъ, увѣдомьте меня объ этомъ и я вамъ больше не буду надобъ-дать“.

Разсказавши затѣмъ о своемъ арестѣ, Адриена продолжаетъ:

„Я не знаю, каковъ будетъ отвѣтъ г. Ролана. Легко видѣть, что, если этотъ отвѣтъ будетъ сказанъ ему голосомъ справедливости, то мнѣ будетъ возвращена полная свобода и мнѣ позволятъ ѣхать къ мужу, который зоветъ меня въ Англію, куда пріѣдетъ и онъ, какъ только освободятъ его изъ заключенія и откуда мы вмѣстѣ уѣдемъ въ

Америку. Если же я непременно нужна въ качествѣ заложницы, то неужели г. Роланъ не позволитъ даже избрать мнѣ своею тюрьмою замокъ Шаваньякъ на даваемое мною честное слово и подъ наблюдениемъ мѣстныхъ муниципальных властей. Если вы пожелаете мнѣ въ этомъ помочь, вы сдѣлаете доброе дѣло, облегчивши судьбу лица, несправедливо преслѣдуемаго и которое,—вы очень хорошо это знаете,—имѣемъ столько же возможности, сколько и желанія вредить свободѣ“.

Ноай—Лафайетъ.

Просьба Адриены была уважена и ей позволили жить въ Шаваньякъ безъ права выѣзда. Начальство округа хотѣло назначить по шесть человѣкъ стражи для ежедневнаго дежурства около замка, но Адриена заявила протестъ противъ этого въ такихъ выраженіяхъ: „объявляю, что беру свое честное слово о невыѣздѣ изъ замка назадъ, если меня будутъ такъ явно караулить: либо мое честное слово, либо охрана штыковъ“. Стража была отменена, но муниципалитетъ города Ора (Aurat) долженъ былъ посылать каждыя двѣ недѣли въ Парижъ извѣщенія о пребываніи Адриены въ Шаваньякъ. Вскорѣ madame Лафайетъ послано еще одно письмо Бриссо:

„Послѣ того, что вы для меня сдѣлали, писала она ему, послѣ того, какъ вы сами заявили себя въ послѣднее время смѣлымъ противникомъ мятежниковъ, я не допускаю, чтобы вы не могли или не хотѣли добиться отъ Комитета полной отмены постановленія о моемъ арестѣ. Постановленіе это состоялось въ то время, когда еще опасались, чтобы примѣръ Лафайета не увлекъ другихъ гражданъ

остаться вѣрными конституціи. Не хочу вѣрить, чтобы вы не могли убѣдить г. Ролана исклопотать возвращеніе мнѣ полной свободы. Невозможно, чтобы пребываніе моего мужа въ заключеніи у враговъ за дѣло свободы давало мнѣ меньше правъ на полученіе документа для путешествія, чѣмъ женамъ художниковъ, разъ извѣстно, что ихъ мужья путешествуютъ, въ цѣляхъ усовершенствованія въ своемъ искусствѣ. Предоставьте же нашимъ врагамъ насыщать ихъ ненависть къ искреннему другу свободы и не присоединяйтесь къ нимъ, преслѣдуя людей, близкихъ сердцу Лафайета“.

Адріена всячески хлопотала, чтобы облегчить положеніе своего мужа или, покрайней мѣрѣ, имѣть о немъ свѣдѣнія. Она писала объ этомъ, между прочимъ, и герцогу Брауншвейгскому, но не получила никакого отвѣта. Затѣмъ, по совѣту посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ Морриса, она обратилась съ письмомъ къ прусскому королю. „Государь,—писала она ему,—не имѣя болѣе пяти мѣсяцевъ никакихъ извѣстій о Лафайетѣ, я не могу выступать защитницей его дѣла. Но мнѣ кажется, что его враги и я говоримъ одновременно и краснорѣчиво въ его пользу: они своими преступленіями, я—своею скорбью. Они доказываютъ лишь его добродѣтель и то, на сколько онъ былъ страшенъ для злыхъ, я—на сколько онъ достоинъ любви“. Прочтя, однажды, въ газетахъ статью извѣстнаго поэта Клопштока, въ которой онъ произносилъ съ уваженіемъ имя Лафайета, Адріена писала и ему. Наконецъ, она обратилась къ сестрѣ прусскаго короля, принцесѣ Оранской, отъ которой и получила успокоительный отвѣтъ. Въ маѣ 1793 года измѣна назначеннаго на мѣсто



Лафайета генерала Демурье вызвала новыя репрессіи. Въ замкѣ Шаваньякѣ снова былъ произведенъ обыскъ, но ничего компрометирующаго Адриену найдено не было. Явившійся въ Ора народный представитель Лакостъ выражалъ мнѣніе, что слѣдовало бы, тѣмъ не менѣе, заключить гражданку Лафайетъ въ тюрьму. Услышавши это, Адриена поспѣшила увидѣться съ Лакостомъ.

— „Я узнала, сказала она ему, что по случаю измѣны Дюмурье на очередь поставленъ вопросъ о заключеніи въ тюрьму всѣхъ бывшихъ знатныхъ дворянъ. Должна вамъ объявить, что, если при всякихъ обстоятельствахъ, я готова была съ во-сторгомъ служить порукою для Лафайета, то именно, поэтому, не желаю быть ни въ какомъ случаѣ тѣмъ же для его враговъ. Къ тому же, моя жизнь или смерть совершенно безразличны для г. Демурье и вамъ было бы лучше оставить меня въ моемъ убѣжищѣ.

— Гражданка,—отвѣтилъ Лакостъ,—эти чувства достойны васъ.

— Мнѣ безразлично, сударь, возразила Адриена, достойны ли онѣ меня или нѣтъ; мнѣ важно, чтобы онѣ были достойны Лафайета“.

Лакостъ приказалъ оставить „гражданку Лафайетъ“ въ прежнемъ положеніи.

Большое утѣшеніе доставило ей въ это время полученное при посредствѣ посольства Соединенныхъ Штатовъ письмо отъ мужа изъ Магдебурга. „И такъ, всѣ тѣ, кого я люблю находятся въ Шаваньякѣ, дорогая моя, писалъ Лафайетъ, и притомъ въ положеніи, на которое я едва осмѣливался надѣяться. Съ другой стороны, я былъ вполне увѣренъ, что желаніе доставить мнѣ свободу не заставитъ васъ сдѣлать ни одного шага, не вырветъ ни

одного выраженія, которое не было бы достойно васъ. Вы связаны съ человѣкомъ, судьба котораго полна тревоженій и испытаній, но я знаю, что вы найдете нѣкоторую отраду въ мысли, что ваша любовь и ваше уваженіе занимаютъ первое мѣсто во всѣхъ воспоминаніяхъ моей жизни, что онѣ составляютъ утѣшеніе въ моемъ одиночномъ заключеніи и надежду на большее чѣмъ когда либо счастье, если мнѣ суждено увидѣть мое семейство. Здоровье мое находится въ удовлетворительномъ состояніи. Даже грудь не болитъ, не смотря на неблагоприятный режимъ. Ежедневно меня выводятъ на одинъ часъ изъ моей кѣтки на прогулку. У меня есть книги... Прощайте, дорогая моя, не хочу вѣрить, чтобы моя звѣзда погасла навсегда. Обнимаю отъ всей души васъ, Анастасью, Жоржа, Виргинію и добраго г. Фрестель“ \*).

Денежныя дѣла Лафайета были въ это время также въ очень стѣсненномъ положеніи и прежняя милліонерша нуждалась въ самомъ необходимомъ. Жены многихъ эмигрантовъ, съ цѣлью сохранить свои имѣнія для себя и дѣтей, хлопотали о разводѣ съ мужьями и переставали называться ихъ именами, но Адриена ни разу не измѣнила себѣ и въ этомъ отношеніи, и на всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ подписывалась не иначе, какъ „жена Лафайета“. Это крайне не нравилось яacobинцамъ и вскорѣ появился приказъ продать имѣнія ея мужа. Адриена протестовала противъ этого, заявляя о „несправедливости примѣненія закона объ эмигрантахъ къ тому, кто находится въ данное время въ плѣну у непріятелей Франціи“. Наконецъ, Комитетомъ Об-

---

\*) Старый наставникъ Лафайета, жившій въ ихъ семействѣ.

ищественнаго Спасенія отдалъ приказъ объ арестѣ Адріены. Въ то же время были арестованы ея мать,—герцогиня д'Эйенъ, сестра — виконтеса де Ноай и бабушка,—вдова стараго маршала Франціи, но содержались онѣ до самого эшафота въ отдѣльной тюрьмѣ, и Адріенѣ не пришлось ихъ больше увидеть. Въ маѣ Адріена была отправлена въ Парижъ и заключена въ тюрьму La Force. Ей пришлось бы совершить этотъ путь этапнымъ порядкомъ, если бы Фрестель не досталъ немного денегъ отъ прислуги, отдавшей своей бывшей госпожѣ золотыя вещи, дабы продажею ихъ выручить необходимую сумму. Старшей дочери Адріены Анастасѣ не позволили сопровождать мать, но Фрестель поѣхалъ вмѣстѣ съ нею въ Парижъ. Когда Адріену заключили въ тюрьму, то ея бывшая горничная Боше сумѣла проникнуть къ ней и приносить матери извѣстія о ея дѣтяхъ. Этихъ дѣтей, равно какъ и старую тетку Лафайета, содержали и кормили въ это время окрестные съ замкомъ Шаваньякъ крестьяне. Черезъ двѣ недѣли Адріена была переведена въ Plessis, нѣкогда аристократическій колледжъ, въ которомъ воспитывался ея мужъ, теперь превращенный во временное помѣщеніе для тюрьмы. Настала страшная эпоха Террора. Изъ Plessis ежедневно посылалось на эшафотъ не менѣе пятнадцати человѣкъ. Мысль о томъ, что и она скоро послѣдуетъ туда же, не оставляла Адріену ни на минуту, но ея религіозность, пуританская строгость къ себѣ и геройскій характеръ поддерживали ея душевныя силы и въ эти мрачныя дни ея жизни. Она написала тогда же свое прощальное съ міромъ письмо: „Прощаю отъ всей души моимъ врагамъ, если они у меня есть,—писала она въ немъ,—прощаю пре-

слѣдующихъ меня, прощаю даже преслѣдующихъ тѣхъ, кого я люблю и молю Бога простить ихъ также полно, какъ я ихъ прощаю. Будь же милосердъ ко мнѣ, Господи! Я всегда была вѣрна моему отечеству, не принимала никакого участія въ пропскахъ и козняхъ противъ него, и мои самые искренніе помыслы были направлены къ его счастью. Правила вѣрности отечеству во мнѣ непоколебимы, и никакое преслѣдованіе, откуда бы оно не исходило, не въ силахъ заставить меня отъ нихъ отречься. Самый близкій моему сердцу человѣкъ далъ мнѣ примѣръ такой вѣрности. Предаю моихъ дѣтей и мой духъ въ руки твои, Господи! Будь же милосердъ ко мнѣ“!

Терроръ разгорался все больше и больше. Чѣмъ отчаяннѣе становилось положеніе Франціи, благодаря натиску внѣшнихъ непріятелей и внутреннимъ смутамъ, тѣмъ безпощаднѣе становился принявшій почти диктаторскую власть Комитетъ Общественнаго Спасенія. „Людовикъ долженъ умереть, потому что отечество должно жить“, сказалъ Робеспьеръ во время процесса короля, и двадцать первое января 1793 года т. е. день, когда королевская голова упала подъ топоромъ, послужилъ лишь прелюдіей грозныхъ событій наступающей эпохи. Новое общество рождалось на свѣтъ божій среди страшныхъ страданій и самыхъ судоржныхъ потрясеній. Настало, наконецъ, время, въ которое, по выраженію Луи Блана, „смерть потеряла свой ужасъ, Франція превратилась въ военный лагерь, граждане въ солдатъ, а для внутреннихъ враговъ стали на стражѣ судьи съ каменными сердцами и непрестанно поднятый ножъ палача“ \*).

---

\*) Луи Бланъ. Исторія Великой Французской Революціи. т. 1. Предисловіе.



Эксъ королева Марія Антуанета, сестра Людовика принцесса Елизавета, глава жирондистовъ Бриссо и „бриссотинцы“ Верньё, Жансоне и другіе, „королева Жиронды“ Марія Жанна Ролантъ\*\*), первый парижскій меръ Байи, герцогъ Филиппъ Орлеанскій или, какъ его называли, „гражданинъ Филиппъ Эгалитэ (Равенство)“, графиня Дюбарри, министръ Людовикъ и защитникъ его предъ Конвентомъ Мальзербъ, поэтъ Андрэ Шенье, знаменитый химикъ Лавуазье, генералы Кюстинъ и Богарне, маршалъ Люкнеръ, пиллюминатъ Клодъ Фоше, „всемирный гражданинъ и ораторъ рода человѣческаго“ Анахорсисъ Клотсъ, издатель циническаго, но жадно читавшагося революціоннаго листка „*Père Duchesne*“ Эберъ, бывшій епископъ парижскій Гобель\*\*\*), жаркій сторонникъ „культа Разума“ Шометъ, герой Бастиліи Камилль Демуленъ, „министръ Революціи“ Жоржъ Дантонъ и сотни другихъ вчерашнихъ знаменитостей сегодня появлялись на ступенькахъ эшафота\*\*\*\*). „Быва-

---

\*\*) „О, свобода, сколько преступленій совершается во имя твое“, воскликнула Ролантъ, ложась подъ топоръ.

\*\*\*) Въ это время во Франціи, какъ извѣстно, была сдѣлана попытка отмѣнить христіанскую религію и замѣнить ее „культомъ Разума“. Парижскій епископъ Гобель принесть однимъ изъ первыхъ отреченіе отъ „средневѣковыхъ суевѣрій“. Въ одной изъ стариннѣйшихъ церквей Парижа Notre Dame de Paris (заложена въ 1163 году) изображеніе Пресвятой Дѣвы было замѣнено статуей Свободы, иконы святыхъ бюстами Вольтера и Руссо, а религіозныя пѣснопѣнія патриотическими гимнами. Богиню Разума изображала танцовщица Майяръ въ бѣломъ платьѣ, синемъ плащѣ и красномъ якобинскомъ колпакѣ. Тогда же былъ созданъ особый республиканскій календаръ и мѣсяцы получили новыя названія: оленіе: вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ; зимніе—ливозъ, плувіозъ, вантозъ; весенніе—жерминаль, флореаль, преріаль и лѣтніе—мессидоръ, термидоръ и фрютидоръ. Недѣля была замѣнена декадой (въ 10 дней),—воскресенье—десятымъ днемъ (декады).

\*\*\*\*) Казни происходили на площади, которая называлась Place de la Revolution. На ней было казнено 2800 человѣкъ. Площадь

ютъ случаи, когда на статую Свободы необходимо набросить покрывало“, сказалъ, однажды, Геро де Сешель, не избѣжавшій и самъ въ скоромъ времени гильотины. Въ это именно время были казнены сестра Адриены Луиза, ихъ мать и бабушка, но объ этомъ страшномъ для нея ударѣ Адриена узнала только по выходѣ изъ тюрьмы. „Я потащу за собою Робеспьера“ воскликнулъ на эшафотѣ Дантонъ, и слова его оказались пророческими: десятаго термидора (28 іюня) упали головы Максимильяна и Жозефа Робеспьеровъ, Сенъ-Жюста и Кутона; на другой день послѣдовали въ могилу семьдесятъ членовъ Парижской Коммуны, а на третій еще тринадцать. Это событіе сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ въ исторіи французской Революціи. Новый Комитетъ Общественной Безопасности, составленный изъ „термидорьенцевъ“, освободилъ изъ тюремъ многихъ лицъ, ожидавшихъ со дня на день смерти. Въ числѣ послѣднихъ находилась и герцогиня Дюра, двоюродная сестра Адриены. Но, когда провѣрившіе списки заключенныхъ, уполномоченные отъ Комитета Бурдонъ де Лоазъ и Лежандръ, дошли до Адриены, то заявили, что измѣна Лафайета слишкомъ очевидна для того, чтобы они могли взять на свою отвѣтственность освобожденіе его жены и что, поэтому, вопросъ этотъ долженъ рѣшить самъ Комитетъ. Смѣнившій Морриса, новый посланникъ Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Монроэ исхлопоталъ себѣ свиданіе съ Адриеной,

---

эта переименована теперь въ Place de la Concorde. На томъ мѣстѣ, гдѣ во время Революціи стояла гильотина, нынѣ возвышается обелискъ въ 23 метра вышины, нѣкогда украшавшій предмѣстье Стовратныхъ Оивъ (при Сезострисѣ въ XIV в. до Р. Х.). Обелискъ этотъ, состоящій изъ цѣльнаго розоваго сіенскаго гранита, подаренъ Магометомъ Али „королю-гражданину“ Луи Филиппу.

но всѣ его старанія освободить ее изъ тюрьмы долгое время оставались напрасными. Наконецъ второго плувіоза (22 января 1795 г.) постановленіе объ освобожденіи Адріены было подписано. По выходѣ изъ тюрьмы, Адріена отправилась прежде всего поблагодарить Монроэ за его хлопоты и попросить его содѣйствія къ полученію ею заграничнаго паспорта. Двѣ задачи занимали ее въ это время: во первыхъ отправиться къ мужу и во вторыхъ отослать своего сына, Жоржа, въ Америку къ Вашингтону. Адріена была убѣждена, что Лафайетъ исполнѣ одобритъ принятое ею рѣшеніе относительно сына. При помощи Монроэ, паспортъ для Жоржа, подъ именемъ Мотье, и для пожелавшаго сопровождать его въ Америку Фрестеля, подъ именемъ Русселя, были выданы, и молодой Лафайетъ-сынъ тронулся въ путь. Прощаясь съ отъѣзжающими, Адріена вручила Фрестелю такое письмо Вашингтону:

„Monsieur! Посылаю вамъ моего сына... Податель же этого письма нашъ другъ и утѣшитель во все время нашихъ несчастій. Его великодушнымъ заботамъ обязаны наши дѣти сохраненіемъ жизни ихъ матери... Я очень желаю, чтобы мой сынъ велъ въ Америкѣ самую простую жизнь и чтобы онъ на-версталъ время, которое потерялъ во время трехлѣтняго перерыва, и пополнилъ свое образованіе. Желала бы я также, чтобы онъ былъ удаленъ отъ всего того, что можетъ замутить его душу и чтобы только упорнымъ трудомъ онъ сдѣлался способнымъ исполнять обязанности гражданина Соединенныхъ Штатовъ. Такія обязанности будутъ всегда тождественны и съ обязанностями истиннаго гражданина Франціи... Приношу вамъ свидѣтельство моего искренняго уваженія, почтенія и преданности“.

Послѣ долгихъ трудовъ удалось, наконецъ, Адриенѣ получить паспортъ и для себя и своихъ дочерей. Не медля ни минуты, онѣ отправились на американскомъ кораблѣ въ Дюнкирхенъ, а оттуда въ Альтону, гдѣ жила сестра Адриены де Монтегю и ея тетка де Тессе. „Несчастья, перенесенныя сестрою,—писала въ своихъ мемуарахъ де Монтегю, повліяли на нее очень сильно, но въ чертахъ ея скорбнаго лица было разлито столько спокойствія и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимости, что всякій прониклся къ ней невольнымъ уваженіемъ“. Недолго оставалось уже Адриенѣ и до ея главной цѣли, — свиданія съ Лафайетомъ.

## XIX.

Магдебургская тюрьма, въ которую былъ переведенъ Лафайетъ, напоминала собою застѣнки въ рыцарскихъ замкахъ Среднихъ Вѣковъ. Камера узника представляла собою каменную клѣтку въ пять съ половиною шаговъ длины и три шага ширины. Сырыя стѣны были сплошь покрыты плѣсенью. Свѣтъ проходилъ черезъ единственное маленькое съ желѣзными рѣшетками окошечко, отчего въ камерѣ было постоянно сыро и темно. Лафайетъ страдалъ лихорадками, разстройствомъ нервовъ и бессонницей. Цѣлые дни проводилъ онъ въ своемъ одиночномъ заключеніи. Имѣть книги позволялось въ самомъ ограниченномъ количествѣ, а письменныя принадлежности были вовсе запрещены. Лафайету тѣмъ не менѣе, удалось вести съ своими друзьями при помощи подкупленныхъ тюремщиковъ, тайную переписку, для чего онъ употреблялъ тонкія палочки вмѣсто перьевъ и разведенную въ ук-



сусѣ сажу вмѣсто чернилъ. Вѣсти, которыя дошли до Лафайета въ тюрьму, были одна мрачнѣе другой, но въ особенности сильное впечатлѣніе произвела на него казнь Людовика. Ему удалось отправить изъ тюрьмы въ Гамбургъ, редактору журнала „Минерва“ Архенгольцу \*) письмо, въ которомъ онъ излагалъ свои политическія воззрѣнія. Напомнивъ о враждѣ къ нему якобинцевъ и о своей борьбѣ съ „узурпаторами власти“, Лафайетъ писалъ: „что касается моихъ отношеній къ королю, то я всегда пользовался его уваженіемъ и довѣріемъ и, ненавидимый придворными, старался внушить ему образъ дѣйствій, согласный съ требованіями Революціи; въ этомъ я видѣлъ гарантію для его жизни и безопасности. Когда, послѣ бѣгства короля, Конституанта рѣшила снова предложить Людовику королевскую власть, я присоединилъ свой голосъ къ почти единодушному рѣшенію въ этомъ смыслѣ Собранія и всѣми силами протестовалъ противъ всякаго насилія надъ королемъ. Я предлагалъ, наконецъ, хотя и совершенно безплодно, чтобы, съ согласія Собранія и національной гвардіи, король отправился въ Компьень и тамъ, будучи въ полной безопасности, заявилъ бы твердо о своемъ желаніи слѣдовать конституціи и упрочить миръ. Когда я видѣлъ въ послѣдній разъ короля, онъ говорилъ мнѣ въ присутствіи королевы и всего королевскаго семейства, что все ихъ спасеніе заключается въ конституціи и ей одной онъ будетъ слѣдовать. Онъ жаловался на два неконституціонные декрета и на поведеніе якобинцевъ въ

---

\*) Архенгольцъ—авторъ „Исторіи Семилѣтней Войны въ Германіи съ 1756 по 1763 г.“ Книга эта переведена и на русскій языкъ въ 1841 году.

арміи и желалъ, чтобы непріятель былъ разбитъ. Ни о какой корреспонденціи его съ непріятелемъ я не знаю и все, что я узналъ изъ его ужаснаго процесса, доказываетъ лишь, что никогда еще естественное право, народное мнѣніе и общественное благо не подвергались такому насилію, какъ въ этомъ дѣлѣ \*\*). Но какъ бы то ни было, а у меня есть великое утѣшеніе въ сознаніи исполненаго долга, а наслажденіе отъ сознанія искренняго служенія дѣлу человѣческаго рода выше всѣхъ страданій отъ несправедливостей враговъ и даже неблагодарности народа“. Лафайетъ велъ также тайную переписку съ княгиней д'Эненъ (д'Нénin), своей старой знакомой, укрывшейся во время Террора въ Англію. Получивши извѣстіе о казни въ Парижѣ Ларошофуко, Лафайетъ писалъ княгинѣ д'Эненъ: „тѣнь моего друга Ларошофуко находится безпрестанно со мною... Ахъ, вотъ преступленіе, которое жестоко поразило мое сердце“!, и въ первый разъ въ его письмахъ начинаютъ звучать ноты разочарованія. „Народное дѣло, писалъ онъ вскорѣ послѣ того, для меня не менѣе священно, чѣмъ прежде; я готовъ за него позволить выпустить по каплямъ

---

\* ) Новѣйшія историческія изысканія доказываютъ, что Лафайетъ не зналъ истинныхъ намѣреній Людовика и что король, очевидно, не довѣрялъ началу національной гвардіи: „20 апрѣля,—читаемъ мы у г. Карѣва,—Людовикъ XVI явился въ законодательное Собраніе и взволнованнымъ голосомъ предложилъ ему объявить войну королю венгерскому и богемскому (т. е. Францу II, тогда еще не коронованному императорской короной)“. Предложеніе было принято. „Людовикъ XVI, между тѣмъ, составилъ протестъ противъ собственнаго своего предложенія и послалъ разнаго рода совѣты и указанія иностраннымъ дворамъ, а также эмигрантамъ, которыхъ просилъ, впрочемъ, воздерживаться отъ участія въ войнѣ“. (Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, „восемнадцатый вѣкъ и французская революція“. Стр. 568).

всю мою кровь, но *очарованіе исчезло*“. Въ другомъ письмѣ онъ выражаетъ ту же мысль: „несправедливость народа не уменьшила моей преданности его дѣлу, но она разрушила восторженное чувство, испытываемое *при улыбкѣ толпы*“. Извѣстія о своей женѣ и дѣтяхъ Лафайетъ получалъ при посредствѣ американскаго правительства. Вашингтонъ дѣлалъ черезъ американскихъ посланниковъ нѣсколько попытокъ освободить Лафайета, но всѣ онѣ были тщетны. Американцамъ удалось только оказать денежную помощь узнику и его семейству. Въ письмѣ къ мистеру Пинкнею, американскому посланнику въ Англіи, Лафайетъ благодаритъ его за положенные имъ для него въ банкъ двѣ тысячи флориновъ и восторженно отзывается о Карлѣ Фоксѣ и его друзьяхъ, поддерживавшихъ въ парламентѣ мысль о невмѣшательствѣ Англіи во внутреннія дѣла Франціи. Извѣстіе объ арестѣ жены и о ея поведеніи въ тюрьмѣ Лафайетъ получилъ также черезъ американцевъ. „Я зналъ очень хорошо величіе ея души, писалъ онъ поэтому поводу княгинѣ д'Энентъ, и потому ея ангельское поведеніе не было для меня неожиданностью,—но какъ должно увеличить уваженіе и расположеніе къ ней всѣхъ тѣхъ, кто еще въ состояніи цѣнить такія качества!“ Въ это же время Лафайетъ узналъ, что его намѣрены перевести въ другую крѣпость, куда нибудь поближе къ Польшѣ, и это было для него новымъ страшнымъ огорченіемъ. Переписка съ д'Энентъ должна будетъ прекратиться, а съ нею и извѣстія о судьбѣ жены, находившейся между жизнью и смертью. „Прощай же, моя дорогая жена, мои дѣти, моя тетка и вы, мой безцѣнный другъ, писалъ онъ въ прощальномъ письмѣ къ д'Энентъ, другъ, котораго

я буду любить до гробовой доски“. Скоро пришло другое извѣстіе: Лафайетъ, Бюро де Пюзи и Латуръ-Мобуръ должны были быть переданы Пруссіей въ распоряженіе австрійскаго императора, что и дѣйствительно случилось двадцать второго апрѣля 1794 года. Плѣнники были отправлены въ Тропау, а оттуда въ крѣпость Ольмюцъ. Разлученные съ перваго же дня пребыванія въ Ольмюцѣ между собою и подвергшіеся утонченному мщенію австрійскаго правительства, плѣнники страдали здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Магдебургѣ. Условія содержанія политическихъ заключенныхъ въ австрійскихъ тюрьмахъ были таковы, что дали полную возможность Карлу Фоксу напасть на нихъ въ англійскомъ парламентѣ, а Сильвіо Пеллико заклеить ихъ въ послѣдствіи въ его „*le mie prigioni* \*)“. Съ самаго вступленія Лафайета въ ольмюцкую тюрьму и до выхода изъ нея, т. е. до сентября 1797 года ему не позволено было официально писать никому ни одной строчки. Тайная переписка была также крайне рѣдка и опасна. Въ октябрѣ 1794 года гановерскій докторъ Больманъ при содѣйствіи укрывшихся въ Англіи друзей Лафайета, отправился въ Ольмюцъ и ему удалось завязать сношенія съ заключеннымъ. Вскорѣ Больманъ задумалъ устроить ему побѣгъ, планъ котораго былъ основанъ на возможности освобожденія Лафайета во время прогулки, которую иногда позволяли ему дѣлать въ каретѣ въ окрестностяхъ тюрьмы. Узнавши о задуманномъ планѣ, Лафайетъ писалъ Больману на поляхъ книги: „крайне тронуть, мой великодушный другъ, вашими заботами, и не могу

---

\*) „Мои темницы“. Есть и русскій переводъ.



выразить вамъ всей полноты моей благодарности. Вѣсть о вашемъ прибытіи вдохнула въ меня новыя надежды; вашъ пріѣздъ и полученныя мною отъ васъ извѣстія о моей женѣ и нѣкоторыхъ друзьяхъ наполнили мое сердце самою живою радостью. Моя жена и мои дѣти здоровы; это для меня очень много, но еще недостаточно. Находитесь ли мое семейство теперь въ Шаваньякѣ и останется ли оно тамъ до тѣхъ поръ пока я вырвусь изъ когтей „коалиціонеровъ“? Въ Шаваньякѣ же у меня есть тетка, о которой вы, можетъ быть, слышали, — гдѣ она и что съ нею? На свободѣ ли мать и жена моего несчастнаго друга Ларошофуко? Хотя меня лишили, по странной заботливости нѣкоторыхъ лицъ, многихъ средствъ къ самоубійству, но я все недумаю воспользоваться тѣми, которыя еще остались въ моемъ распоряженіи и столько же забочусь о собственной „конституціи“, какъ и о конституціи національной. Мои силы еще хороши, и, добудь я паспортъ, я легко присоединился бы къ моимъ друзьямъ, но грудь у меня сильно болитъ, и я смотрю на свои прогулки въ два дня разъ, какъ на лучшее лекарство... Я гуляю въ сюртукѣ и круглой шляпѣ въ сопровожденіи офицера и тюремщика въ формѣ капрала. Послѣ завтра, въ воскресенье, будетъ моя прогулка“. Далѣе было приписано лимоннымъ сокомъ: „у меня нѣтъ времени, мой другъ, входить въ детали (дѣло шло о тюремномъ докторѣ, черезъ котораго Лафайетъ сносился съ Больманомъ). Я это сдѣлаю, если тюремный докторъ согласится принести мнѣ другую книгу. Скажу только, что приняты всякія предосторожности противъ возможности обыкновеннаго побѣга и что для успѣха дѣла намъ придется при-

думать что нибудь совершенно непредвидѣнное тюремщиками. Мои друзья Латуръ Мобуръ и Бюро де Пюзи также въ этомъ убѣждены. Поэтому то я и просилъ дать мнѣ прогулку, а они для себя ее не требуютъ. Это даетъ нѣкоторые шансы. Чѣмъ болѣе предпріятіе будетъ казаться безразсуднымъ, тѣмъ скорѣе оно удастся“.

Въ дѣлѣ освобожденія Лафайета принялъ неожиданное участіе новый помощникъ. По своимъ дѣламъ пріѣхалъ въ Вѣну, окончивши курсъ медицины въ Лондонѣ, сынъ американскаго майора Гугера, съ которымъ Лафайетъ познакомился еще въ Нордъ-Айландѣ. Въ одномъ кафе, которое посѣщалъ молодой американецъ, онъ встрѣтился съ докторомъ Больманомъ. Это было въ октябрѣ 1794 года. Оба врача много разговаривали о Соединенныхъ Штатахъ и объ услугахъ, оказанныхъ американскому дѣлу Лафайетомъ. Послѣ этого Больманъ довѣрилъ Гугеру, что онъ познакомился въ Англіи съ друзьями Лафайета Лелли-Толлендалемъ, мужемъ и женою Чѣчъ изъ Нью-Йорка, американскимъ посланникомъ майоромъ Пинкнеемъ и другими, и что они дали ему порученіе узнать, гдѣ находится Лафайетъ и употребить всѣ мѣры для его освобожденія. Съ этою цѣлью, Больманъ объѣхалъ нѣсколько австрійскихъ крѣпостей и теперь онъ узналъ, что Лафайетъ находится въ Ольмюцѣ. Ему удалось уже завязать съ заключеннымъ сношенія черезъ тюремнаго доктора, сообщить ему извѣстія о его семьѣ и предложить ему планъ побѣга изъ тюрьмы. На предложеніе Больмана принять участіе въ этомъ дѣлѣ, Гугеръ съ радостью согласился. Послѣ этого Больманъ условился съ Лафайетомъ встрѣтиться съ нимъ во время его

прогулки въ экипажѣ. Во время встрѣчи Лафайетъ долженъ былъ приложить ко лбу носовой платокъ, подавши тѣмъ условный знакъ для нападенія. Въ назначенный день Больманъ и Гугеръ отправили карету въ находящуюся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ольмюца деревню Хофъ, а сами поѣхали къ крѣпости верхомъ на лошадяхъ. Завидя выѣзжающій изъ крѣпости экипажъ, всадники дали шпоры лошадямъ и быстро помчались впередъ. Условный знакъ былъ данъ, и вслѣдъ затѣмъ Лафайетъ схватился за рукоятку шпаги стражника и пытался вытащить ее изъ ноженъ. Между ними началась борьба. Стражникъ схватилъ Лафайета за горло, но подскочившіе всадники помогли узнику выскочить изъ экипажа. Больманъ старался зажать ротъ стражнику, который громко звалъ на помощь и жестоко кусалъ ему руку. Въ то же время Гугеръ передалъ Лафайету свою лошадь и два карманныхъ пистолета, сказавши ему по англійски: „go to Hoff“ т. е. поѣзжайте въ Хофъ. Деревня Хофъ была неизвѣстна Лафайету и онъ принялъ это названіе за англійскую частицу „off“, думая, что ему сказали „go off“ т. е. „ѣзжайте“ и онъ поскакалъ по прямому направленію. Гугеръ вскочилъ на крупъ лошади Больмана и оба они хотѣли послѣдовать за Лафайетомъ, но лошадь заартачилась, начала бить и сбросила обоихъ всадниковъ. Видя, что имъ вдвоемъ все равно не уйти, Гугеръ убѣдилъ Больмана скакать за Лафайетомъ и остался одинъ. Вскорѣ его окружили солдаты, арестовали и отвели въ крѣпость. Между тѣмъ, Лафайетъ, не зная куда ему ѣхать, блуждалъ безъ дороги, и скоро окончательно заблудился. Проскакавши верстъ тридцать, онъ подѣхалъ къ Штернбергу. Его ло-

шадь изнемогала отъ усталости. Встрѣтивши одного крестьянина, Лафайетъ спросилъ его, гдѣ бы ему взять другую лошадь и достать проводника для поѣздки за границу. Крестьянинъ обѣщалъ помочь, но, вмѣсто того увѣдомилъ объ этомъ полицію и Лафайетъ былъ снова арестованъ. Скоро одинъ мальчикъ удостовѣрилъ его личность и плѣнникъ былъ на слѣдующій же день снова отправленъ въ Ольмюцъ. Между тѣмъ, докторъ Больманъ, прибывши въ Хофъ, прождалъ тамъ Лафайета до ночи и, недождавшись его, перебрался въ Силезію, проблуждалъ тамъ нѣсколько времени, былъ арестованъ переданъ австрійскому правительству и тоже заключенъ въ Ольмюцъ. Австрійское правительство подумало сначала, что Больманъ и Гугеръ дѣйствовали не по собственной инициативѣ, а какъ агенты обширнаго заговора. Желая вырвать отъ нихъ по этому поводу показанія, оно грозило имъ даже пытками, но черезъ четыре мѣсяца само убѣдилось, что никакого заговора не существовало и дѣло шло о простой попыткѣ освободить Лафайета. Послѣ восьми мѣсяцевъ предварительнаго заключенія Больманъ и Гугеръ были преданы суду, который и приговорилъ ихъ къ каторжнымъ работамъ на одинъ мѣсяцъ. По отбытіи этого наказанія, оба врача были выпроважены за границу. Такъ окончилась единственная попытка освободить Лафайета насильственнымъ путемъ, приведшая къ еще большему ухудшенію его положенія: его лишили совершенно прогулокъ и книгъ. О письмахъ же нечего было и думать.

Между тѣмъ Адриена Лафайетъ, пробывши нѣкоторое время въ Альтанѣ, рѣшилась ѣхать въ Австрію. Такъ какъ всѣмъ французамъ запрещенъ



былъ въ это время туда въѣздъ, то она достала себѣ черезъ американское посольство паспортъ на имя гражданки Мотье изъ Гардфорда въ Коннектикутѣ т. е. въ штатѣ, въ которомъ Лафайетъ и его семейство были дѣйствительно натурализованы. Прибывши въ Вѣну, Адриена явилась къ старшему камергеру императорскаго двора князю Розенбергу и умоляла его испросить ей разрѣшеніе раздѣлить участь мужа. Розенбергъ былъ тронутъ и обѣщалъ выхлопотать ей аудіенцію у императора. Вскорѣ аудіенція эта была дана, и Адриена явилась къ императору въ сопровожденіи своихъ обѣихъ дочерей. На просьбу позволить ей раздѣлить заключеніе мужа, императоръ отвѣчалъ: „это я вамъ разрѣшаю. Но что касается свободы Лафайета, то она невозможна. Мои руки связаны“. Затѣмъ императоръ позволилъ Адриенѣ обращаться въ случаѣ надобности непосредственно къ нему и увѣрялъ ее, что режимъ въ Ольмюцѣ превосходный. „Вы будете довольны, прибавилъ онъ, и комендантомъ. Заключенные въ крѣпости извѣстны ему, правда, только подъ нумерами, но онъ, конечно, хорошо знаетъ имя вашего мужа“. Однако, несмотря на такой пріемъ, Адриенѣ пришлось провести въ Вѣнѣ еще восемь дней, прежде чѣмъ ей удалось уѣхать въ Ольмюцъ. Въ это время она представлялась австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ Тугуту и убѣдилась, какъ глубоко ненавидѣлъ онъ французскую Революцію вообще и Лафайета въ частности. Надежды на скорое освобожденіе мужа стало у Адриены послѣ этого визита еще меньше. Передъ самымъ ея отъѣздомъ въ Ольмюцъ, Адриену пригласилъ къ себѣ военный министръ Феррари. „Считаю себя обязаннымъ про-

ситъ васъ поразмыслить о принимаемомъ вами рѣшеніи, скажамъ онѣ ей. Я долженъ васъ предупредить, что вамъ будетъ очень плохо, ибо режимъ крѣпости крайне неудобенъ для васъ и вашихъ дочерей“. Адриена не захотѣла его слушать дальше и вскорѣ отправилась въ Ольмюць. Перваго октября 1795 года семейство Лафайета вѣхало въ крѣпость. Дочь Адриены, впослѣдствіи, госпожа де Ластери, рассказываетъ, что, когда ея мать увидѣла издали зубчатыя башни Ольмюца, то была страшно взволнована и отъ слезъ долгое время не могла сказать ни слова. Наконецъ, онѣ прибыли. Лафайетъ не былъ предувѣдомленъ о пріѣздѣ жены и дочерей. Три года тюремнаго заключенія, одиночество, безпокойство и всякаго рода лишенія глубоко потрясли его организмъ. Въ первыя минуты свиданія съ женою узникъ не былъ даже въ состояніи задавать ей никакихъ вопросовъ. Только вечеромъ, когда его дочери были заперты въ сосѣднюю камеру, Лафайетъ узналъ отъ Адриены, что она потеряла на гильотинѣ мать, сестру и бабушку...

Феррари сказалъ правду. Адриена была подвергнута очень суровому режиму. Въ одномъ изъ писемъ къ де Тессе она такъ описываетъ первое время своего пребыванія въ крѣпости: „не успѣли мы повидаться съ Лафайетомъ, какъ уже вмѣшались тюремщики и потребовали наши кошельки; осмотръ нашихъ вещей обнаружилъ, что при насъ находятся три серебряныя вилки, которыя и были тотчасъ же у насъ отобраны. Я написала объ этомъ коменданту. Онъ не отвѣтилъ. Я потребовала разрѣшенія написать императору, какъ это онѣ мнѣ позволилъ, — не разрѣшили и этого. Тутъ я, по

крайней мѣрѣ, узнала, что мое прошеніе коменданту отослано въ Вѣну. Въ этомъ прошеніи я просила разрѣшить мнѣ: 1) ходить по воскресеньямъ вмѣстѣ съ дочерями къ обѣднѣ; 2) имѣть для дочерей женскую прислугу и 3) имѣть мужскую для Лафайета. На все это я получила отказъ. Получивши черезъ шесть недѣль письма отъ моего отца и отъ васъ и позволеніе на нихъ отвѣчать, я воспользовалась случаемъ распоряжаться чернилами и перомъ и написала прошеніе Феррари о томъ же съ прибавленіемъ, впрочемъ, еще просьбы разрѣшить мнѣ свиданія съ Латуръ-Мобуромъ и Бюро де Пюзи“. На это прошеніе, какъ и на предыдущее послѣдовалъ полный отказъ. Тогда Адриена написала еще министру такое письмо:

„Соглашаясь съ радостью раздѣлить всѣ строгости заключенія Лафайета, я знаю, господинъ графъ, что на данное мнѣ позволеніе я должна смотрѣть, какъ на милость. Рѣшеніе мое нисколько не измѣнилось и я повторяю вамъ отъ себя и отъ дочерей, что всѣ мы чувствуемъ себя гораздо болѣе счастливыми даже здѣсь, въ этой тюрьмѣ, въ обществѣ Лафайета, чѣмъ гдѣ бы то ни было безъ него. Но позволяю себѣ напомнить вамъ, господинъ графъ, что въ данной мнѣ аудіенціи его императорское величество сказалъ мнѣ, что я найду условія, въ которыхъ находится Лафайетъ, вполне хорошими и что я останусь вполне довольна здѣшнимъ комендантомъ...“ Послѣ этого письма Адриенѣ разрѣшено было обратиться къ императору. Въ виду плохого состоянія своего здоровья Адриена обратилась тогда къ нему съ просьбою разрѣшить ей съѣздить на восемь дней въ Вѣну посоветоваться съ врачами. Черезъ два мѣсяца къ ней

явился комендантъ крѣпости и объявилъ ей на словахъ, что ей позволено выѣхать изъ Ольмюца, но подъ условіемъ туда болѣе не возвращаться. Въ отвѣтъ на это Адріена написала такія строки:

„Я считаю своимъ долгомъ предъ моимъ семействомъ позаботиться о своемъ здоровьѣ, но цѣна, которую просятъ за такія заботы совершенно недоступна для меня. Я не могу забыть, что, когда мы находились на краю могилы, я, благодаря тираніи Робеспьера, а Лафайетъ, благодаря своимъ физическимъ и нравственнымъ страданіямъ въ тюрьмѣ, намъ не позволено было обмѣняться ни одной строчкой, дабы дать другъ другу вѣсть о томъ, что мы еще живы. Вспоминая это, я не соглашусь подвергнуться ужасу новой разлуки. Каково бы ни было состояніе моего здоровья и каковы бы ни были неудобства пребыванія здѣсь моихъ дочерей, мы, всѣ трое, будемъ продолжать съ радостью пользоваться разрѣшеніемъ, которое далъ намъ его величество, раздѣлять условія заключенія Лафайета до малѣйшихъ подробностей“.

Мать и дочери остались въ тюрьмѣ съ Лафайетомъ и добровольный плѣнъ ихъ продолжался двадцать три мѣсяца. Адріена, на сколько было возможно, занималась и въ тюрьмѣ воспитаніемъ своихъ дочерей. Въ это же время она написала на поляхъ толстаго тома сочиненія Бюффона жизнеописаніе своей матери, герцогини д'Эйенъ. Такъ шло время для узниковъ, почти безъ всякихъ надеждъ на будущее. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ либераловъ старались завязать сношенія съ семействомъ Лафайетовъ, но послѣ попытки Больмана это было очень трудно. Только ректору ольмюцкаго университета удалось начать съ Адріеною тайную



переписку и сообщать ей нѣкоторыя политическія новости. Возможностью этой Адриена воспользовалась прежде всего для того, чтобы написать письмо Больману, въ которомъ она горячо благодарила гановерскаго врача за его расположеніе къ Лафайету. Но вскорѣ и эта переписка прекратилась, и заключенные оказались отрѣзанными отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

## XX.

Событія французской Революціи произвели сильное впечатлѣніе на интеллигентныхъ людей всей Европы. Поэтъ Клопштокъ привѣтствовалъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ возшедшее во Франціи „новое солнце“. Знаменитый Гете, не почувствовавшій, какъ извѣстно, Революціи, тѣмъ не менѣе, послѣ отраженія французами прусской атаки при Вальми, съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и самимъ прусскимъ королемъ во главѣ, сказалъ окружающимъ его на военномъ бивуакѣ: „на этомъ мѣстѣ и въ этотъ день началась новая эра во всемирной исторіи, и вы всѣ можете потомъ говорить, что присутствовали при ея рожденіи“ \*). Въ англійскомъ парламентѣ происходили бурныя пренія по вопросу о вмѣшательствѣ Англіи во французскія дѣла. Въ преніяхъ этихъ, извѣстія о которыхъ разносились по всей Европѣ, ясно высказывались мнѣнія лучшихъ людей Англіи о событіяхъ, происходившихъ „по ту сторону Ламанша“. Несмотря на всѣ старанія эмигрантовъ отождествить дѣятельность французскихъ террористовъ съ принципами

---

\*) Каръевъ, т. III. стр. 575.

1789 года, общественное мнѣніе Англіи не смѣшивало ихъ, и Декларация Правъ попрежнему вызывала тамъ энтузіазмъ. Это иначе и быть не могло, ибо Англія уже и тогда далеко ушла впередъ по пути совершенно новыхъ соціально-экономическихъ отношеній. Вотъ почему тамъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь интересовались и личною судьбою самого автора Декларации Правъ, томящагося въ прусскихъ и австрійскихъ казематахъ. Въ Англіи въ это время жилъ товарищъ Лафайета по Учредительному Собранію Лелли-Толендаль, умѣренный конституціоналистъ, скрывшійся за границу отъ преслѣдованій Комитета Общественнаго Спасенія. Онъ то и возвысилъ громко свой голосъ въ защиту Лафайета, обратившись къ прусскому королю съ такимъ открытымъ письмомъ:

„Государь! Васъ увѣряютъ, что заключеніе Лафайета и всѣ страданія, которыя онъ переноситъ, узаконяются заключеніемъ и казнью Людовика XVI. Дѣлая такой выводъ, очевидно, желаютъ обмануть короля. Лафайетъ погибъ именно потому, что хотѣлъ спасти Людовика. Онъ могъ занять первое мѣсто въ Республикѣ, но онъ отвергъ его...

„Все это математически вѣрно. „Онъ нашъ, сказала принцесса Елизавета госпожѣ де Тоннеръ въ іюнѣ 1792 года, необходимо забыть все старое“. „Надо ему отвѣтить, писалъ король въ началѣ іюля, что я безконечно тронутъ его преданностью мнѣ, заставляющею его рѣшаться на все“. Письмо, заключающее эти строки, въ моихъ рукахъ; посылаю Вашему Величеству съ него копію, также какъ и копію съ письма Лафайета Людовику, мною переданнаго королю.

„Я не пристрастенъ. Было время, когда я на

цѣлые два года прервалъ отношенія съ тѣмъ, за котораго вступаюсь теперь. Въ то время и я обвинялъ его въ дѣятельности противъ короля, но Ваше Величество, можетъ быть, будете удивлены, если я скажу Вамъ, что представленіе о Лафайетѣ, какъ о причинѣ или одной изъ причинъ Революціи, лишено всякаго основанія: *онъ игралъ въ ней великую роль, но не онъ былъ ея творцомъ* или, выражаясь еще правильнѣе, онъ не былъ причастенъ ни къ одному злему дѣлу революціи, но дѣлалъ много добра.

Слѣдующіе два факта никто въ мірѣ не посмѣетъ отрицать. Послѣ возвращенія короля въ Парижъ \*\*), главные вожди Конституанты собрались на совѣщаніе, на которомъ былъ поставленъ вопросъ о судѣ надъ королемъ и учрежденіи Республики. Споры были сильны, и противорѣчіе нѣкоторыхъ членовъ лишь еще болѣе поджигало другихъ принять жестокія мѣры. И дѣло было близко къ тому. Бывшій на этомъ собраніи Лафайетъ произнесъ одну только фразу: „если вы убьете короля, то, предупреждаю васъ, что національная гвардія и я провозгласимъ на другой же день королемъ наслѣднаго принца“. Послѣ этой фразы не было больше рѣчи ни о процессѣ короля, ни о Республикѣ. Второй фактъ: семнадцатаго іюля 1791 года, т. е. въ то время, когда поведение Лафайета по отношенію къ королю въ Тюльри казалось столь черствымъ и преступнымъ, онъ сражался за него на Марсовомъ полѣ. Вотъ два факта, которые нельзя игнорировать не нарушая справедливости...

„Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ

---

\*\*) Послѣ бѣгства и ареста Людовика.

я находился въ безпрестанной перепискѣ съ Лафайетомъ, и Людовикъ это зналъ. Его прокламація къ арміи, его знаменитое письмо Законодательному Собранію, его неожиданный пріѣздъ въ Парижъ въ страшные дни послѣ двадцатаго іюня,—все это было съ моего вѣдома. На слѣдующій день послѣ его прибытія въ Парижъ мы провели вмѣстѣ часть ночи. Мы совѣщались о томъ, какъ объявить войну якобинцамъ въ самомъ Парижѣ и хотѣли обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ сторонникамъ королевской власти и истинной свободы, этихъ двухъ нераздѣльных вещей, ко всѣмъ встревоженнымъ собственникамъ, ко всѣмъ многочисленнымъ угнетеннымъ, водрузить на площади монархическое знамя съ надписью на немъ: „*ни якобинцевъ, ни Кобленца!*“, произнести рѣчь, увлечь гражданъ слѣдовать за нами на якобинцевъ и арестовать ихъ вождей. Лафайетъ желалъ этого всѣми силами души. Онъ тогда же сказалъ королю: „надо уничтожить якобинцевъ физически и нравственно“.

„Его робкіе друзья, находившіеся правителями департамента и членами Законодательнаго Корпуса, не соглашались на это. Тогда онъ клялся имъ, что по возвращеніи въ дѣйствующую армію онъ попытается при помощи ея освободить короля. Двое друзей Людовика, изъ которыхъ одинъ имѣлъ тогда же особую аудіенцію у королевы, а другой пользовался до конца довѣріемъ принцессы Елизаветы, были свидѣтелями нашей бесѣды. Они видѣли, какъ, обнимая при прощаніи Лафайета, я сказалъ ему: „я еще могу быть вашимъ другомъ“, и всѣ мы были вполне удовлетворены чувствами, которыя питалъ Лафайетъ.



„Возвратившись въ армію, онъ хотѣлъ исполнить свое обѣщаніе. Остальное извѣстно...

„Государь! Оканчивая это письмо, я чувствую невольное колебаніе: я спрашиваю себя, какъ примите его Ваше Величество и смѣю ли я его вамъ посылать. Но одна мысль подкрѣпляетъ меня. Я вступаюсь за судьбу несчастнаго, я служу органомъ выраженій чувствъ жены, которая требуетъ своего мужа, дѣтей, требующихъ своего отца. Я защищаю того, поведеніе котораго я обрисовалъ. Я говорю то, что мнѣ хорошо извѣстно, что я считаю справедливымъ и въ спасительность чего вѣрую. Вѣдь, я говорю племяннику великаго Фридриха. Равный своему дядѣ въ военныхъ доблестяхъ, да будетъ онъ равенъ ему и въ мудрости и въ великодушіи. Мое письмо окончено“.

Это письмо не достигло цѣли. Чѣмъ болѣе становилась ясною роль Лафайета во время Революціи, т. е. чѣмъ болѣе подчеркивалась его готовность на борьбу не только съ якобинцами, но и съ „Кобленцомъ“, тѣмъ болѣе считалъ его опаснымъ человекомъ и почти личнымъ врагомъ король Пруссіи.

Въ это же время произошли и тѣ дебаты въ англійскомъ парламентѣ, о которыхъ было упомянуто выше. Первымъ, заговорившимъ въ парламентѣ о несправедливомъ заключеніи Лафайета, былъ одинъ изъ его противниковъ на американскихъ поляхъ битвъ, другъ лорда Корнвалиса, генераль Фитцъ-Патрикъ. Онъ требовалъ, чтобы парламентъ высказалъ свое мнѣніе о незаконности задержанія Лафайета вскорѣ послѣ его ареста, но тогда всѣ находились подъ впечатлѣніемъ начавшихся грозныхъ событій во Франціи, и онъ почти не нашелъ

себѣ поддержки. Къ этому же вопросу вернулся Фитцъ-Патрикъ и въ 1796 году.

„Французская Революція, сказалъ онъ, настолько великое событіе, что всякое обстоятельство, такъ или иначе съ нею связанное, не можетъ не имѣть вліянія на интересы и политику другихъ народовъ“, и затѣмъ, напомнивъ о своемъ прежнемъ требованіи вмѣшательства Англіи въ дѣло Лафайета, онъ продолжалъ: „мнѣ скажутъ, пожалуй, что теперь обстоятельства измѣнились въ самой Франціи, что въ ней ослабѣлъ политическій смыслъ. Если бы даже это было и правда, хотя я далекъ отъ подобнаго мнѣнія, если бы потерялъ черезъ это значеніе мой первый мотивъ, то все же остается второй, такъ какъ истекшее время принесло лишь новыя муки знаменитымъ плѣнникамъ.

„Никогда не давали удовлетворительнаго отвѣта,—никогда его и не дадутъ,—на вопросъ, сотни разъ задаваемый друзьями заключенныхъ: по какому праву заключили вы въ ваши тюрьмы людей, которые, по рожденію, не принадлежатъ къ вашимъ подданнымъ, которые не могутъ быть рассматриваемы, какъ военнопленные и которые не совершили на вашей территоріи никакого преступленія, предусмотрѣннаго вашими законами!

„Странно устроено сердце у тѣхъ, которые могутъ такъ чувствительно оплакивать несправедливыя страданія несчастной королевы Франціи и спокойно взирать на не менѣе, конечно, несправедливыя мученія несчастной супруги Лафайета, женщины-героини, образца всѣхъ добродѣтелей своего пола. Вырванная по волѣ Провидѣнія изъ когтей безжалостнаго Робеспьера, эта столь же несчастная, сколько и удивительная женщина, у которой почти

на глазахъ погибли подъ топоромъ бабушка, сестра, мать, — самые близкіе ей люди, — женщина, сама, можно сказать, пребывавшая цѣлый годъ у подножія эшафота въ ежедневномъ ожиданіи топора на свою злосчастную голову, эта женщина, неожиданно освобожденная паденіемъ своего преслѣдователя, тотчасъ же по выходѣ изъ тюрьмы полетѣла на помощь къ своему мужу.

„Лично она готова была на всякое обращеніе съ нею въ австрійскихъ казематахъ, — она всего ожидала отъ режима жестокости. Но что должна была почувствовать она, когда ей наотрѣзъ отказали взять для себя и для ея дочерей женскую прислугу, когда она узнала, что даже въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, въ случаяхъ болѣзни, никому не дозволенъ входъ въ казематы ея дочерей, — двухъ молодыхъ и невинныхъ созданій, — кромѣ грубыхъ тюремщиковъ да пьяныхъ солдатъ?!

„Съ глубокою печалью, которую раздѣлять, я убѣжденъ въ томъ, всѣ здѣсь присутствующіе, я довожу до свѣдѣнія Палаты, что госпожа Лафайетъ продолжаетъ до настоящей минуты томиться въ томъ же положеніи, что состояніе ея здоровья внушаетъ серьезныя опасенія и что, если свобода не будетъ быстро возвращена несчастному семейству, то казематы стануть и могилою столькихъ добродѣтельныхъ людей.

„Я никогда не предположу, чтобы заявленіе, сдѣланное въ средѣ людей, управляющихъ свободной страной, противъ угнетенія могло произвести обратный эффектъ.

„Далекій отъ такого предположенія, я не думаю, чтобы мое заявленіе причинило вредъ дѣлу Лафайета, ибо, каковы бы ни были мои взгляды на

его принципы и его политическое поведение, я знаю одно, что онъ не захочетъ никогда купить свою свободу цѣною позорнаго отреченія отъ своихъ воззрѣній.

„Я дѣлаю преложеніе Палатѣ представить королю адресъ, въ которомъ выразить, что, по мнѣнію Палаты, заключеніе въ тюрьму генерала Лафайета, равно какъ и господъ Латуръ-Мобура и Бюро де Пуэзи, есть дѣло несправедливое и компрометирующее, какъ его императорское величество, такъ и его союзниковъ“. На эту рѣчь возражалъ знаменитый Вильямъ Питтъ. Онъ началъ съ напоминанія, что государственные люди не должны руководствоваться въ своихъ поступкахъ чувствами, какъ бы благородными ни были эти чувства сами по себѣ. „Критерій такихъ людей,—холодный разсудокъ и государственная польза. Съ этой точки зрѣнія, продолжалъ Питтъ, я прошу позволенія торжественно заявить, что не вижу рѣшительно никакого основанія для вмѣшательства англійскаго короля въ дѣло о заключеніи Лафайета или въ вопросъ объ обращеніи съ нимъ и его семьей“.

Рѣчь Питта вызвала, въ свою очередь, энергическія возраженія со стороны Фокса и извѣстнаго аболіюціониста Вильберфорса \*).

Фоксъ обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на слова австрійскаго императора, сказанныя имъ го-  
спожѣ Лафайетъ: *„моя руки связаны“*. Тщетно было бы стараться уяснить себѣ смыслъ этихъ

---

\*) За страстную дѣятельность въ пользу освобожденія негровъ французское Національное Собраніе дало Вильберфорсу право французскаго гражданства. Такое же право было дано Вашингтону, Кларксону, Шиллеру, Песталодци, Пристлею, Бентаму и Анахарсизу Клотсу. Это обстоятельство, впрочемъ, не помѣшало Клотсу сложить голову на гильотинѣ.



словъ, говорилъ Фоксъ. Руки связаны,—но чѣмъ? Закономъ? Частными мнѣніями? Нѣтъ. Но чѣмъ же тогда? „Можно ли указать на участіе Лафайета хотя въ одномъ,—повторю!—хотя въ одномъ изъ преступленій, опозорившихъ французскую революцію? Можно не соглашаться съ его воззрѣніями, но нельзя не признавать чистоты его намѣреній“.

Вильберфорсъ настаивалъ на принятіи Палатой предложенія Фитцъ-Патрика и на поднесеніе королю адреса о необходимости вмѣшательства Англіи въ дѣло Лафайета.

Тори Уиндгэмъ (Wyndham) протестовалъ противъ вмѣшательства, заключивши свою рѣчь такими словами: „кто начинаетъ революцію, тотъ всегда будетъ достоинъ въ моихъ глазахъ тягчайшаго наказанія; мнѣ доставляетъ наслажденіе видѣть, какъ такіе люди испиваютъ до дна ту чашу, которую они готовили для другихъ“.

Не смотря на новую блестящую рѣчь Фокса въ защиту предложенія Фитцъ-Патрика, большинство Палаты высказалось противъ вмѣшательства Англіи въ дѣло Лафайета.

Тѣмъ не менѣе, извѣстія о дебатахъ въ англійскомъ парламентѣ произвели сильное впечатлѣніе на всемъ европейскомъ континентѣ. Впечатлѣніе это усилилось вскорѣ еще болѣе дѣятельностью въ пользу Лафайета одного, укрывшагося въ Англіи француза, по имени Макле. Новый защитникъ ольмюцкаго узника былъ человекъ выдающагося образованія, прекрасный классикъ и знатокъ всѣхъ новыхъ европейскихъ языковъ. Во время Революціи Макле поступилъ на службу офицеромъ и въ эпоху Террора находился въ Страсбургѣ. Здѣсь онъ получилъ отъ одного изъ своихъ друзей извѣстіе

о грозившей ему опасности за „модерантизм“ (друзья Макле называли его „самымъ крайнимъ изъ умѣренныхъ“), и, спасая голову, скрылся въ Англію. Макле не только не былъ знакомъ съ Лафайетомъ, но даже никогда его не видѣлъ; тѣмъ не менѣе, вполне раздѣляя убѣжденія и глубоко уважая личность маркиза, онъ предпринялъ цѣлый литературный походъ въ его защиту. Принявши псевдонимъ Элитера, Макле напечаталъ сначала въ англійской „Morning Chronicle“, а затѣмъ въ голландскихъ и гамбургскихъ газетахъ, описаніе жестокостей, которымъ подвергались въ тюрьмѣ Лафайетъ и его друзья. Раздраженное австрійское правительство послало въ Лондонъ множество шпионовъ, съ цѣлью открыть личность таинственного писателя, скрывающагося подъ псевдонимомъ Элитера, но всѣ старанія сыщиковъ оказались тщетными. Послѣ этого глава вѣнскаго кабинета Тугутъ счелъ нужнымъ выступить въ газетахъ съ опроверженіемъ „клеветы“, взводимой на австрійское правительство Элитеромъ. Тѣмъ временемъ Макле удалось завязать сношенія съ Лафайетомъ и его друзьями и достать ихъ собственноручныя описанія крѣпостныхъ порядковъ. Однимъ изъ такихъ описаній, принадлежавшихъ перу Латуръ Мобура и воспользовался Макле для напечатанія отвѣта Тугуту, а въ его лицѣ и всему вѣнскому кабинету. Для большаго эффекта онъ озаглавилъ свою новую статью въ „Morning Chronicle“ — „письмами одного австрійскаго офицера къ его брату“. Въ письмахъ этихъ описывались всѣ ужасы застѣнка. Возражать было трудно и австрійское правительство замолчало. Такъ прошелъ 1796 годъ.

## XXI.

Толпившіеся въ Вѣнѣ французскіе эмигранты только и мечтали, что о возстановленіи во Франціи монархіи, а съ нею и всѣхъ испровергнутыхъ Революціей феодальныхъ учреждений. Последнее обстоятельство подрывало въ корень всѣ ихъ замыслы, ибо въ самой Франціи, если и было много сторонниковъ умѣренно конституціонной монархіи, то самая мысль о полномъ возвращеніи къ „старому режиму“ была ненавистна даже въ средѣ такихъ лицъ. Безъ возстановленія же социальнаго феодализма сама по себѣ идея роялизма теряла въ глазахъ эмигрантовъ всякій смыслъ и они надѣялись, поэтому, на осуществленіе своихъ плановъ исключительно помощью иностранныхъ войскъ. Отсюда явилась ихъ совершенно одинаковая ненависть и къ республиканцамъ и къ партизанамъ конституціонной монархіи. „Лафайета надо повѣсить“, серьезно говорилъ въ вѣнскомъ солонѣ госпожи д’Оденаръ эмигрантъ Лавопильеръ, и, когда находившійся тутъ же извѣстный американецъ Моррисъ попробовалъ возражать „бѣлому якобинцу“, то услышалъ отъ Лавопильера такія мысли и душевные пожеланія, что, возвратившись домой, тогда же занесъ въ свой дневникъ слѣдующія характерныя строки:

„Слушая смѣшныя претензіи этихъ господъ и въ особенности тонъ, которымъ онѣ высказываются, я почти забываю про всѣ преступленія французской революціи“.

Моррисъ прибылъ въ Вѣну осенью 1796 года. Зная его симпатіи къ Лафайету, многія лица об-

ращались къ нему съ письмами и просьбами сдѣлать все возможное для освобожденія заключенныхъ. Въ числѣ такихъ писемъ онъ получилъ и письмо госпожи Сталь, написанное ею изъ Копне двадцать перваго ноября 1796 года.

„Monsieur,—писала она ему,—я не имѣю никакого права обращаться къ вамъ. Я васъ очень уважаю, но кто же васъ не уважаетъ? Я преклоняюсь предъ вашими талантами, но и въ этомъ отношеніи я, конечно, не одна. Успокаиваю себя тѣмъ, что просьба, съ которой я къ вамъ обращаюсь, будетъ лишь слабымъ повтореніемъ желаній вашего собственнаго сердца. Имѣете ли вы въ виду политическія соображенія или нѣтъ, путешествуя въ настоящее время по Германіи и Австріи, это въ данномъ случаѣ совершенно безразлично, но вы безъ сомнѣнія, имѣете вліяніе на ходъ политическихъ событій, ибо не могутъ же государственные люди странъ, по которымъ вы путешествуете, быть настолько неразумными, чтобы не совѣщаться о дѣлахъ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы. Откройте же двери темницы Лафайета! Вы уже спасли жизнь его женѣ, спасите же и все семейство! Заплатите долгъ вашей страны! Какую бѣольшую службу можно сослужить своей родинѣ, какъ не уплатить за нее долгъ благодарности! Едва ли возможно больше бѣдствій, чѣмъ сколько ихъ посыпалось на голову Лафайета! Никогда еще несправедливость столь очевидная не совершалась такъ явно на глазахъ всей Европы.

„Я сокрушаюсь, какъ никто, о судьбѣ Лафайета. Я не на столько самоувѣрена, чтобы думать, что мои просьбы могутъ такъ или иначе повліять на вашъ образъ дѣйствій въ дѣлѣ Лафайета, но вы



не можете воспрепятствовать мнѣ глубоко уважать васъ и быть на столько благодарной вамъ, какъ будто исключительно по моей просьбѣ сдѣлали вы дѣло, исполненія котораго ждутъ отъ васъ чело-вѣчность, ваша собственная слава и оба полушарія земли“.

Моррисъ отвѣчалъ на это письмо госпожи Сталь, но выражалъ мало надеждъ на осуществленіе ихъ обоюднаго желанія. Тогда Сталь написала ему еще письмо, помѣченное вторымъ декабря 1796 года:

„Monsieur! Пребываніе ваше въ городѣ, изъ котораго вы мнѣ пишете, внушаетъ мнѣ надежду на все хорошее. Невозможно, чтобы ваши хлопоты не увѣнчались успѣхомъ! Судьба хранить для васъ это славное дѣло. Вещь возможная, что протестъ британскаго парламента былъ безтактенъ, но возможно ли возлагать за это отвѣтственность на несчастную, о которой шла рѣчь? Вѣдь, императоръ принялъ госпожу Лафайетъ очень любезно. Говорятъ, что онъ гуманенъ и справедливъ. Если это такъ, то можетъ ли онъ допустить, чтобы жену содержали также строго, какъ и мужа? Жену и дѣтей!

„Чего же ждутъ министры? Не того ли, чтобы враги Лафайета потребовали его казни? Мнѣ кажется, что, если вы поговорите только одинъ часъ съ тѣми, отъ которыхъ зависитъ судьба Лафайета, то все будетъ рѣшено\*).

„Мысль о возможности положить конецъ бѣдствіямъ Лафайета и что этимъ мы будемъ обязаны вашимъ условіямъ, мысль эта возбуждаетъ во мнѣ

---

\*) Вотъ до чего доходила иногда наивность знаменитой писательницы!

такое волненіе, что я не могу не выразить его, хотя и сознаю все неудобство обращаться къ вамъ съ этимъ вторымъ письмомъ. Примите его одновременно и какъ выраженіе моего къ вамъ уваженія и какъ доказательство моего состраданія къ Лафайету“.

Въ это же время Моррисъ получилъ письмо отъ сестры Адриены, госпожи де Монтегю изъ Плоэна (въ Голстиніи). Въ письмѣ этомъ Монтегю писала:

„Моя сестра была на волосъ отъ смерти, когда вы вырвали ее изъ парижской тюрьмы. Ея любовь къ мужу и чувство долга заставили ее вмѣстѣ съ дочерью переступить затѣмъ порогъ Ольмюцкой крѣпости, въ которой недостатокъ воздуха подтачиваетъ ея жизнь. Ея мужъ, страдающій сильно грудью и лихорадкой, также окончитъ, вѣроятно, скоро свои дни и нѣжно любимыя ими дѣти увидятъ смерть тѣхъ, кого онѣ явились утѣшать.

„Госпожа Лафайетъ просила позволенія провести нѣсколько дней въ Вѣнѣ, дабы посовѣтываться съ врачами. Въ этомъ ей не только отказали, но и заявили, что, если она выйдетъ хотя на минуту изъ крѣпости, она больше туда не возвратится. Ей оставалось или покинуть мужа или подвергнуться всѣмъ строгостямъ заключенія. Она не колебалась въ выборѣ...

„Я взяла на себя смѣлость написать письмо императору, въ которомъ обращала его вниманіе на неизвѣстныя ему жестокости тюремщиковъ. Мое письмо осталось безъ отвѣта. Тотъ, кого Европа считаетъ въ числѣ своихъ гражданъ, къѣмъ такъ гордится Сѣверная Америка, — не долженъ ли высказать свой голосъ въ защиту гражданина Соеди-

ненныхъ Штатовъ? Да, безъ сомнѣнія, и вотъ почему я прошу вашей защиты для Лафайета передъ императоромъ и австрійскимъ правительствомъ“.

Моррисъ началъ дѣйствовать и помимо этихъ писемъ, но письмо госпожи де Монтаю ему пригдилось. Вскорѣ онъ имѣлъ свиданіе съ Тугутомъ, во время котораго далъ ему цѣнныя политическія указанія. Воспользовавшись затѣмъ благопріятной минутой, Моррисъ показалъ ему письмо госпожи де Монтаю и просилъ его освободить Лафайета. Тугутъ замѣтилъ, что, по всей вѣроятности, это можно будетъ сдѣлать послѣ заключенія мира съ Франціей, но Моррисъ этимъ не удовольствовался и въ числѣ другихъ доводовъ представлялъ Тугуту, что освобожденіе Лафайета произведетъ самое хорошее впечатлѣніе въ Англіи. Тугутъ замѣтилъ на это, что, если Англія потребуеъ настойчиво освобожденія Лафайета, то австрійское правительство будетъ очень радо отъ него отдѣлаться такимъ способомъ. Но на это разсчитывать было еще трудно.

Общественное мнѣніе въ самой Франціи склонялось, между тѣмъ, уже въ пользу Лафайета. Со времени паденія Робеспьера „модерантизмъ“, а слѣдовательно, въ частности и „лафайетизмъ“ перестали составлять преступленіе, за которое можно было поплатиться головами. Естественное переутомленіе повлекло за собою вялость, апатію, индифферентизмъ къ общественнымъ дѣламъ, черты, отличавшія режимъ Директоріи. Только внѣшнія войны продолжали занимать вниманіе изнемогшаго въ колоссальной борьбѣ общества. „Общій характеръ исторіи Франціи при Директоріи, говоритъ г. Карѣвъ, можетъ быть опредѣленъ словами: „эпоха внѣшнихъ побѣдъ и внутренняго безсилія“. При такихъ усло-

віяхъ представленіе объ „измѣнѣ“ Лафайета утратило свою ѣдкость, а воспоминанія объ услугахъ, оказанныхъ имъ дѣлу свободы въ Америкѣ и Европѣ и объ его послѣдующей судьбѣ въ казематахъ Пруссіи и Австріи окружало его личность свѣтлымъ ореоломъ. Во время прелиминарныхъ переговоровъ о мирѣ въ Любекѣ \*) уже намекалось на Лафайета упоминаніемъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Что пунктъ этотъ имѣлъ въ виду и Лафайета видно изъ того, что, вслѣдъ за подписаніемъ прелиминарныхъ условій мира, къ Бонапарту, побѣдоносному полководцу итальянской арміи и будущему императору Франціи, прибылъ генералъ Кларкъ и передалъ ему письмо отъ президента Директоріи Карно, которое гласило:

„Вслѣдствіе поступающихъ новыхъ ходатайствъ о судьбѣ ольмюцкихъ плѣнниковъ, Директорія напоминаетъ вамъ, гражданинъ-генералъ, о своемъ ранѣе заявленномъ желаніи видѣть заключенныхъ освобожденными насколько возможно раньше. Директорія не сомнѣвается, что вы раздѣляете тѣ же чувства, которыя возбуждаютъ въ ней несчастія узниковъ“.

По прочтеніи этого письма Бонапартъ и Кларкъ представили австрійскому правительству черезъ министра де Галло ноту, въ которой было сказано:

„Нижеподписавшіеся уже имѣли честь заявить г. маркизу де Галло въ Любекѣ, что Республика принимаетъ большое участіе въ судьбѣ ольмюцкихъ плѣнниковъ; они надѣются, что г. де Галло доложитъ Его Императорскому Величеству о желаніи Республики, чтобы названные плѣнники были вы-

\*) Въ Штириі, гдѣ были подписаны предварительныя условія Кампо-Формійскаго договора.



пущены на свободу съ правомъ уѣхать въ Америку или какую нибудь другую страну, *но безъ права* возвратиться во Францію“.

По этому поводу императору сдѣлалъ докладъ Тугутъ. „Я согласенъ освободить ихъ, сказалъ императоръ, но, находя несомнѣннымъ исповѣдуемые Лафайетомъ принципы съ спокойствіемъ моего государства, полагаю необходимымъ потребовать отъ нихъ письменное обязательство въ томъ, что нога ихъ никогда не будетъ въ Австріи безъ спеціальнаго на то разрѣшенія“. Въстѣ съ тѣмъ императоръ выразилъ желаніе провѣрить, на сколько были справедливы слухи, распускаемые заграницей съ жестокимъ обращеніи съ Лафайетомъ, его женою и его друзьями.

Оба эти порученія были возложены на генерала маркиза де Шателе, который и отправился немедленно въ Ольмюцъ. Спрошенный объ обращеніи съ нимъ, Лафайетъ сначала уклонился отъ всякаго отвѣта, но потомъ сказалъ, что находитъ „варварствомъ распоряженіе лишить его всякихъ извѣстій о женѣ и дѣтяхъ въ то время, когда онѣ жили подъ топоромъ якобинцевъ, равно какъ и свое полное одиночество, ибо съ находящимися въ тридцати саженихъ отъ него Латуръ Мобуромъ и Бюро де Пюзи онъ не видѣлся ни одного раза въ теченіе трехъ лѣтъ своего пребыванія въ Ольмюцѣ“.

Госпожа Лафайетъ заявила Шателе, что не могла добиться, чтобы для ея дочерей дали двѣ отдѣльныя кровати, несмотря на то, что одна изъ дочерей заболѣла заразительною болѣзною, что было жестоко лишать ее всякихъ извѣстій о сынѣ, что она жаловалась на эти притѣсненія въ Вѣну, но никакого отвѣта не получила.

Въ этомъ же родѣ отвѣчали Латуръ Мобуръ и Бюро де Пузи.

Затѣмъ Шателе снова зашелъ въ камеру Лафайета и заявилъ ему, что императоръ требуетъ немедленнаго отъѣзда его, тотчасъ же по освобожденіи, въ Америку. „Императоръ приказалъ арестовать меня на нейтральной почвѣ, вопреки всякимъ правамъ, отвѣчалъ съ жаромъ Лафайетъ, и теперь я вовсе не намѣренъ отдавать ему отчетъ ни въ своемъ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, ни въ своихъ планахъ. Я не приму на себя никакого обязательства, которое могло бы дать императору какія бы то ни было права надъ моею личностью“. Тогда императорскій посланный прямо сказалъ Лафайету, что въ Европѣ составилъ на него взглядъ какъ на главу новаго ученія и потому, имѣя въ виду несовнѣстимость исповѣдуемыхъ имъ принциповъ со спокойствіемъ австрійской монархіи, Его Величество руководствуется государственными соображеніями, запрещая ему переступать границу Австріи безъ особаго на то разрѣшенія. Лафайетъ отвѣтилъ съ проницей, что императоръ дѣлаетъ ему много чести, вступая съ нимъ въ договоръ, какъ равный съ равнымъ и считая его, простого смертнаго, столь страшнымъ для своей обширной монархіи. Затѣмъ, онъ сказалъ, что не имѣетъ и самъ никакого желанія видѣть ни австрійскій дворъ, ни австрійскую территорію не только безъ позволенія, но если бы даже получилъ спеціальное приглашеніе, но что у него есть такія же обязанности по отношенію къ французскому народу, какъ у Шателе по отношенію къ своему государю. Шателе замѣтилъ на это, что онъ не уполномоченъ пускаться съ Лафайетомъ въ подобныя разсужденія и

что онъ вечеромъ пошлетъ курьера въ Вѣну съ донесеніемъ, что его переговоры съ Лафайетомъ не привели ни къ чему. Лафайетъ спросилъ холодно, въ которомъ часу отправится курьеръ, и когда Шателе отвѣтилъ, что въ семь, онъ потребовалъ, чтобы ему разрѣшили свиданіе съ Латуръ Мобуромъ и Бюро де Пюзи, дабы они могли совместно рѣшить, какъ имъ поступить въ данномъ случаѣ. Требуемое свиданіе было разрѣшено, и въ первый разъ послѣ вступленія въ ольмюцкую тюрьму друзья обнялись. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, посвященныхъ изліяніямъ радости свиданія, всѣ трое пришли къ немедленному соглашенію относительно отвѣта императору. Отвѣтъ этотъ, редактированный Лафайетомъ, состоялъ въ слѣдующемъ:

Намъ кажется, что возложенное на маркиза де Шателе порученіе можетъ быть сведено къ тремъ пунктамъ:

1) Его Императорское Величество желаетъ знать, какъ меня содержали. Я не намѣренъ приносить ему по этому поводу никакихъ жалобъ. Нѣкоторыя подробности объ этомъ находятся въ письмахъ моей жены, и если Его Императорскому Величеству недостаточно для сужденія объ этомъ перечитать присланную сюда объ насъ изъ Вѣны инструкцію, то тогда я могу дать маркизу де Шателе желаемыя справки.

2) Его Императорское Величество желаетъ, чтобы немедленно по освобожденіи я уѣхалъ въ Америку. Это было и мое собственное давнишнее желаніе, которое я не разъ высказывалъ, но такъ какъ въ данный моментъ мой утвердительный отвѣтъ призналъ бы за императоромъ право распоряженія моей личностью, то считаю неудобнымъ удовлетворить этому требованію.

3) Его Императорское Величество дѣлаетъ мнѣ



честь указаніемъ на несовмѣстимость исповѣдваемыхъ мною принциповъ съ спокойствіемъ австрійской монархіи и не желаетъ, поэтому, чтобы я когда либо пріѣзжалъ въ Австрію безъ спеціального на то разрѣшенія. Существуютъ обязанности, отъ которыхъ нельзя уклоняться. Такія обязанности лежатъ на мнѣ по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ и въ особенности по отношенію къ Франціи и, потому я не могу брать на себя никакихъ обязательствъ, которыя бы противорѣчили правамъ моего очечества на мою личность. За этими исключеніями я могу увѣрить генерала маркиза де Шателе въ своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи не вступать на территорію, принадлежащую Его Величеству королю Богеміи и Венгріи“.

Тонъ этого заявленія и манера изложенія не понравились императору и онъ отказалъ выдать приказъ объ освобожденіи плѣнниковъ. Съ этого момента дѣятельную роль въ освобожденіи Лафайета принялъ его старый пріятель, служившій у него адъютантомъ во французской арміи Людовикъ Ромефъ. Онъ служилъ въ описываемое время въ штабѣ генерала Кларка, который, зная разположеніе его къ Лафайету, далъ ему дипломатическое порученіе въ Вѣну по вопросу о судьбѣ ольмюцкихъ плѣнниковъ. На посланную Кларкомъ и Бонапартомъ ноту австрійское правительство тогда еще ничего не отвѣчало. Въ это же время Тугутъ, бесѣдуя съ секретаремъ Кларка Перре, остановился на мысли передать Лафайета американскому консулу Джону Паричу съ тѣмъ, чтобы послѣдній отправилъ его въ Америку или Голландію. За эту мысль и ухватился Ромефъ. По прибытіи въ Вѣну, онъ увидѣлся съ де Галло и съ его и Тугута вѣдома



написалъ Лафайету письмо, въ которомъ, увѣдомляя его о полученномъ имъ порученіи употреблять всякія мѣры для его освобожденія и объ участіи, которое принимаютъ въ его судьбѣ генералы Кларкъ и Бонапарте, продолжалъ письмо такъ: „по прибытіи сюда я узналъ отъ г. де Галло о предложеніяхъ, которыя вамъ дѣлало австрійское правительство и о вашемъ отвѣтѣ на это предложеніе. Я преклоняюсь предъ вашимъ желѣзнымъ характеромъ, но, признаюсь, что, узнавъ о впечатлѣніи, которое произвелъ вашъ отвѣтъ на императора, я опасаюсь, чтобы это обстоятельство не послужило задержкой для ожидаемаго нами съ такимъ нетерпѣніемъ свиданія съ вами... Я упорно добивался черезъ посредство г. де Галло возможности обнять трехъ мучениковъ прекраснаго дѣла, которому и я такъ преданъ, но въ этой милости мнѣ было рѣшительно отказано... Мнѣ показалось очень рѣзкой та форма, въ которой вы отклонили потребованное отъ васъ обязательство, но, не останавливаясь на подробностяхъ произведеннаго имъ впечатлѣнія, сообщу лишь вамъ о результатѣ моего свиданія съ Тугутомъ: императоръ отказывается теперь отъ своего распоряженія касательно васъ: нѣтъ болѣе и рѣчи о какомъ-либо письменномъ или словесномъ обязательствѣ съ вашей стороны. Предлагаемыя теперь условія сводятся къ слѣдующему: австрійское правительство желаетъ, чтобы американскій консулъ въ Гамбургѣ, у котораго вы остановитесь, взялъ съ васъ слово, что вы покинете этотъ городъ въ теченіе шестнадцати дней... Въ виду того, что въ этомъ предложеніи не заключается ничего, что могло бы стѣснять вашу независимость, я думаю, что вы не отвергнете ихъ и позволите, чтобы я самъ пред-

ложилъ ихъ г. Паричу... Г. Тугутъ самъ разрѣшилъ мнѣ написать вамъ объ этомъ и увѣрилъ меня, что мое письмо будетъ непременно вамъ передано. Если бы каждая потерянная минута меньше тяготила мое сердце, я ожидалъ бы вашего пріѣзда въ Ратисбонѣ, гдѣ я буду проѣздомъ въ Гамбургъ и гдѣ встрѣчусь съ господами де Мобуръ и де Пюзи и ихъ дочерьми. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы имъ, какъ и мнѣ, позволили встрѣтиться съ вами у воротъ вашей крѣпости, но на это нѣтъ никакой надежды и мы будемъ имѣть счастье встрѣтиться съ вами только въ Гамбургѣ. Пьянѣю отъ радости, что минута эта уже недалека!“

Однако, прошло еще около мѣсяца, а распоряженія объ освобожденіи Лафайета все еще не было. Тогда Ромефъ написалъ Тугуту изъ Гамбурга такое письмо: „Я не могу приписать ничему другому задержки въ освобожденіи ольмюцкихъ плѣнниковъ, кромѣ препятствія, о которомъ ваше превосходительство любезно мнѣ сообщали... Въ случаѣ, если ваше превосходительство не надѣется больше уладить это дѣло, прошу васъ о выдачѣ мнѣ паспорта, дабы я могъ, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Италію къ моему генералу“.

Ромефъ не зналъ еще тогда, что во время его отсутствія изъ Вѣны, Австрія получила извѣщеніе о нежеланіи Россіи принимать дальнѣйшее участіе въ коалиціи и что такимъ образомъ, положеніе „короля Венгрии и Богеміи“ дѣлалось весьма затруднительнымъ. Поэтому, австрійскій императоръ, желая выйти хоть сколько нибудь съ честью изъ создавашагося „инцидента съ Лафайетомъ“, ухватился съ радостью за предложеніе Тугута и приказалъ своему послу въ Гамбургѣ барону Буоло-Шаунштей-

ну поторопить это дѣло. Посолъ увѣдомилъ императора, что Паричъ обязуется отправить плѣнниковъ изъ Гамбурга въ теченіе десяти дней и передать Ромефу необходимую для путешествія денежную сумму. Не дождавшись отвѣта, Ромефъ отправился въ Дрезденъ и ожидалъ тамъ заключенныхъ.

Наконецъ, восемнадцатаго сентября 1797 года, черезъ пять лѣтъ и одинъ мѣсяцъ, послѣ ареста Лафайета, Латуръ Мобура и Бюро де Пюзи и черезъ двадцать три мѣсяца послѣ заключенія госпожи Лафайетъ и ея дочерей, открылись для нихъ всѣхъ двери тюрьмы. Во все время пока освобождаемые находились на австрійской территоріи, они были подъ неослабимымъ наблюденіемъ маіора д'Анерхамера, который не позволилъ имъ свиданія съ выѣхавшимъ къ нимъ на встрѣчу Ромефомъ.

Это свиданіе могло состояться только въ Дрезденѣ. За то путь изъ Дрездена до Гамбурга походилъ на триумфальное шествіе и напомнилъ Лафайету годы его первой молодости. Освобожденные, едва переносившіе въ первые дни вліяніе свѣжаго воздуха, видимо, оживали съ каждымъ днемъ. Только здоровье госпожи Лафайетъ было крайне слабо. „Утомленіе отъ путешествія, говоритъ госпожа де Ластери въ жизнеописаніи своей матери, было слишкомъ не по силамъ для ея здоровья, и она дѣлала надъ собою большія усилія, чтобы отвѣчать на привѣтствія, которыхъ она была предметомъ“. Четвертаго октября путешественники прибыли, наконецъ, въ Гамбургъ, гдѣ пріемъ, оказанный Лафайету и его друзьямъ напоминалъ, по словамъ очевидцевъ, триумъ побѣдителя или освободителя. Освобожденіе Лафайета было официально мотивировано австрійскимъ правительствомъ выраженнымъ желаніемъ этого Соеди-

ненныхъ Штатовъ, но, въ сущности, причиною этого были побѣды французскихъ войскъ и все больше и больше склонявшееся въ пользу Лафайета общественное мнѣніе во Франціи. Освобожденные понимали это и наслѣдующій же день послѣ прибытія въ Гамбургъ послали французскому министру иностранныхъ дѣлъ знаменитому Таллейрану \*) благодарственное письмо. Въ тотъ же день они послали и письмо главнокомандующему итальянской арміей генералу Бонапарту, въ которомъ писали:

Гражданинъ-генераль!

„Ольмюцкіе плѣнники, счастливые сознаніемъ, что своимъ освобожденіемъ они обязаны нашей непобѣдимой арміи, радовались и въ плѣну мысли, что ихъ свобода и ихъ жизнь связаны съ торжествомъ Республики и съ вашей личной славой. Они радуются теперь возможности возблагодарить своего избавителя. Намъ было бы очень пріятно, гражданинъ-генераль, выразить вамъ лично наши чувства признательности и увидѣть арену столькихъ побѣдъ, армію, которая ихъ одержала и героя, въ числѣ чудесныхъ дѣяній котораго находится и наше воскрешеніе изъ мертвыхъ. Но вы знаете, что мы еще не на полной волѣ. Въ Гамбургѣ мы распрощались съ нашими тюремщиками, изъ Гамбурга же шлемъ и благодареніе ихъ побѣдителю. Привѣтъ и почтеніе“.

Лафайетъ  
Латуръ-Мобуръ  
Бюро де Пюзи.

---

\*) Очень любопытныя „записки князя Таллейрана-Перигора, собранныя и издаанныя графиней О..... де К.....“ существуютъ и въ русскомъ переводѣ.



## XXII.

Заслышавши вѣсть объ освобожденіи Лафайета, со всѣхъ сторонъ съѣзжались въ Гамбургъ его друзья, желавшіе обнять „апостола и мученика свободы“. Проживавшіе въ Гамбургѣ американцы поднесли ему адресъ, поэтъ Клонштокъ и историкъ Архтенгольцъ поспѣшили съ нимъ познакомиться. Отовсюда стекались къ нему письма и поздравленія съ наступленіемъ лучшихъ дней. Одною изъ первыхъ и теперь откликнулась госпожа Сталь:

„Надѣюсь, что это письмо еще застанетъ васъ, писала она ему; я такъ желала бы быть одною изъ первыхъ, излившихъ предъ вами чувства негодованія, скорби, надежды, страха, безпокойства и отчаянія, попеременно волновавшихъ мою душу въ теченіе этихъ пяти лѣтъ. Быть можетъ, страшныя воспоминанія о прошломъ для васъ слишкомъ тяжелы, но все же осмѣливаюсь вамъ сказать, что въ то время, когда клевета не пощадила ни одной репутаціи, когда, не будучи въ состояніи доставить торжества своему дѣлу, мятежники обрушивались на личности своихъ противниковъ, ваши несчастія застраховали вашу репутацію и если ваше здоровье можетъ поправиться, то, значитъ, вы выходите обновленнымъ изъ той могилы, въ которой ваше имя пріобрѣло лишь новый блескъ.

„Поѣзжайте прямо во Францію! У васъ нѣтъ другого отечества! Вы найдете тамъ Республику, къ которой вы стремились чувствами и тогда, когда разсудокъ заставлялъ васъ оставаться вѣрнымъ королевской власти; вы найдете эту Республику, увѣнчанною побѣдами; въ ней не совершается болѣе

тѣхъ преступленій, которыя опозорили ея зарю. Вы будете поддерживать теперь Республику, ибо не можетъ въ настоящее время во Франціи быть свободы безъ Республики; вы же, герой и мученикъ-свободы, вы, человѣкъ до такой степени ей преданный, что я всегда произношу одновременно эти два имени, вы поймете, что я этимъ хочу сказать и чего бы желала я для счастья и благоденствія Франціи.

„Идите же во Францію! Вы найдете тамъ преданныхъ вамъ друзей; мнѣ же позвольте надѣяться, что мои постоянныя, хотя и бесполезныя о васъ заботы, дадутъ мнѣ нѣкоторое право интересоваться вашей судьбой“.

Это и многія другія полученныя Лафайетомъ письма отъ самыхъ извѣстныхъ своею преданностью свободѣ лицъ могутъ служить лучшимъ доказательствомъ того глубокаго интереса, который возбуждала его многолѣтняя дѣятельность, всегда направленная къ одной и той же цѣли. Но легко было сказать—„поѣзжайте во Францію“, да какъ было это сдѣлать, если въѣздъ туда былъ официально Лафайету воспрещенъ. Надо было подумать объ убѣжищѣ, въ которомъ можно было бы хоть временно преклонить голову.

Первые дни своего пребыванія въ Гамбургѣ Лафайетъ посвятилъ, кромѣ приѣма посѣтителей, на составленіе благодарственныхъ писемъ Гугеру, Фитцъ-Патрику, Макле и другимъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ его освобожденіи и только, исполнивши этотъ долгъ, онъ сталъ помышлять объ убѣжищѣ. Здоровье Адриены не позволяло и думать объ Америкѣ, Голландія также казалась неудобною и Лафайетъ остановился на Голстиніи. Тамъ, въ

Витмондѣ, проживали въ это время сестра Адриенны госпожа де Монтагю и тетка Лафайета графиня де Тессе. Встрѣча была самая трогательная. Обнимая сестру, госпожѣ де Монтагю казалось, что она „нашла снова не только сестру, но и мать, и другую сестру де Ноай, и всѣхъ, кого она потеряла“. Съ Лафайетами поселились вмѣстѣ Латуръ Мобуръ и Бюро де Пюзи, а также прибывшіе къ нему въ Гамбургъ его старые офицеры Теодоръ Ламетъ и Целле. Маленькое общество это скоро сдѣлалось магнитомъ, притягивавшимъ къ себѣ множество выдающихся людей въ Европѣ. Здѣсь попрежнему безъ умолку говорили о политикѣ и строили планы на будущее. Здѣсь относились по прежнему съ гораздо меньшимъ негодованіемъ къ Революціи, лишившей ихъ всего чѣмъ къ эмигрантамъ и принцамъ, навлекшимъ столько бѣдствій на Францію. Можно было, поэтому, предсказать, какъ будетъ вести себя это общество во время Реставраціи. Что касается самого Лафайета, то, по рассказамъ современниковъ, „онъ до такой степени мало измѣнился, что слушая его какъ будто молодѣешь. Съ нимъ неотлучно жили лишь Декларація Правъ и заря Революціи. Остальное было не болѣе, какъ случайностью, очень печальною, конечно, но все же случайностью, которая также мало должна обезкураживать добраго гражданина, какъ испытанное кораблекрушеніе истиннаго моряка“. Такимъ же остался этотъ замѣчательный человѣкъ и до конца дней своихъ: личная отвага, вѣра въ счастливыя судьбы Франціи и свѣтлое будущее человѣчества не покидали его до могилы. Кромѣ того, онъ былъ удивительно простъ въ обращеніи со всѣми, черта, заставлявшая мно-

гихъ любить его до самозабвенія. „Жильберъ,— писала госпожа де Монтаню графинѣ де Грамонъ, также добръ, также простъ въ обращеніи, также нѣженъ и также мягокъ въ спорахъ, какъ и прежде. Онъ совершенно таковъ же, какимъ Вы его знали. Онъ нѣжно любить своихъ дѣтей и, несмотря на наружную флегму, страстно любитъ жену“...

Пробывши пять недѣль въ Витмондѣ, Лафайетъ нанялъ домъ въ Ленкуленѣ, возлѣ своей теткѣ де Тессе, которую особенно любилъ за ея полную солидарность съ его воззрѣніями. Это время для Лафайета и его семейства было періодомъ такъ давно желанной Адріеною частной жизни и семейныхъ радостей. Братъ Латуръ Мобура Карлъ попросилъ руки старшей дочери Лафайета Анастасьи, на что, какъ сама Анастасья, такъ и ея родители изъявили полное согласіе. Въ это же время изъ Моунтъ-Вернона пріѣхалъ навѣстить родителей ихъ сынъ Жоржъ. Онъ привезъ отцу письмо отъ Вашингтона. Великій американецъ писалъ своему другу о своемъ участіи къ его страданіямъ, о своихъ усиліяхъ придти къ нему на помощь, о принимавшихся имъ мѣрахъ для его освобожденія и о радости, которую онъ испыталъ при извѣстіи, что окончились, наконецъ, всѣ несправедливости преслѣдовавшей Лафайета судьбы. Письмо заканчивалось такими строками: „если бы воспоминанія о прошломъ или какія либо другія обстоятельства привели васъ, вашу жену или вашихъ дочерей въ Америку, то, помните, что никто изъ жителей этой страны не приметъ васъ съ такою сердечностью, какъ madame Вашингтонъ и я; наши сердца полны любви и уваженія къ вамъ и вашей семьѣ“. Съ



этого времени возобновилась оживленная переписка между Вашингтономъ и Лафайетомъ. Тогда же Лафайетъ началъ писать свои мемуары, которые называлъ „Воспоминаніями по выходѣ изъ тюрьмы“. Въ этихъ „Воспоминаніяхъ“ онъ отстаиваетъ свою обычную точку зрѣнія, съ которой и разсматриваетъ всѣ событія французской революціи и всѣхъ ея дѣятелей. О себѣ и о своей роли онъ говоритъ съ большою скромностью: „мнѣ удавалось нерѣдко производить большое впечатлѣніе на буйныя и предубѣжденные аудиторіи, но я не былъ никогда ни государственнымъ человѣкомъ, ни ораторомъ“. Въ своемъ убѣжищѣ въ Голстиніи Лафайетъ и окружающіе его продолжали явно выражать свои симпатіи къ опредѣленнымъ понятіямъ и даже ихъ эмблемамъ. Такъ, они ходили не иначе, какъ въ шляпахъ съ трехцвѣтными кокардами, чѣмъ рѣзко отличались отъ французскихъ эмигрантовъ. Но дѣло вовсе не кончалось одною внѣшностью. Столь же открыто заявилъ Лафайетъ одному изъ представителей правительства Директоріи о своемъ отвращеніи къ восемнадцатому фруктидору \*). Директорія отвѣтила на это распоряженіемъ продать съ аукціона немногія оставшіяся въ Бретани имѣнія Лафайета. Въѣздъ во Францію, разумѣется, еще болѣе затруднился. Адриена, какъ имѣющая право въѣзда въ отечество, отправилась по семейнымъ дѣламъ во Францію и тамъ воочію убѣдилась въ своемъ полномъ раззореніи. Американская война, революція, тюрьма, изгнаніе, все это поглотило окончательно принадлежавшее Лафайетомъ когда то

---

\*) 18 фруктидора т. е. 4 сентября 1797 годъ Директоріей было произведено сокр. d'état, съ цѣлью низложить Совѣтъ Старѣйшинъ и Совѣтъ Пятисотъ.

громадное состояніе. Пробывши нѣсколько времени въ Парижѣ, Адріена отправилась со своею второю дочерью въ Овернь, повидаться съ своей старой теткой де Шаваньякъ. Тѣмъ временемъ Лафайетъ съ сыномъ перебрались изъ Голстиніи въ Віаненъ, недалеко отъ Утрехта. Уловія жизни здѣсь были лучше, чѣмъ въ Голстиніи, такъ какъ послѣ побѣды Пишегрю надъ англичанами штатгальтерство было въ Голландіи уничтожено и семь провинцій, объединившись подъ именемъ Батавской Республики, управлялись законодательнымъ Собраніемъ, избравшимся непосредственно самимъ народомъ. Въ Голландіи Лафайетъ прожилъ до 1799 года пока Питту не удалось организовать новую коалицію противъ Франціи и овладѣть Голландіей. Жоржъ Лафайетъ и братъ Латуръ Мобура Викторъ поступили на службу въ голандскія войска, но самъ Лафайетъ не зналъ, куда ему преклонить голову. Въ письмѣ отъ девятнадцатаго сентября 1799 года онъ писалъ своей женѣ: „вотъ уже два года, дорогая Адріена, какъ мы вышли изъ той тюрьмы, въ которую вы принесли мнѣ столько утѣшенія и свѣта и теперь, когда къ пяти годамъ заключенія уже прибавилось два года изгнанія, я все еще не могу предложить вамъ надежнаго убѣжища и увѣренности, что ничто болѣе насъ не разлучитъ. Какъ бы намъ въ ожиданіи этого устроиться такъ, чтобы провести вмѣстѣ хоть часть нынѣшней зимы. Вотъ вопросъ, который я себѣ задаю и на который не умѣю отвѣтить. Не знаю, достаточноли для защиты Голландіи силъ генерала Брюна и его галло-батавской арміи“. Расчеты англичанъ, а потому и опасенія Лафайета, были основаны главнымъ образомъ на возможности въ Голландіи контръ-рево-

люціи. Тогда Адріена рѣшилась обратиться за помощью къ одному изъ новыхъ Директоровъ Сійэсу \*) и испросить у него разрѣшеніе на вѣздъ Лафайета во Францію. Сійэсъ отвѣчалъ, что желалъ бы и самъ его видѣть въ отечествѣ, но считаетъ теперь это неудобнымъ. На томъ и кончился разговоръ. Къ счастью, главнокомандующій англійской арміей герцогъ Йоркскій былъ разбитъ, и англійскія войска принуждены были совершенно очистить Голландію. Около этого же времени изъ Египта вернулся Бонапарте. „Онъ можетъ сдѣлаться повелителемъ Франціи, писалъ о Наполеонѣ Лафайетъ Латуръ Мобуру, и наша судьба будетъ вполне зависѣть отъ того, насколько наше возвращеніе во Францію входитъ въ его расчеты и дальнѣйшія намѣренія, а, вѣдь, вы помните его слова въ Италіи о томъ, что я никогда не долженъ возвращаться во Францію“. Лафайетъ написалъ, по совѣту Адріены, письмо Бонапарте, но оно осталось безъ отвѣта. Будущій императоръ готовился въ это время поставить самую главную карту въ своей игрѣ: онъ подготовлялъ восемнадцатое брюмера. Черезъ

---

\*) Аббатъ Сійэсъ, авторъ знаменитаго камфлета, „что такое третье сословіе?“ пережилъ въ числѣ немногихъ другихъ Конституанту, Законодательное Собраніе (Легислативу), Конвентъ, эпоху Террора, Директорію, Консулатъ, Имперію, Реставрацію и Іюльскую Революцію 1830 года. „Въ великой Революціи онъ игралъ такую же роль, говорилъ про него Лафайетъ, какъ архіепископъ Тулузскій при старомъ режимѣ. Всѣ ожидали видѣть въ немъ большаго человѣка и удивлялись, находя его такимъ маленькимъ“. Проживши бурную жизнь, Сійэсъ умеръ въ 1836 году восьмидесяти восьми лѣтъ. Тѣло его похоронено на извѣстномъ, Парижскомъ кладбищѣ Père Lachaise, названнаго такъ по имени духовника Людовика XIV Лашеза, у котораго была на этомъ мѣстѣ дача. Тамъ же поконится и прахъ Казимира Перье, Тьера, Берне, Гарнье-Паже, Лафонтена, Мишле, Луа-Блана, Альфреда Мюссе, Ледрю Роллена, Араго и многихъ другихъ знаменитостей.

нѣсколько времени этотъ эпилогъ перваго тома французской Революціи сталъ совершившимся фактомъ. Франція покорилась своему новому кумиру и звѣзда перваго консула загорѣлась на горизонтѣ ослѣпительно яркимъ свѣтомъ. Восемнадцатымъ брюмера VIII года Французской Республики, т. е. девятымъ ноября 1799 года (по новому стилю) начинается совершенно новый періодъ исторіи Франціи, въ которомъ, также какъ и въ предыдущихъ, Лафайету опять пришлось играть выдающуюся роль.

Лафайетъ не медлилъ. Считая этотъ моментъ наиболѣе для себя удобнымъ, онъ, не прося никакого разрѣшенія, немедленно отправился въ Парижъ. Чувства, волновавшія его незадолго передъ этой „самовольной“ поѣздкой онъ вылилъ въ такомъ письмѣ къ женѣ. „Закончить Революцію ко благу человѣчества, повліять на принятіе мѣръ, полезныхъ моимъ соотечественникамъ, упрочить свободу, залечить раны, воздать должное мученикамъ великаго дѣла — вотъ цѣли, которыя я себѣ ставлю и достиженіе которыхъ умиротворитъ мое сердце! Но я не погружусь всецѣло въ политическую жизнь, я лишь сдѣлаю попытку, и затѣмъ клянусь честью, моею любовью къ вамъ и тѣнями тѣхъ, кого мы оплакиваемъ, ничто болѣе не будетъ въ состояніи заставить меня отказаться отъ моего давнишняго плана, — уйти въ совершенно частную жизнь и провести въ ней остатокъ дней“.

Примѣръ Вашингтона неотлучно находился при Лафайетѣ и сообразоваться въ своихъ поступкахъ со взглядами своего великаго учителя было для него какъ бы обязанностью.



Черезъ нѣсколько дней Лафайетъ былъ уже въ Парижѣ, и первымъ его дѣломъ по прибытіи въ городъ, который онъ не видѣлъ болѣе семи лѣтъ, было письменное обращеніе къ Бонапарте съ такими строками:

Гражданинъ-Консулъ! съ того времени, когда ольмюцкіе плѣнники освободились, благодаря вамъ, изъ своего заключенія и до эпохи, когда свобода моего отечества наложила на меня относительно васъ важныя обязанности, я еще мирился съ продолженіемъ моей опалы, которая не соотвѣтствовала болѣе требованіямъ государства. Теперь я прибылъ въ Парижъ. Прежде чѣмъ даже повидаться здѣсь съ моими друзьями, я не колеблюсь ни одной минуты увѣдомить объ этомъ васъ. Это происходитъ вовсе не отъ моего сомнѣнія въ своемъ правѣ быть на мѣстѣ повсюду, гдѣ Республика утверждена на достойныхъ ея основаніяхъ, но исключительно ради исполненія обязанности выразить вамъ еще разъ мою благодарность.“

Бонапарте страшно разсердился при извѣстіи о прибытіи Лафайета. Таллейранъ поспѣшилъ увидѣться съ „самовольно прибывшимъ“, нарисовать ему возможность плохихъ для него послѣдствій гнѣва всемогущаго консула и убѣждать его вернуться въ Голландію. Лафайетъ остался непреклоненъ. Бонапарте, въ свою очередь, не рѣшился принять по отношенію къ нему насильственныхъ мѣръ и оба они заняли на нѣкоторое время выжидательное положеніе. Наконецъ, Лафайетъ уѣхалъ въ Лагранжъ, Бонапарте рѣшился принять относительно его систему будто бы полного игнорирования. Онъ старался показать видъ, что забылъ о самомъ существованіи Лафайета и отъ души же-

лалъ, чтобы и другіе дѣлали тоже. Будущій императоръ доходилъ въ этомъ отношеніи до мелочей: такъ когда перваго февраля 1800 года ректоръ парижскаго университета Фонтанъ хотѣлъ произнести „похвальное слово“ Вашингтону, то Бонапарте разрѣшилъ это лишь подъ условіемъ, чтобы въ рѣчи Фонтана не упоминалось ни однимъ словомъ о Лафайетѣ. Онъ былъ даже недоволенъ тѣмъ, что сынъ Лафайета Жоржъ присутствовалъ на этомъ торжествѣ \*).

Между тѣмъ, Лафайетъ, дѣйствительно, почти ушелъ въ частную жизнь, стремясь лишь на сколько возможно быть полезнымъ своимъ друзьямъ. Такъ, когда одиннадцатаго вантоза VIII года Республики (Перваго марта 1800 г.) Консульство рѣшило вычеркнуть изъ списка эмигрантовъ тѣхъ членовъ Національнаго Собранія, которые представляютъ начальнику полиціи удостовѣреніе въ томъ, что они „вотировали за установленіе равенства и уничтоженіе дворянства“, то Лафайетъ написалъ Фуше \*\*), чтобы это было распространено на Латуръ-Мобура,

---

\*) Бонапарте почти никогда не говорилъ въ это время о Лафайетѣ даже съ своими придворными. Герцогиня Абрантесъ, отецъ которой Пермонъ совершилъ съ Лафайетомъ американскую компанію и находился въ сношеніяхъ съ Вашингтономъ, оставила многотомныя „Записки о Наполеонѣ, революціи, директоріи, консульствѣ, имперіи и возстановленіи Бурбоновъ“. Въ этихъ запискахъ, несмотря на свою близость къ Наполеону она почти ничего не говоритъ о Лафайетѣ. Книга эта переведена на русскій языкъ Ксенофонтомъ Полевымъ.

\*\*) Жозефъ Фуше, одинъ изъ членовъ крайней лѣвой въ Конвентѣ, пережили всѣ послѣдующія событія и былъ при Наполеонѣ министромъ полиціи и герцогомъ Отрантскимъ. Онъ умеръ въ 1820 году. „Когда я вспоминаю Мунье (одного изъ членовъ Учредительнаго Собранія), сказалъ, однажды, Наполеонъ, я вѣрю въ доброту человѣческой природы: но, когда я поговорю съ герцогомъ Отрантскимъ, я раскаяваюсь въ своемъ легковѣріи“.

Бюро де Пюзи и другихъ ушедшихъ съ нимъ изъ Франціи лицъ, такъ какъ, оставляя отечество, они отнюдь не имѣли въ виду вредить установленному конституціей принципу равенства. Ходатайство Лафайета было принято и его друзья, равно какъ и онъ самъ, были вычеркнуты изъ списка опальныхъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого Лафайетъ былъ принятъ въ первый разъ Бонапарте. „Я вспомнилъ при этомъ, писалъ Лафайетъ, пріемъ, нѣкогда сдѣланный мнѣ Фридрихомъ Великимъ“. Зайдя вслѣдъ затѣмъ къ Таллейрану, Лафайетъ встрѣтился у него съ Жозефомъ Бонапарте, который пригласилъ его въ Мормонтель на празднованіе заключенія новаго торговаго договора съ Америкой тридцатаго сентября 1800 года. Здѣсь онъ снова встрѣтился съ первымъ консуломъ и говорилъ съ нимъ больше и свободнѣе, чѣмъ при официальномъ пріемѣ.

— Вы, конечно, нашли французовъ очень охладѣвшими къ свободѣ, — сказалъ Лафайету Бонапарте.

— Да, но они болѣе созрѣли для пользова-  
нія ею.

— Это имъ надоѣло... Вашимъ парижанамъ, на-  
примѣръ... Увѣряю васъ, что лавочники не хотятъ  
болѣе свободы.

— Я не знаю еще результатовъ всѣхъ преступ-  
леній и неистовствъ, которыя опозорили самое имя  
свободы, но, повторяю, что французы, болѣе чѣмъ  
когда либо, достойны свободы, и они ждутъ ее отъ  
васъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на Америку и на  
участіе Лафайета въ дѣлѣ созданія американской  
независимости. Отозвавшись по обыкновенію во-

сторженно о Вашингтонѣ и его сподвижникахъ, Лафайетъ указалъ Бонапарте на отличительную черту американскаго президенства, — на его простоту и отсутствіе всякой пышности.

— Но, вы согласитесь, конечно, прервалъ его съ живостью Бонапарте, что во Франціи это было бы невозможно.

Лафайетъ промолчалъ.

Вскорѣ послѣ того, Лафайетъ сталъ получать отъ перваго консула черезъ разныхъ лицъ предложенія занять разныя должности въ государствѣ, но рѣшительно отъ всего отказывался. Кабанисъ и Таллейранъ предложили ему именемъ Бонапарте мѣсто сенатора и, когда и на это послѣдовалъ отказъ, то первый консулъ послалъ къ нему объясниться по этому поводу генерала Матье Дюма. „Никто и не думаетъ о тираніи, сказалъ посланному при этомъ Бонапарте, а Лафайетъ, кажется, считаетъ меня за тирана“.

— „Удаленіе отъ дѣлъ, отвѣчалъ Лафайетъ Дюма, составляетъ максимумъ возможной для меня уступчивости; если Бонапарте будетъ служить свободѣ, онъ можетъ быть увѣренъ въ моей ему преданности, но я не хочу не признавать самодержавія, ни самому быть его членомъ“.

Покушеніе на жизнь Бонапарте посредствомъ „адской машины“ третьяго нивоза обязало Лафайета снова сдѣлать визитъ первому консулу. Во время этого визита Бонапарте пытался затронуть самыя чувствительныя струны Лафайета, дабы привлечь его на свою сторону. Онъ сообщилъ ему, между прочимъ, о полученномъ имъ письмѣ отъ будущаго Людовика XVIII, въ которомъ претендентъ на французскій престолъ просилъ возвести его на



тронъ предковъ. „Они обѣщаютъ мнѣ за это, продолжалъ Бонапарте, воздвигнуть высокій монументъ, на которомъ буду изображенъ я, возвращающимъ корону королю. Я отвѣчалъ, что мнѣ будетъ страшно стоять на такомъ пьедесталѣ... Возвратить имъ власть было бы съ моей стороны самою позорною низостью... Вы можете не одобрять моего правленія, можете считать меня деспотомъ, но всѣ увидятъ, и вы въ томъ числѣ, работаю ли я для себя или для блага будущихъ поколѣній... И могу ли я, глава новаго движенія, я, котораго Революція, котораго вы и всѣ другіе патріоты, выдвинули на занимаемый мною постъ, могу ли я отдать власть тѣмъ людямъ, которые жаждутъ только мщенія... Меня сильно ненавидятъ государи Европы и всѣ ихъ окружающіе, но ихъ ненависть ко мнѣ ничто въ сравненіи съ ненавистью, которую они питаютъ къ вамъ... Я даже не допускалъ, чтобы человѣческая ненависть могла заходить такъ далеко... Самъ чертъ не пойметъ, какимъ образомъ республиканцы были настолько глупы, чтобы допустить хоть на одну минуту мысль о коренномъ различіи вашего дѣла съ дѣломъ Республики... За то теперь они отдають вамъ справедливость и притомъ полную справедливость...“

При слѣдующей встрѣчѣ Бонапарте сказалъ Лафайету:

— У васъ еще столько жизни, что вы легко могли бы исполнять обязанности сенатора.

— Я предпочитаю частную жизнь, отвѣчалъ Лафайетъ.

— Прощайте, генералъ Лафайетъ, сказалъ съ едва скрываемою досадою Бонапарте.

Послѣ заключенія Франціею съ Англіею, Испа-

нією и Голландією Аміенскаго мира (двадцать седьмого марта 1802 года), Лафайетъ сдѣлалъ визитъ бывшему въ Парижѣ лорду Корнвалиссу и затѣмъ заѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ Жозефу Бонапарте. При слѣдующей же встрѣчѣ съ Лафайетомъ первый консулъ отозвалъ его въ сторону и сказалъ ему съ насмѣшкою.

— Лордъ Корнвалиссъ находитъ, что вы несправимы.

— Въ чемъ?—съ живостью возразилъ Лафайетъ. Въ моей любви къ свободѣ? Да что же и могло заставить меня измѣнить взгляды? Преступленія и неистовства террористовъ? Это могло меня побудить только еще болѣе ненавидѣть режимъ самовластія и еще сильнѣе проникнуться убѣжденіемъ въ справедливости моихъ принциповъ.

— Но вы говорили съ лордомъ Корнвалиссомъ о нашихъ дѣлахъ.

— Рѣшительно не помню, но никто, разумѣется, не далека болѣе отъ мысли чернить предъ англійскимъ посланникомъ положеніе нашихъ дѣлъ, нежели я. Однако, если бы онъ спросилъ меня: называю ли я теперешній режимъ свободою, я отвѣтилъ бы ему, — нѣтъ, хотя съ болѣющимъ удовольствіемъ сказалъ бы это всякому другому, нежели ему.

— Я долженъ васъ предупредить, генераль Лафайетъ, продолжалъ серьезнымъ тономъ Бонапарте, что вашей манерой выражаться о дѣлахъ правительства вы даете возможность врагамъ отечества опираться на авторитетъ вашего имени.

— Но что же я могу съ этимъ сдѣлать, — отвѣчалъ Лафайетъ. — Я веду частную жизнь и не вмѣшиваюсь въ государственныя дѣла. Но всякій

разъ, когда меня спрашиваютъ, согласенъ ли вашъ режимъ съ исповѣдуемыми мною принципами, я отвѣчаю: нѣтъ. Я могу заставить себя быть осторожнымъ, генераль, но я не хочу сдѣлаться ренегатомъ.

— Что разумѣете вы подъ самовластнымъ режимомъ? Вашъ режимъ не былъ самовластнымъ, я согласенъ съ этимъ. Но, чтобы обуздать вашихъ враговъ, у васъ было свое средство: народныя возстанія. Я былъ еще въ партерѣ, когда вы были уже на сценѣ, но я хорошо наблюдалъ... Да, чтобы вразумить бездѣльниковъ, вы прибѣгали къ возмущеніямъ...

— Если вы, въ свою очередь, подъ возмущеніемъ разумѣете народное возстаніе въ іюль 1789 года, то вы правы. Но кромѣ него, я болѣе никогда не прибѣгалъ къ этой мѣрѣ. Я даже усмирилъ не одно возмущеніе. Большая часть ихъ была направлена противъ меня. а если вы обращаетесь къ моей революціонной опытности, то я скажу вамъ, что именно эти мѣры являлись причиною всѣхъ совершенныхъ революціей несправедливостей и всѣхъ уклоненій отъ истинной свободы и что мѣры эти лишь вредили революціи, а въ концѣ концовъ и ихъ творцамъ.

— Но, вѣдь, вы согласитесь со мною, что при томъ состояніи, въ которомъ я нашелъ Францію, я тоже былъ вынужденъ прибѣгать къ неправильнымъ мѣропріятіямъ („à des mesures irrégulières“).

— Не въ томъ дѣло, отвѣчалъ Лафайетъ. Я не говорю ни объ опредѣленномъ моментѣ, ни о томъ или другомъ отдѣльномъ актѣ. Я сожалею, я сокрушаюсь объ общемъ направленіи вашего режима, да, генераль, объ общемъ направленіи“.

Бонапарте перемѣнилъ тонъ.

— До сихъ поръ я съ вами говорилъ, какъ глава правительства и въ качествѣ такового имѣлъ основанія на васъ жаловаться; но какъ частный человѣкъ, я очень доволенъ, потому что, какъ бы вы не осуждали дѣйствія правительства, вы, повидному, очень расположены лично ко мнѣ“.

Первый консулъ не ошибался: свободная Франція съ Бонапарте во главѣ представлялась въ это время Лафайету наиболѣе желательною формою государственной организаціи; но, по мѣрѣ того какъ Консулатъ становился все болѣе и болѣе самовластнымъ, Лафайетъ все болѣе и болѣе расходился съ правительствомъ. Учрежденіе должности пожизненнаго консула было совершено по инициативѣ сверху, и граждане должны были своими голосами лишь легализовать совершившійся фактъ. Лафайетъ отказался вотировать за такой актъ, написавши на избирательномъ билетѣ: „я не могу вотировать за подобное учрежденіе до тѣхъ поръ пока политическая свобода не будетъ достаточно гарантирована. Если это случится, то тогда я подамъ голосъ за Наполеона Бонапарте“, и дабы это заявленіе не было неправильно перетолковано, онъ просилъ передать Бонапарте письмо, въ которомъ находились такія строки:

„Невозможно, чтобы вы, генералъ, первый въ своемъ родѣ, съ которымъ никто не можетъ сравняться изъ жившихъ въ теченіе вѣковъ, желали, чтобы результатомъ Революціи, результатомъ столькихъ жертвъ, побѣдъ, потоковъ крови, потрясеній и подвиговъ, явился режимъ самовластія. Французскій народъ слишкомъ хорошо узналъ свои права, чтобы совершенно о нихъ забыть... Для меня дѣло



идеть о принципахъ и обязанностяхъ всей моей жизни, и я воздерживаюсь подать свой голосъ до того времени, пока конституція будетъ учреждена на основаніяхъ достойныхъ націй и васъ... Надѣюсь, генераль, что вы признаете и теперь, какъ вы это, однажды, уже сдѣлали, что постоянство моихъ политическихъ убѣжденій не мѣшаетъ мнѣ быть искренно расположеннымъ лично къ вамъ“...

Едва ли существовалъ другой человѣкъ во Франціи того времени, который взялъ бы на себя смѣлость написать уже всемогущему тогда Наполеону подобное письмо. Ни откуда на этотъ благородный поступокъ не послѣдовало и отклика кромѣ письма изъ Рима, которое гласило: „я всегда буду вѣрить въ человѣческую природу, потому что среди людей существуете вы. Посылаю вамъ выраженіе моего искренняго сочувствія съ высотъ Капитолія, тѣни мужей котораго васъ благословляютъ“. Авторомъ этого письма была госпожа Сталь.

### XXIII.

Учрежденіе имперіи заставило Лафайета окончательно уйти въ частную жизнь. Наполеонъ не простилъ ему этого и всю свою непріязнь къ „неисправимому человѣку“ перенесъ на его сына Жоржа, служившаго въ военной службѣ. Не смотря на то, что Жоржъ отличился и былъ раненъ въ битвѣ при Минсіо, спасъ жизнь генералу Груши, у котораго состоялъ адъютантомъ, не смотря на двукратныя представленія со стороны начальства молодого офицера къ чину капитана, Наполеонъ оба раза собственноручно вычеркнулъ его изъ награднаго списка. Видя такое къ себѣ отношеніе, Жоржъ

ждалъ только мира, чтобы выйти въ отставку. Взявши отпускъ для леченія раны, онъ женился на Эмилии де Траси, отецъ которой, находившійся въ числѣ депутатовъ Конституанты, былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей и сторонникомъ возрѣній Лафайета. Около этого же времени и вторая дочь Лафайета Виргинія вышла замужъ за маркизаде Ластери. (Имя Виргиніи скоро стало извѣстно, какъ автора книги „*Notice sur madame de La Fayette par sa fille*“). Эти семейныя радости озарили счастьемъ немногіе остававшіеся уже дни жизни Адриены. Послѣднимъ ея дѣломъ были розыски мѣста погребенія ея казненныхъ въ эпоху Террора родныхъ. Съ большимъ трудомъ удалось узнать, что всѣ гильотинированные въ послѣдніе мѣсяцы Террора были брошены въ особо вырытыя ямы въ пустынной мѣстности, лежащей по дорогѣ въ Сень-Манде, вблизи развалинъ стариннаго монастыря. Мѣсто это называлась Рісрусъ. Герцогиня Гогенцолернъ, братъ которой былъ также погребенъ на этомъ полѣ мертвецовъ, купила Рісрусъ и обвела мѣсто успокоенія казненныхъ длинною оградой. Госпожи Лафайетъ и Монтагю хотѣли поставить тамъ памятникъ своимъ роднымъ; объ этомъ проектѣ узнали родственники и другихъ казненныхъ и открыли подписку на сооруженіе общаго памятника. Собранная сумма оказалась настолько значительною, что скоро сочли возможнымъ реставрировать часть древняго монастыря и устроить часовню, въ которой стали совершаться заупокойныя служенія. Въ стѣны часовни были вдѣланы металлическія доски, на которыхъ выбили имена трехсотъ пятидесяти человѣкъ гильотинированныхъ въ самое послѣднее время Террора и погребенныхъ въ Рісрусъ.

Самъ Лафайетъ занимался въ это время съ увлеченіемъ сельскимъ хозяйствомъ. Его убѣжище служило по прежнему магнитомъ для разнаго рода знаменитостей: въ числѣ своихъ гостей онъ видѣлъ въ это время Карла Фокса, пріѣзжавшаго къ нему съ женой, Фитцъ-Патрика и многихъ другихъ. Переписка съ Америкой наполняла также часы досуга отшельника. Онъ до конца жизни интересовался судьбою Заатлантической Ресублики и въ письмахъ къ Джефферсону высказывалъ искреннюю радость по поводу прочнаго развитія въ Америкѣ республиканскихъ учрежденій. Посреди такой мирной жизни судьба нанесла Лафайету жестокій ударъ, отнявши у него на Рождество 1807 года его лучшаго друга, неизмѣнную спутницу его жизни Адриену, обратившуюся къ нему и на смертномъ одрѣ со словами, заключавшими въ себѣ главнѣйшее основаніе ея существованія: „je suis toute à vous...“ („я вся ваша„). По желанію умершей, ея тѣло было погребено въ томъ самомъ Рісрус'ѣ гдѣ покоились ея мать, сестра и бабушка. Лафайетъ былъ неутѣшенъ. Свою скорбь онъ вылилъ въ длинномъ письмѣ къ Латуръ Мобуру, предъ которымъ всегда открывалъ свою душу:

„Я еще не писалъ вамъ изъ той бездны несчастья, въ которую ввергла меня смерть жены, — писалъ ему Лафайетъ. До сихъ поръ я чувствовалъ себя всегда сильнѣе обстоятельствъ, но теперь обстоятельства сильнѣе меня... Я никогда не подымусь на прежнюю высоту духа. Въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ супружеской жизни съ Адриеной, ея любовь, ея доброта, возвышенность характера, нѣжность и великодушіе очищали и украшали мое существованіе, и я до такой степе-

ни привыкъ къ ней, что считалъ ея жизнь чѣмъ то нераздѣльнымъ съ моею. Ей было всего четырнадцать лѣтъ, когда сердце ея привязалось ко всему тому, что составляло интересъ моей жизни. Я былъ всегда увѣренъ въ своей любви къ ней, но лишь теперь, оставшись одинъ, я почувствовалъ все свое одиночество, я увидѣлъ, какъ мало представляетъ теперь интереса моя жизнь, отданная, казалось бы, столь многоразличнымъ дѣламъ, я убѣдился, что нѣтъ болѣе для меня не только счастья, но даже простого благополучія“.

Нарисовавши затѣмъ подробными и полными любви штрихами образъ своей покойной жены, Лафайетъ продолжалъ:

„Вы знаете сами ея поведеніе во время Революціи. Сколько надо было имѣть благородства, чтобы не перемѣнить имя, которое грозило ей столькими опасностями! Каждую изъ своихъ просьбъ, каждое заявленіе она неизмѣнно подписывала словами: „жена Лафайета“... Мое письмо никогда не окончилось бы, если бы я далъ волю чувствамъ, которыя его диктуютъ“...

Лафайетъ благоговѣйно читалъ память своей жены: онъ задѣлалъ всѣ двери въ той комнатѣ, въ которой она скончалась, за исключеніемъ одного маленькаго входа, приказалъ оставить тамъ всѣ вещи въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ находились въ моментъ смерти Адриены и входилъ одинъ или въ сопровожденіи дочерей определенное число разъ въ году въ эту комнату, превратившуюся для него въ храмъ. И, дѣйствительно, это былъ настоящій религіозный культъ усопшей.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за смертью Адриены, Лафайетъ почти не выходилъ



изъ своего уединенія. Между тѣмъ свершились снова міровыя событія: побѣды Наполеона почти надъ всею Европою, его походъ въ Россію, занятіе Москвы, пораженіе, понесенное вслѣдъ затѣмъ французскою арміею, взятіе союзниками Парижа, ссылка Наполеона на Эльбу и реставрація „возвратившихся изъ путешествія“ Бурбоновъ. Всѣ эти событія слѣдовали одно за другимъ съ такою головокружительною быстротою, что въ концѣ концовъ Франція, видимо, истощила весь богатый запасъ своей энергіи. Реставрація прошла спокойно, но дѣло въ томъ, что экономическія реформы, завоеванныя Революціей, т. е. экономическая свобода, ради достиженія которой и совершала переворотъ *масса* третьяго сословія, прочно вошла уже въ жизнь, и никакіе Бурбоны, какъ это показала вся послѣдующая исторія Франціи, не могли установить отличавшій старый режимъ социальный феодализмъ. Что же касается до чисто политической стороны дѣла, то необходимость ея сознавалась опять таки *массою*, а не отдѣльными лицами, класса буржуазіи лишь постолько, поскольку она обезпечивала ея экономическія интересы. Разумѣется, были отдѣльныя лица, которыя дорожили политической свободой *quand même*, но не они, конечно, составляли ту силу, которая имѣла рѣшающее вліяніе на ходъ событій. Но по мѣрѣ того, какъ развивались во Франціи все болѣе и болѣе новыя экономическія отношенія, по мѣрѣ выступленія на историческую арену четвертаго класса и обострившейся его классовой борьбы съ буржуазіей, болѣе и болѣе упрочивались и тѣ завоеванія Великой Революціи, къ которымъ оказалась столь равнодушною *масса* буржуазіи во время Реставраціи. Въ словахъ Напо-

леона Лафайету, — „лавочники не хотятъ болѣе свободы“, была своя доля правды. „Лавочники“ взяли отъ Революціи все, что было въ ихъ прямыхъ экономическихъ интересахъ, а до остального имъ было очень мало дѣла... Но возвратимся къ Лафайету.

Вступленіе иностранныхъ войскъ въ Парижъ заставило его покинуть свое убѣжище и появиться въ столицѣ.

Людовикъ XVIII вступилъ на тронъ. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ царствованія новаго короля было достаточно для того, чтобы возвратить популярность Наполеону. Началось завѣдомое покровительство возвращавшимся толпами во Францію эмигрантамъ и стремленіе, насколько было только возможно, приблизиться къ старому режиму. Съ вѣдома и покровительства двора въ журналахъ появились нападки на Лафайета и его роль въ событіяхъ послѣдней четверти вѣка. Его обвиняли въ двуличномъ поведеніи относительно Людовика XVI и Маріи Антуанеты, а въ одной статьѣ, написанной съ одобренія герцогини Ангулемской, Лафайетъ третиrowался, какъ „негодяй“, который вмѣстѣ съ Байи подстрекнулъ королевскую семью, къ „путешествію въ Вареннъ“, хотя оба они и предвидѣли послѣдствія такого шага. Въ другой статьѣ, напечатанной въ королевской типографіи, Лафайета дѣлали отвѣтственнымъ за событіе шестого октября.

Долго воздерживался Лафайетъ отъ отвѣта своимъ клеветникамъ, но, наконецъ, написалъ брошюру, въ которой яркими чертами обрисовалъ картину стараго режима и въ заключеніе, обращаясь къ ультра-роялистамъ, говорилъ: „никто, какъ вы отвергли реформы Тюрго, Мальзерба и Некера, на которыя соглашался Людовикъ XVI. Ваши интриги

свели къ нулю собраніе нотаблей, въ которомъ защищали вы ваши привилегіи въ 1787 году противъ короля. Тоже дѣлали вы и въ генеральныхъ штатахъ, созданныхъ среди гражданскихъ смутъ, причиною которыхъ были опять таки вы же. Въ Учредительномъ Собраніи ваша бѣшенная оппозиція и ваши вѣроломныя заявленія стремились лишь къ тому, чтобы воспрепятствовать всему доброму и обезпечить торжество зла; а затѣмъ, — всѣ ваши происки и ваша ненависть къ свободѣ, — не онѣ ли вызвали всѣ крайности и преступленія анархій? Вы требовали постоянно вторженія непріятеля во Францію и разрушенія вашего отечества, вы объявили войну всѣмъ сторонникамъ Революціи, т. е. почти всѣмъ французамъ, вы покинули короля и тѣмъ упрочили недовѣріе къ нему, вы ослабили общественный порядокъ, вы усилили этимъ якобинцевъ, вы вызвали терроръ, вы возвели на эшафетъ королевское семейство и столько другихъ жертвъ! И вы теперь расточаете похвалы или порицаніе гражданамъ, которые защищали страну и ея законы, спасали ваши имущества и ваши семьи до тѣхъ поръ пока ваши интриги сдѣлали это невозможнымъ, вы разсыпаете опять таки похвалы или порицаніе воинамъ, которые, разоблачая ваши преступные, матереубійственные замыслы, наполнили поля Европы славою французскаго оружія!.. Но, даже считая прочія условія равными между вами и патріотами, — кто станетъ отрицать, что патріоты дѣйствовали во имя общественнаго блага, вы же исключительно ради сохраненія вашихъ привилегій!“

Эта брошюра была уже въ печати, когда появленіе Наполеона съ Эльбы, заставило Лафайета обра-

тяться къ инымъ злобамъ дня. То были знаменитые Сто Дней. Вскорѣ по прибытіи Наполеона, Лафайетъ получилъ отъ генерала Матье Дюма слѣдующую записку: „принцъ Жозефъ, который всегда хранилъ къ вамъ чувства глубокаго уваженія за вашу преданность дѣлу свободы, желаетъ васъ видѣть. Онъ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ и просить васъ прибыть, сколько возможно скорѣе, въ Парижъ... Если вы хоть сколько нибудь довѣряете мнѣ, если вы не сомнѣваетесь въ постоянствѣ моихъ убѣжденій и моей любви къ независимости дорогаго отечества, то пріѣзжайте... жду васъ завтра“.

Лафайетъ немедленно отвѣчалъ:

„Кризисъ, который мы переживаемъ, не позволяетъ мнѣ колебаться. Мое недовѣріе къ настоящему можетъ лишь равняться моему слишкомъ большому довѣрію къ VIII году Республики. Обнимаю васъ отъ всего сердца“.

Принцъ Жозефъ былъ искрененъ и всегда одобрялъ поведеніе своего брата относительно Лафайета. Онъ былъ сторонникомъ конституціоннаго режима и стремился поддерживать сношенія съ Лафайетомъ и госпожею Сталь. Принявши чрезвычайно любезно Лафайета, Жозефъ старался увѣрить его, что Наполеонъ желаетъ теперь свободы для Франціи. Лафайетъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, характеръ императора, къ сожалѣнію, несовмѣстимъ съ искренностью такихъ желаній. „Каково бы ни было, прибавилъ онъ, мое преклоненіе передъ геніемъ императора и какова бы ни была моя личная къ нему благодарность, но я считалъ несовмѣстимымъ его режимъ съ свободою моего отечества и въ послѣдній годъ горячо желалъ, чтобы



народное возстаніе направилось одновременно и противъ внѣшняго нашествія и противъ внутренняго деспотизма... Я питалъ нѣкоторую надежду на исправленіе Бурбоновъ, на то, что они поймутъ значеніе конституціи и я былъ до послѣдняго дня на ихъ сторонѣ и противъ блестящихъ предпріятій вашего брата; признаюсь и теперь, что я не могу раздѣлять вашихъ надеждъ на будущее, но никогда не поздно постараться исправить свои ошибки и загладить зло, причиненное человѣчеству, а средство для этого, единственное средство, это возбудить духъ націи объявленіемъ, что императоръ приступаетъ немедленно къ созыву палаты народныхъ представителей“.

Принцъ Жозефъ призналъ, что Наполеонъ чувствуетъ отвращеніе къ такому чувству и, что, выступая за границу, онъ боится оставить позади себя Національное Собраніе. „Будетъ палата перовъ, сказалъ онъ, и вы сами знаете, что вы будете первымъ въ спискѣ этихъ перовъ“.

— Я никогда не соглашусь взяться за государственныя дѣла, — отвѣчалъ Лафайетъ, ни путемъ перства, ни какою бы то ни было милостью императора, такъ какъ я человѣкъ *народа* (*je suis un homme populaire*), и только, будучи избранъ народомъ, я покину свое убѣжище. Если я буду избранъ, я присоединюсь къ вамъ, въ качествѣ народнаго представителя, для отраженія иностранцевъ, но и тогда я сохраняю за собою право на независимость“.

Жозефъ передалъ этотъ разговоръ Наполеону и на слѣдующій день Лафайетъ получилъ отъ принца такое письмо:

„Конституціонный актъ будетъ обнародованъ

завтра въ *Moniteur*ѣ и подвергнется обсужденію всѣхъ гражданъ. Сегодня я не буду дома, такъ какъ мнѣ необходимо быть у императора. Поэтому, я не въ состояніи доставить себѣ удовольствія видѣть васъ сегодня же у себя. Надѣюсь, что вы посѣтите меня въ другой разъ, въ день по вашему выбору“.

На слѣдующій день конституціонный актъ быть, дѣйствительно, обнародованъ. Лафайетъ настаивалъ, чтобы актъ этотъ былъ подвергнутъ, какъ можно скорѣе, обсужденію въ палатѣ народныхъ представителей. Обѣдая черезъ нѣсколько дней у принца Жозефа, гдѣ были также Матье Дюма, Себастьяни и Лаваллетъ, Лафайетъ повторялъ: „ваша конституція лучше, нежели та репутація, которой она пользуется; надобно заставить въ нее увѣровать, а для этого надо скорѣе привести ее въ дѣйствіе“.

Однако, Наполеонъ продолжалъ колебаться, опасаясь болѣе всего оставить въ Парижѣ Палату во время своего отсутствія. Лафайетъ уѣхалъ въ Лагранжъ, гдѣ и получилъ декретъ о созывѣ народныхъ представителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Констанъ писалъ ему такія строки: „я полагаю, что вы будете избраны и смотрю на ваше избраніе, какъ на великій шагъ для установленія конституціоннаго режима. Напишите мнѣ, довольны ли вы?“

— „Да, я доволенъ, писалъ ему въ отвѣтъ Лафайетъ, и мнѣ пріятно вамъ это высказать. Непосредственный созывъ Собранія кажется мнѣ, какъ и вамъ, единственнымъ средствомъ спасенія“.

Восьмого мая Лафайетъ былъ избранъ въ палату представителей, и такимъ образомъ, черезъ двадцать три года послѣ перерыва его государственной дѣя-

тельности, снова вступилъ въ качествѣ народнаго избранника въ Національное Собраніе въ минуты одного изъ тягчайшихъ кризисовъ для Франціи. Онъ приготовился снова стать тѣмъ, чѣмъ былъ въ 1789 году т. е. играть ту же роль, исполненіе которой прервали провозглашеніе Республики, ольмюцкое заточеніе, имперія и болѣе чѣмъ десятилѣтнее уединеніе. Онъ чувствовалъ, что событія снова призываютъ его къ дѣятельности и онъ не колебался стать „человѣкомъ дѣйствія“, какъ не колебался въ ранней молодости, какъ не колебался и въ глубокой старости во время іюльской революціи 1830 года...

Предсѣдателемъ Собранія былъ избранъ Ланджюне, также членъ Учредительнаго Собранія 1789 года, противникъ якобинцевъ въ Конвентѣ, а затѣмъ сенаторъ, избранный въ Сенатъ противъ воли Наполеона и, наконецъ, одинъ изъ редакторовъ акта, которымъ Наполеонъ былъ лишенъ престола въ 1814 году. Вице-предсѣдателемъ былъ избранъ Лафайетъ.

Седьмого іюня Наполеонъ открылъ съ большою торжественностью Палату представителей. По окончаніи торжества онъ обратился къ Лафайету со словами:

— Вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ, какъ я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

— Да, сирѣ, уже двѣнадцать лѣтъ, отвѣчалъ Лафайетъ.

Этотъ день Лафайетъ такъ описывалъ въ письмѣ къ своей *belle-fille* Эмилиіи де Трасси:

„Вы будете довольны рѣчью Наполеона, но я все время наблюдалъ за его лицомъ, и оно казалось мнѣ лицомъ стараго деспота, разгнѣваннаго ролюю,

которую обстоятельства принудили его играть. Мы оставались долго около него я и Фложерль въ то время, когда онъ садился въ карету; „я нахожу, что вы помолодѣли, деревенскій воздухъ принесъ вамъ пользу“, сказалъ онъ мнѣ. „Даже очень большую“, отвѣчалъ я ему. Я не могъ сказать ему того же комплимента, такъ какъ онъ очень измѣнился, и его мускулы подергивались. Во время обмѣна этими фразами ни я ни онъ не хотѣли опустить глазъ, и потому каждый изъ насъ прочелъ въ душѣ другого, что тотъ думалъ“.

Въ первомъ же засѣданіи Собранія Лафайетъ высказалъ свое мнѣніе о положеніи дѣлъ въ такихъ словахъ:

„Если мы сумѣемъ сдѣлать собраніе независимымъ отъ Бонапарте и проникнуться идеей, что спасеніе Франціи только въ ней самой, мы будемъ существовать и спасемъ наше отечество; если же Собраніе останется бонапартистскимъ, оно погибнетъ вмѣстѣ съ Бонапарте“.

Двѣнадцатаго іюня императоръ возвратился въ Парижъ съ поля битвы при Ватерлоо. Едва роковая вѣсть распространилась по городу, какъ Собраніе было уже въ сборѣ. Тревожные слухи циркулировали по скамьямъ. Лафайетъ доложилъ Собранію о прибытіи Наполеона и о рѣчи, которую онъ произнесъ въ совѣтѣ министровъ въ перыи же часы по своемъ возвращеніи въ Парижъ: „Мнѣ необходимо быть облеченнымъ чрезвычайными полномочіями, диктатурой“,—сказалъ въ этомъ совѣтѣ Наполеонъ. Чтобы удостовѣриться въ этихъ словахъ, Лафайетъ побывалъ у Фуше, который сказалъ ему: „да, это правда. Наполеонъ полонъ ярости. Онъ хочетъ разогнать перовъ и депутатовъ и сдѣ-



латься диктаторомъ“. Тогда то Лафайетъ взошелъ на трибуну и произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Господа, сказалъ онъ твердымъ голосомъ, — въ первый разъ по истеченіи многихъ лѣтъ съ этой трибуны раздается голосъ, который узнаютъ еще старые друзья свободы; я чувствую себя призваннымъ указать вамъ на опасность для отечества, которое одни вы можете теперь спасти. Распространились мрачныя извѣстія, которыя, къ несчастью, оказались справедливыми. Насталъ моментъ, призывающій васъ соединиться вокругъ стараго трехцвѣтнаго знамени, выражающаго собою свободу, равенство и общественное благо. Это знамя мы должны защищать и противъ иностранцевъ и противъ внутреннихъ враговъ. Позвольте же, господа, ветерану этого дѣла, человѣку, который всегда былъ чуждъ духа мятежныхъ партій, предложить вамъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ постановленій, необходимость коихъ вы, конечно, оцѣните:

1. Палата представителей объявляетъ, что независимость націи находится въ опасности.

2. Палата объявляетъ непрерывность своихъ засѣданій; всякая попытка, направленная къ ея закрытію, должна считаться преступленіемъ и государственной измѣной; кто бы ни былъ виновникъ подобной попытки, онъ будетъ считаться измѣнникомъ отечества и преданъ немедленно суду.

3. Регулярныя войска и національная гвардія, которыя сражались и продолжаютъ сражаться, защищая свободу, независимость и территорію Франціи, заслуживаютъ признательности отечества.

4. Министру внутреннихъ дѣлъ поручается собрать въ главный штабъ войскъ начальниковъ и

старшихъ офицеровъ всѣхъ отрядовъ парижской національной гвардіи и посовѣтываться съ ними о средствахъ вооруженія и привлеченія въ гвардію возможно большаго числа такихъ гражданъ, которыхъ патріотизмъ и испытанное въ продолженіе двадцати шести лѣтъ усердіе представляютъ достаточную гарантію защиты ими дѣла свободы, собственности спокойствія столицы и неприкосновенности представителей націи.

5. Министры военный, иностранныхъ дѣлъ, полиціи и внутреннихъ дѣлъ должны немедленно войти въ составъ Собранія.

Предложенія Лафайета были встрѣчены громомъ аплодисментовъ, и съ этой минуты дѣло Наполеона было безвозвратно проиграно. Первые три пункта предложеній Лафайета были приняты Собраніемъ единогласно; что же касается четвертаго и пятаго, то ихъ также приняли въ принципѣ, но рѣшили привести въ исполненіе послѣ явки въ Собраніе министровъ. Вслѣдъ затѣмъ, по предложенію Дюбуа, рѣшено было принятыя постановленія Собранія отпечатать, расклеить по улицамъ Парижа и разослать во всѣ департаменты. Кромѣ того, поставить о томъ же въ извѣстность палату перовъ и императора.

Узнавши о постановленіяхъ Собранія, Наполеонъ увидѣлъ свое дѣло погибшимъ и находился въ крайней нерѣшительности: мысль объ отреченіи смѣнялась воспоминаніемъ о восемнадцатомъ брюмера; онъ колебался и не зналъ что предпринять. Наконецъ, онъ послалъ своего брата Люціана и всѣхъ министровъ въ Собраніе съ предложеніемъ соединиться обѣимъ Палатамъ и спасти Францію отъ ярма Бурбоновъ. Люціанъ исполнилъ поруче-

ніе брата и предложилъ Собранію избрать изъ своей среды пять комиссаровъ, которые, совмѣстно съ министрами, выработала бы планъ спасенія отечества и заключенія мира съ иностранцами. Въ своей рѣчи Люціанъ умалчивалъ о томъ, что непріятель находится на границѣ, что войска разбиты, казна пуста и страна истощена, а распространялся лишь о необходимости спасти императорскій тронъ. Поднялся одинъ депутатъ и, обращаясь къ министрамъ, спросилъ ихъ, — думаютъ ли они, что Франція въ ея настоящемъ положеніи въ состояніи сопротивляться союзу европейскихъ государствъ, и не представляетъ ли присутствіе Наполеона непреодолимаго препятствія для всякихъ переговоровъ о мирѣ? Министры молчали, и лишь одинъ Фуше, заикаясь и не находя словъ, вымолвилъ наконецъ, что всѣ его товарищи не имѣютъ ничего прибавить къ предложенію принца Люціана. Тогда тотъ же депутатъ, нарисовавши картину положенія Франціи, заявилъ, что она не можетъ достигнуть независимости, пока во главѣ ея будетъ стоять военачальникъ и, обращаясь къ Люціану, заключилъ свою рѣчь словами: „идите къ вашему брату и скажите ему, что лишь путемъ отреченія отъ престола онъ можетъ спасти Францію. Скажите ему, что къ этому принуждаетъ его сама судьба“. Обратившись затѣмъ къ Собранію, онъ предложилъ назначить комиссію, которая потребовала бы отъ Наполеона отреченія, а въ случаѣ его отказа, чтобы „Собраніе само отрѣшило его отъ престола“. Уязвленный такимъ предложеніемъ, Люціанъ снова взошелъ на трибуну и началъ говорить о недостаткѣ у французской націи постоянства. „Подумайте, наконецъ, сказалъ онъ, что наше спасеніе зави-

ситъ только отъ нашего единенія и что вы не можете отдѣлять своего дѣла отъ дѣла императора, не предавая его непріятелю, не губя государства, не нарушая вашей присяги, не позоря національной чести“. При послѣднихъ словахъ Люціана на трибунѣ появился Лафайетъ:

— Какъ! — воскликнулъ онъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ, — вы осмѣливаетесь обвинять насъ въ неисполненіи долга чести и нашихъ обязанностей относительно Наполеона? Неужели вы забыли все, что мы для него сдѣлали! Неужели вы забыли, что кости нашихъ дѣтей и нашихъ братьевъ свидѣлствуютъ о нашей ему вѣрности, и въ сыпучихъ пескахъ Африки, и на берегахъ Гвадалквивира, и на Вислѣ, и въ снѣжныхъ пустыняхъ Россіи? Въ продолженіе десяти лѣтъ три милліона французовъ заплатилось жизнью ради одного человѣка, который и теперь, еще хочетъ бороться противъ Европы! Мы довольно сдѣлали для него! Теперь *наша* обязанность спасти отечество“.

Эта рѣчь произвела громадное впечатлѣніе. Болѣе двадцати ораторовъ всходило на трибуну и требовало отреченія Наполеона.

Наполеонъ продолжалъ пребывать въ нерѣшительности; двадцать перваго іюня онъ назначилъ, наконецъ, въ Тюльри „большой совѣтъ“. Тутъ собрались подъ предсѣдательствомъ Камбасереса предсѣдатель и четыре члена Палаты депутатовъ, пять делегатовъ отъ палаты перовъ и всѣ министры. Въ началѣ засѣданія совѣтъ разсуждалъ о финансовыхъ и военныхъ мѣрахъ, которыя необходимо принять для защиты государства, но всѣ присутствующіе чувствовали, что центръ тяжести дѣла



заключается вовсе не въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Всѣ чувствовали себя какъ то неловко. Наконецъ, Лафайетъ спросивши у министровъ, нужны ли еще какія нибудь жертвы для отечества и заранѣе давая на нихъ свое согласіе, рѣзко поставилъ вопросъ объ отреченіи Наполеона. „Онъ былъ вѣжливъ въ выраженіяхъ, но неумолчимъ въ принятіи рѣшенія“. „Если друзья Наполеона думаютъ, что отреченіе Наполеона необходимо для спасенія отечества, сказалъ одинъ изъ министровъ, то они первые должны этого потребовать“.

— Вотъ слово истиннаго француза, отвѣтилъ на это Лафайетъ, но я измѣняю нѣсколько предложеніе и съ своей стороны предлагаю отправиться всѣмъ къ императору и сказать ему, что послѣ всего происшедшаго его отреченіе необходимо для спасенія отечества.

Тѣмъ не менѣе, Совѣтъ не принялъ никакого опредѣленнаго рѣшенія. Въ палатѣ депутатовъ происходило, между тѣмъ, сильное волненіе. Всѣ желали знать результаты совѣщанія въ Тюльри. Присутствіе императора создавало, по ихъ мнѣнію, съ каждымъ днемъ все новыя и новыя препятствія къ заключенію желаннаго мира. Наполеонъ продолжалъ колебаться, а Люціанъ подстрекалъ его опереться на вѣрныя войска и разогнать Собраніе.

Наконецъ, Лафайетъ послалъ сказать Наполеону, что, если въ самомъ скоромъ времени отъ него не будетъ получено добровольнаго отреченія, то онъ внесетъ вопросъ о лишеніи его трона въ Собраніе. Въ палатѣ депутатовъ уже и назрѣвалъ такой исходъ дѣла, когда получено было отъ Фуше увѣдомленіе, что Наполеонъ диктуетъ свое отреченіе.

Черезъ нѣсколько часовъ министры, дѣйствительно, принесли въ Собраніе это отреченіе и передали его Ланжюине, который и приказалъ немедленно же прочесть его. Послѣ этого Собраніе постановило избрать временную исполнительную комиссію, которая должна состоять изъ трехъ членовъ отъ палаты депутатовъ и двухъ отъ палаты перовъ и послать къ союзнымъ арміямъ нѣсколько уполномоченныхъ для переговоровъ о предварительныхъ условіяхъ мира. Такими уполномоченными были избраны Лафайетъ, Понтекуланъ, д'Арженсонъ, Себастіани и Лафоре. Потомъ къ посольству въ качествѣ секретаря его былъ еще присоединенъ Констанъ.

Велингтонъ заявилъ депутаціи, что, такъ какъ его государь находится въ войнѣ съ французскимъ правительствомъ, то отреченіе Наполеона еще недостаточная причина для заключенія мирнаго договора. Отвѣтъ Блюхера былъ еще грубѣе: онъ заявилъ, что „прекратитъ враждебныя дѣйствія только тогда, когда взойдетъ въ Парижъ и когда Наполеонъ будетъ отданъ въ его руки вмѣстѣ съ венсенскимъ замкомъ и различными укрѣпленіями на границѣ“. Выслушавши такіе отвѣты, депутаціи ничего не оставалось дѣлать, какъ возвратиться въ Парижъ. Черезъ нѣсколько времени столица Франціи была снова въ рукахъ союзниковъ, Наполеонъ сосланъ на островъ св. Елены и наступила эпоха второй реставраціи Бурбоновъ, Лафайетъ снова уѣхалъ въ Лагранжъ.

#### XXIV.

Для лучшей части французскаго общества снова начались годы тяжелыхъ испытаній. Возвратившіе-

ся эмигранты и ободрившіеся роялисты высоко подняли головы и направили всё свои усилія на возстановленіе „старого режима“. Это, конечно, не могло имъ удасться,—соціальный феодализмъ исчезъ безвозвратно,—и приверженцы старого режима выходили изъ себя отъ досады и злобы. Лафайетъ сдѣлался снова мишенью для ихъ самыхъ ожесточенныхъ нападеній.

Въ 1818 году, несмотря на интриги „старыхъ дворянъ“, Лафайетъ снова былъ избранъ въ Палату депутатовъ, но ненависть къ нему была такъ сильна, что Людовикъ XVIII соглашался скорѣе видѣть въ числѣ депутатовъ Грегуара—бывшаго члена Конвента и однимъ изъ первыхъ падавшего голосъ за казнь короля, нежели Лафайета. Когда же, несмотря на все это, Лафайетъ все таки сдѣлался членомъ Палаты, то ему не давали говорить, перебивая его рѣчи то грубыми, то проницательными восклицаніями: „ваши взгляды гнусны! молчать! Провозгласите священную обязанность народа сопротивляться тиранамъ! Онъ все еще воображаетъ себя на бѣломъ конѣ начальникомъ національной гвардіи!“ и т. д. въ томъ же родѣ. Въ 1820 году тѣснившіеся около короля дворяне хотѣли значительно ограничить избирательное право и заготовили въ этомъ смыслѣ проектъ закона. „Этотъ законъ, воскликнулъ Лафайетъ, есть не что иное, какъ объявленіе войны на смерть всёмъ завоеваніямъ Революціи. Роялисты хотятъ окончательно покончить съ началами свободы и равенства. Съ ними можетъ быть одинъ только способъ разговора,—изъ дула ружья!“,—и онъ предложилъ всёмъ гражданамъ, которыхъ новый законъ лишалъ избирательныхъ правъ, подать по этому поводу петицію

королю, обѣщая первымъ дать на ней свою подпись. Предпріятіе роялистовъ не удалось и лишь еще болѣе возбудило ихъ ненависть къ Лафайету. Самыя бурныя сцены происходили въ Палатѣ почти ежедневно, ибо интересы разныхъ класовъ общества были положительно непримиримы. Бури возникали по самымъ ничтожнымъ поводамъ: то изъ за употребленнаго генераломъ Фуа выраженія „славное трехцвѣтное знамя“, то изъ за слова „конституціонный король“, произнесеннаго другимъ депутатомъ, то еще изъ за какой нибудь мелочи. „Вся Франція отвергаетъ дѣла Революціи“, воскликнулъ одинъ депутатъ „правой“. „Вся Франція благословляетъ ихъ“, отвѣчала ему „лѣвая“... О какомъ же примиреніи могла быть тутъ и рѣчь?..

Попытки ограничить свободу печати, (на которыя Лафайетъ отвѣтилъ учрежденіемъ „Общества Друзей Свободы Прессы“), и цѣлый рядъ другихъ мѣропріятій, привели вскорѣ къ сильному распространенію во Франціи тайныхъ обществъ карбонаріевъ. Зародившись въ Италіи, общества эти распространялись по всей Европѣ и нашли себѣ благодарную почву во Франціи временъ Реставраціи. Президентство въ высшей карбонарской „вентѣ“ Франціи было вручено Лафайету. То былъ первый и послѣдній случай, разъ въ его жизни, когда, не удовлетворившись открытою дѣятельностью, онъ вступилъ на путь заговора. Условія жизни въ царствованіе Людовика XVIII толкнули его на эту дорогу. „Я уже довольно пожилъ, сказалъ, однажды, Лафайетъ, близкимъ ему людямъ, рекомендовавшимъ ему осторожность, и мнѣ кажется, что я достойно завершилъ бы свой жизненный путь, поднявшись на эшафотъ во имя свободы“. Слѣдствіе



о заговорахъ карбонаріевъ дало, однажды, нѣкоторыя указанія на прикосновенность къ нимъ Лафайета, Бенжамина Констана, Лаффита, генерала Фуа и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Тогда всѣ они потребовали надъ собою гласнаго суда, а Лафайеть, явившись лично къ королю, сказалъ ему:

„Не смотря на свое равнодушіе къ ненависти и проискамъ враждебной мнѣ партіи, съ которымъ я обыкновенно къ нимъ отношусь, я, однако, долженъ прибавить нѣсколько словъ къ заявленію моихъ почтенныхъ друзей. Въ теченіе всей своей жизни, посвященной всецѣло дѣлу свободы, я постоянно подвергался зложелательству со стороны всѣхъ противниковъ этого дѣла, выступавшихъ въ качествѣ ли деспотовъ, аристократовъ или анархистовъ, безразлично, но имѣвшихъ въ виду всегда борьбу съ свободою. Я не жалуюсь, хотя и имѣлъ бы право находить немножко поспѣшнымъ выраженіе „доказанное“, которое г. генеральный прокуроръ употребилъ относительно моего участія въ заговорѣ. Я присоединяюсь къ моимъ друзьямъ и требую поставить наше дѣло на обсужденіе въ Палатѣ при полной гласности предъ лицомъ всей націи. Вотъ условіе, при которомъ мы и наши обвинители, въ какомъ бы рангѣ они не были, можемъ сказать другъ другу все, что въ теченіе тридцати трѣхъ лѣтъ накопилось у cadaго изъ насъ на душѣ“.

На эту мѣру, разумѣется, не рѣшились, и слѣдствіе было прекращено.

Послѣ этого Лафайеть задумалъ осуществить свое давнишнее желаніе и побывать еще разъ въ Америкѣ „Недѣли двѣ тому назадъ, писалъ ему по этому поводу президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединен-

ныхъ Штатовъ Монрое, — я послалъ вамъ черезъ г. Брауна письмо, въ котромъ извѣщалъ васъ о нашемъ желаніи отправить въ какой либо изъ французскихъ портовыхъ городовъ по вашему выбору фрегатъ, дабы на немъ вы могли пріѣхать въ Соединенные Штаты. Нынѣ прибавлю, что Конгрессъ постановилъ выразить вамъ отъ лица всей націи его искренній привѣтъ и горячее желаніе увидѣть васъ снова еще разъ на нашей землѣ. Время, которое вы избрали бы для этой цѣли, всецѣло зависить отъ васъ. Каково бы ни было въ этомъ отношеніи ваше рѣшеніе, вамъ стоитъ только написать мнѣ, и я тотчасъ же сдѣлаю распоряженіе о посылкѣ въ назначенный вами портъ корабля, который васъ доставитъ въ страну, васъ усыновившую и объ оказанныхъ ей вами услугахъ сохраняющую самую благодарную память. Посылая вамъ это постановленіе Конгресса, присоединяю къ нему и собственные чувства глубокаго къ вамъ уваженія“.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1825 года шестидесятилѣтній Лафайетъ, не видѣвшій Америки около сорока лѣтъ, вышелъ на американскомъ кораблѣ изъ Гавра въ Атлантическій океанъ, и пятнадцатаго августа артиллерійскіе залпы въ Нью-Йоркѣ возвѣстили жителямъ этого города о прибытіи славнаго путешественника. Едва ли когда и коронованныя лица удостоивались такихъ триумфальныхъ встрѣчъ, какими было полно путешествіе Лафайета по Америкѣ. Когда корабль подошелъ къ Нью-Йорку, ему на встрѣчу вышло судно, на которомъ находились депутаты отъ города, генералы и офицеры милиціи и болѣе двухсотъ именитѣйшихъ гражданъ Нью-Йорка, среди которыхъ Лафайетъ узналъ нѣсколь-

кихъ старыхъ товарищей по войнѣ за американскую независимость. Они горячо обнимали и привѣтствовали Лафайета, котораго удалось увидѣть послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. Въ это время оркестръ исполнялъ арію: „ou peut au être mieux qu'au sein de sa famille“!) \*) Наконецъ, оба корабля пристали къ берегу, и Лафайетъ былъ встрѣченъ громомъ привѣтствій двухсотъ-тысячной толпы. Составившаяся изъ старыхъ участниковъ войны „гвардія Лафайета“, отличительнымъ знакомъ которой былъ висѣвшій на груди cadaго-изъ „гвардейцевъ“ портретъ прибывшаго гостя, предложила ему сдѣлать смотръ выстроенной милиціи. По мѣрѣ того какъ онъ приближался къ отдѣльнымъ частямъ войскъ, предъ нимъ склонялись знамена, на которыхъ красовались ленты съ надписью: „добро пожаловать, Лафайетъ!“ Эти же слова были написаны повсюду; они же повторялись безпрерывно многотысячной толпой. По окончаніи смотра Лафайета посадили въ коляску, запряженную четверкой бѣлыхъ лошадей и повезли въ городскую ратушу. Тамъ меръ города встрѣтилъ его такою рѣчью: „Малое число оставшихся въ живыхъ вашихъ товарищей по оружію не забыли и ихъ потомки никогда не забудутъ молодого и храбраго француза, который посвятилъ свою молодость, свои таланты, свое состояніе и свои силы американскому дѣлу, который проливалъ свою кровь за ихъ свободу и счастье. Они будутъ воспоминать съ глубокимъ душевнымъ волненіемъ до тѣхъ поръ пока они только будутъ достойны тѣхъ благъ, которыми они наслаждаются, все то, что вы сдѣлали для завоеванія имъ этихъ благъ.

---

\*) Гдѣ можно чувствовать себя лучше, чѣмъ въ нѣдрахъ своей семьи.

Они не забудутъ, что вы присоединились къ ихъ отцамъ въ самый критическій моментъ борьбы, связавши свою судьбу съ судьбою тѣхъ, участь которыхъ казалась почти безнадежною. Полъ-вѣка протекло со времени этихъ великихъ событій, и за это время ваше имя сдѣлалось столь же неравно связаннымъ съ понятіемъ о свободѣ и столь же дорого вашимъ друзьямъ на континентѣ Европы, какъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Американскій народъ чтитъ васъ, какъ дорогого отца; отечество взираетъ на васъ, какъ на возлюбленнаго сына. Поведеніе моихъ согражданъ доказываетъ нынѣ ложность утвержденія тѣхъ, которые говорятъ, будто Республики всегда неблагодарны къ своимъ благодѣтелямъ. Именемъ гражданъ Нью Йорка, именемъ всего народа Соединенныхъ Штатовъ еще разъ повторяю уже принесенныя вамъ поздравленія съ прибытіемъ“.

Послѣ этой рѣчи двери залы ратуши растворились и въ нихъ хлынула несмѣтная толпа народа. Лафайетъ сдѣлался положительнымъ кумиромъ этого народа, не знавшему какъ выразить ему свой восторгъ: матери протягивали къ нему своихъ дѣтей и просили благословить ихъ, и едва только черезъ два часа удалось вырвать Лафайета изъ рукъ толпы и отвезти въ роскошно убранный City Hotel, развѣивающійся флагъ на которомъ указывалъ на мѣсто пребываніе „гостя націи.“

Въ такомъ же тонѣ, какъ рѣчь мера, были обращены къ Лафайету и другія безчисленныя привѣтствія „North-American Review“ говорили на своихъ страницахъ: „Лафайетъ буквально *гость народа*. Мы радуемся вмѣстѣ съ тысячами гражданъ, которые слѣдуютъ за нимъ повсюду, куда бы онъ не



направился, возможности отдать дань безкорыстнаго почтенія тому, кто сражался рядомъ съ нашими отцами за наше спасеніе. Но мы радуемся еще болѣе тому нравственному вліянію, которое неминуемо окажетъ на насъ присутствіе Лафайета, ибо не простое зрѣлище открылось сегодня предъ нашими взорами. Предъ нами человѣкъ, который единственно силою своихъ принциповъ, твердо, просто и достойно переносилъ превратности судьбы, человѣкъ, который, сыгравши выдающуюся роль въ двухъ величайшихъ Революціяхъ нашего времени, вышелъ изъ нихъ чистымъ и безупречнымъ, человѣкъ, который среди благополучія и среди бѣдствій, одинаково исповѣдывалъ догматъ общественной свободы въ двухъ полушаріяхъ и сохранялъ то же довѣріе къ свободѣ и на развалинахъ Бастиліи, и на Марсовомъ полѣ, и въ ольмюцкой тюрьмѣ и при деспотизмѣ Бонапарте.“

Изъ Нью Йорка Лафайетъ отправился въ Массачузетъ въ сопровожденіи составившагося изъ американцевъ отряда всадниковъ. Всюду повторялись тѣ же привѣтствія, тѣ же встрѣчи, съ пушечными выстрѣлами и колокольнымъ звономъ. Въ Бостонѣ меръ города сказалъ ему:

„Вы видите, что счастье народа, за которое вы сражались, превзошло всѣ ожиданія. Свобода народа упрочена. Онъ силенъ и смотритъ впередъ безъ страха. Вы проливали вашу кровь за три милліона человѣкъ, а теперь сердца десяти милліоновъ наполнены благодарностью къ вамъ. Движеніе этого народа не есть движеніе буйной черни, но движеніе великаго народа, взволнованнаго серьезнымъ, нравственнымъ и разумнымъ мотивомъ.“

Въ Кембриджѣ профессоръ колледжа въ Гарвар-

дѣ Эверешъ обратился также къ Лафайету съ замѣчательной рѣчью: „въ этомъ году, сказалъ онъ, исполнится пятидесятилѣтіе со времени величайшаго событія въ исторіи человѣчества, т. е. нашей Революціи. За это время сошла уже въ орошенную ихъ кровью землю большая часть великихъ людей, которымъ мы обязаны своею національною независимостью; немногіе изъ нихъ наслаждаются вмѣстѣ съ нами плодами своихъ трудовъ и своихъ жертвъ. И, вотъ, уступая желанію народа, является къ намъ предъ концомъ своего поприща, одинъ изъ такихъ великихъ людей, дабы принять благодарность націи, которой онъ посвятилъ свою молодость.

„Исторія не забыла момента, когда этотъ другъ нашей страны обратился въ 1776 году къ посланнымъ въ Парижъ нашимъ комиссарамъ съ просьбою принять его на службу и отправить въ Америку и, когда комиссары принуждены были отвѣчать ему, — до такой степени наше дорогое отечество было бѣдно и несчастно, — что у нихъ нѣтъ средствъ для того, чтобы снарядить хоть одинъ корабль, то молодой герой воскликнулъ: „въ такомъ случаѣ я снаряжу корабль на собственный счетъ,“ и, не колеблясь, въ нѣжныхъ еще лѣтахъ, онъ покинулъ семейство, богатство, спокойную и счастливую жизнь, дабы принять участіе въ кровавой и сомнительной по исходу нашей Революціи, явился въ ту самую Америку, которая была слишкомъ бѣдна для того, чтобы перевезти его черезъ океанъ...

„Привѣтъ другу нашихъ отцевъ! Добро пожаловать въ нашу землю! Мы счастливы созерцать ваши памятные намъ черты лица! Пользуйтесь по праву триумфомъ. Будьте увѣрены, что въ цѣлой

Америкѣ не найдется ни одного сердца, которое не трепетало бы отъ благодарности при звукѣ вашего имени! Вы получили уже или вскорѣ получите привѣтствія отъ того небольшого числа горячихъ патріотовъ, мудрыхъ мужей совѣта и неустрашимыхъ воиновъ, съ которыми вы вмѣстѣ завоевывали нашу свободу, но тщетно стали бы вы искать вокругъ себя такихъ, которые предпочли бы цѣлые годы жизни одному дню, подобному настоящему, проведенному съ ихъ старымъ товарищемъ по оружію. Гринъ, Кноксъ, Гамильтонъ—умерли; герои Саратоги и Нью-Йорка пали передъ смертью, этимъ единственнымъ врагомъ, котораго они не могли побѣдить; и величайшій изъ всѣхъ, первый мужъ между героями и людьми, другъ вашей молодости, спаситель отечества, покоится въ нѣдрахъ освобожденной имъ земли, на берегахъ Потомака. Вы посѣтите скромное убѣжище Моунтъ-Вернона, но не встрѣтите васъ на его порогѣ тотъ, котораго вы такъ чтили. Его голосъ, тотъ утѣшительный голосъ, который достигалъ до васъ въ самыя австрійскія тюрьмы, не нарушитъ болѣе тишину, принимая васъ у своего очага; но дѣти Америки примутъ васъ именемъ его и воскликнутъ: добро пожаловать, Лафайетъ! трижды поздравляемъ съ благополучнымъ прибытіемъ друга нашихъ отцовъ и нашей страны!“

Въ числѣ старыхъ героевъ войны за независимость находились еще въ живыхъ второй президентъ республики Соединенныхъ Штатовъ Джонъ Адамсъ и Джефферсонъ. Восьмидесятилѣтній Джонъ Адамсъ жилъ въ Квинси, въ маленькомъ простомъ деревянномъ домикѣ. Онъ собралъ у себя все свое семейство для встрѣчи своего стараго друга и,

бросившись къ нему на шею, долго высказывалъ свою радость и по поводу свиданія и той торжественной встрѣчи, которую оказали Лафайету его соотечественники.

Джефферсонъ писалъ Лафайету третьяго сентября: „боюсь, чтобы вы не умерли отъ утомленія, благодаря столькимъ прекраснымъ торжествамъ. Нѣтъ ни одного города, который не просилъ бы васъ къ себѣ. Наша деревня Шарлотевиль настаиваетъ также, чтобы вы посѣтили и насъ. Я помирился съ жителями деревни на томъ, чтобы пригласить васъ только у насъ пообѣдать и теперь, исполняя это порученіе, умоляю васъ не отказать намъ въ нашей просьбѣ. Пріѣзжайте же, мой дорогой другъ, когда только пожелаете. Какое будетъ для меня счастье имѣть возможность поговорить съ вами о нашихъ первыхъ трудахъ, о несчастяхъ прошлаго, надеждахъ на будущее! Да благословитъ и да хранитъ васъ Богъ! Да позволитъ онъ мнѣ васъ увидѣть и васъ обнять!“

Лафайетъ, конечно, заѣхалъ къ Джефферсону и много поговорили между собою оба героя о прошломъ, настоящемъ и будущемъ ихъ отечествъ! Разставшись съ Джефферсономъ, Лафайетъ не зналъ куда ему ѣхать, такъ многочисленны были полученные имъ приглашенія. Каждый изъ двадцати четырехъ штатовъ непременно хотѣлъ видѣть его у себя: ему устраивали самыя трогательныя встрѣчи и проводы, и не разъ слезы текли ручьями по лицу Лафайета, которыхъ онъ не могъ удержать...

Наконецъ, послѣ торжественнаго пріема, оказаннаго ему Конгрессомъ и Сенатомъ, послѣ сотенъ другихъ триумфовъ, Лафайетъ возвратился во Францію. Заново построенный корабль, который дол-



жень былъ отвезти его на родину, назвали Brandwine'омъ, въ воспоминаніе объ одержанной при этомъ мѣстечкѣ побѣдѣ. Знамена всей милиціи низко склонились, когда Лафайетъ вступилъ на корабль... Третьяго октября корабль бросилъ якорь у Гавра. Когда Лафайетъ хотѣлъ сойти на берегъ, то капитанъ корабля Грегори сорвалъ развивавшійся на Brandwine'ѣ американскій флагъ и, подавая его Лафайету, сказалъ: „мы не можемъ передать этотъ флагъ въ болѣе славныя руки. Возьмите его и пусть онъ всегда напоминаетъ вамъ о союзѣ съ американскимъ народомъ...“

Объ единственной въ своемъ родѣ встрѣчѣ Лафайета въ Америкѣ, разумѣется узнали и во всей Европѣ: его друзья торжествовали, враги скрежетали зубами. Беранже написалъ объ отъѣздѣ Лафайета въ Америку стихотвореніе, которое многіе знали наизусть.

Groire immortelle à l'homme de deux Mondes!

Jours de triomphe, éclairez l'univers! \*)

говорилось, между прочимъ, въ этомъ стихотвореніи.

Когда Лафайетъ проѣзжалъ черезъ Руанъ, то жители этого города хотѣли устроить ему сочувственную манифестацію, но жандармы разогнали толпу. Разница между Америкой и Франціей бросалась тогда въ глаза не одному только Лафайету. Наконецъ, десятаго октября Лафайетъ прибылъ въ Лагранжъ. Тутъ толпа напомнила его долгъ, осыпала привѣтствіями, называла „другомъ народа.“

Въ теченіе всего 1825 года Лафайетъ не выѣзжалъ изъ Лагранжа, будучи погруженъ въ занятія сельскимъ хозяйствомъ и переписку съ выдающи-

---

\*) Безсмертная слава человѣку двухъ полушарій! Дни торжества освѣтите вселенную!

мися дѣятелями Старого и Нового Свѣта; онъ откликнулся всей душой на стремленія къ независимости имѣвшія мѣсто въ Португаліи, Греціи и Южной Америкѣ, ободряя своими письмами Боливара, прозваннаго „Вашингтономъ Южной Америки.“

Между тѣмъ, вступленіе на французскій престолъ въ 1824 году Карла X не только не улучшило внутренняго состоянія Франціи, но еще болѣе усилило реакцію. Въ 1827 году Лафайетъ снова былъ избранъ депутатомъ и въ манифестѣ къ избирателямъ упомянулъ о нарушеніи французскимъ правительствомъ правъ, признанныхъ хартіей и о своемъ стремленіи бороться за эти права до послѣдней минуты жизни. Два слѣдующіе года были временемъ глухой борьбы между правительствомъ Карла X и народными представителями. Реформа избирательнаго закона, имѣвшаго въ виду ограничить число избирателей, служила особенною причиною борьбы. „Всѣ, платящіе налоги, должны участвовать лично или черезъ своихъ представителей въ государственномъ управленіи“, говорилъ Лафайетъ и сдѣлалъ это положеніе главнымъ пунктомъ своей программы. Въ августѣ онъ задумалъ посѣтить мѣсто своего рожденія, Овернь. Это путешествіе превратилось въ рядъ антиправительственныхъ манифестацій. Въ Пюи иллюминировали, по случаю прибытія Лафайета, весь городъ, а на другой день въ честь его состоялся банкетъ: „будьте увѣрены, сказалъ на этотъ банкетъ Лафайетъ, что, если существуетъ заговоръ противъ общественной свободы, то Палата Депутатовъ, также какъ и сама нація, найдутъ силы для обузданія заговорщиковъ“. Въ Греноблѣ былъ устроенъ такой же банкетъ; въ отвѣтъ на провозглашенный за его здоровье однимъ

изъ жителей города тостъ, Лафайетъ сказалъ: „здѣсь развивалось первое знамя свободы; здѣсь найдется въ случаѣ надобности и опять якорь спасенія“. Подобныя же манифестаціи происходили и въ другихъ большихъ и малыхъ городахъ, черезъ которыя проѣзжалъ Лафайетъ. Въ мартѣ 1830 года Лафайетъ говорилъ: „какъ бы плохо ни было министерство, но не въ этомъ зло. Король хочетъ управлять самовластно; его министры даже не совѣтники, а простыя орудія. Я думаю, что надо быть готовымъ ко всему“. Семидесятилѣтній Лафайетъ, какъ и въ дни своей юности, снова становится главою оппозиціи. Политическія манифестаціи, которыя ему постоянно устраивали французы, не предвѣщали ничего хорошаго для Карла X, и разразившаяся черезъ четыре мѣсяца послѣ словъ Лафайета, что „надо быть готовымъ ко всему“ іюльская Революція послужила тому яснымъ доказательствомъ. Карлъ X бѣжалъ въ Англію, и на французскій престолъ вступилъ Луи-Филиппъ.

## XXV.

Все значеніе Революціи 1830 года состоитъ въ томъ, что она еще болѣе перенесла центръ тяжести классоваго господства отъ аграріевъ къ капиталистамъ. Перераспредѣленіе соціальной силы во французскомъ обществѣ, завершившееся въ первую треть XIX вѣка, вызвало этотъ результатъ. Лафайетъ,—идеалистъ чистой воды и, тѣмъ не менѣе, безсознательный носитель и выразитель классовыхъ стремленій „третьяго сословія“, принималъ и въ этомъ событіи крупнѣйшее участіе. Характеръ его роли въ событіяхъ тридцатаго года опредѣляется его рѣчью, произнесенною съ трибуны седьмого августа:

„По чувствамъ я республиканецъ, сказалъ онъ. Это я заявлялъ много разъ и передъ многими правительствами, но это не мѣшало мнѣ всегда быть защитникомъ конституціонной монархіи. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, господа, что намъ необходимо создать *народный тронъ*: мнѣ кажется также, что выборъ государя, на которомъ вы остановились очень хорошъ. Я еще болѣе укрѣпился въ этомъ мнѣніи, когда его лучше узналъ. Но я несогласенъ со многими изъ васъ по вопросу о наслѣдственности перства“.

„Народный тронъ, установленный во имя суверенитета націи и окруженный республиканскими учрежденіями,—вотъ чего мы хотимъ“, писалъ Лафайетъ скорѣ послѣ Революціи 1830 года въ одномъ письмѣ.

Когда Собраніе рѣшило предложить такой „народный тронъ“ Луи-Филиппу, и когда новый „король-гражданинъ“ появился на балконѣ l'Hôtel de Ville'я передъ стотысячной толпой, то сопровождавшій короля Лафайетъ обнялъ его, сказавши: „вотъ, король, котораго намъ надо было; предложивши ему тронъ, мы сдѣлали все, что могли, въ качествѣ республиканцевъ“ \*).

„Народный тронъ“ Луи-Филиппа оказался, по совершенно яснымъ причинамъ, трономъ, созданнымъ буржуазіей, явившейся въ это царствованіе полнымъ властелиномъ Франціи. Это владычество буржуазіи развило въ теченіе восемнадцатилѣтняго царствованія „короля-гражданина“ новый общественный классъ, ставшій принимать все болѣе и

---

\*) Приписываемую Лафайету знаменитую фразу, будто бы сказанную имъ Луи-Филиппу—„вы—лучшая республика“, онъ положительно отрицалъ.



болѣе сознательное участіе въ классовой борьбѣ, а, стало быть, и политической жизни Франціи. Это сказалось съ особенною наглядностью въ 1848 году. Но Лафайетъ не дожилъ уже до этихъ событий и потому говорить о нихъ не входитъ въ планъ нашего очерка.

Послѣдніе четыре года своей жизни Лафайетъ занимался корреспонденціей съ выдающимися американцами и хлопотами о помощи народамъ, желавшихъ свергнуть чужое иго. Принималъ онъ участіе и въ политической жизни Франціи въ качествѣ депутата, но годы брали свое: „Въ палатѣ Депутатовъ, говоритъ Гейне, можно было видѣть человѣка съ сѣдыми кудрями, который иногда засыпалъ среди самыхъ бурныхъ рѣчей ораторовъ“... „Онъ слыхалъ и не такія!“, прибавляетъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ Гейне. Въ 1833 году Лафайетъ имѣлъ еще разъ случай высказать свои убѣжденія въ манифестѣ къ избирателямъ. Манифестъ этотъ не только выражалъ собою итогъ всѣхъ многолѣтнихъ убѣжденій Лафайета, но въ немъ звучали и новыя согласныя съ духомъ времени, ноты. Онъ гласилъ, что „французамъ нѣтъ никакой надобности платить по двѣсти франковъ, чтобы быть здравомыслящими и избирать честныхъ депутатовъ... Имущество вовсе не гарантія здраваго смысла, благоразумія и мудрости... Обученіе должно быть свободно... Отечество обязано давать всякому первоначальное образованіе...“

Девятаго мая 1834 года Лафайетъ простудился и слегъ въ постель. Болѣзнь не поддавалась леченію и все болѣе и болѣе усиливалась. Все многочисленное семейство умирающаго окружило его одрѣ. Онъ уже не говорилъ и даже было неизвѣстно, нахо-

дится ли онъ въ сознаніи. Но, вотъ, его сынъ, Жоржъ, замѣтилъ, что умирающій ищетъ что то неувѣренной рукой на своей груди. Сынъ пришелъ на помощь отцу и подалъ ему медальонъ, который Лафайетъ всегда носилъ на своей груди. Умирающій прижалъ медальонъ къ губамъ. Это было его послѣднее движеніе... Въ медальонѣ находилось портретъ и волосы его жены, Адриены... „Такъ, будучи разлученъ уже съ цѣлымъ міромъ, говоритъ Гизо, онъ умеръ съ мыслью о подругѣ своей жизни“... Этого было двадцатаго мая 1834 года.

Тѣло Лафайета было похоронено въ Рісрис'ѣ, рядомъ съ Адриеной. Американцы прислали на его могилу и своей земли, которая, такимъ образомъ, смѣшалась съ французскою. Въ послѣдствіи прахъ Лафайета былъ перенесенъ въ Пантеонъ, гдѣ покоятся останки Вольтера, Руссо, Монжа, Фенелона, Бертоле, Кювье, Лапласа, Виктора Гюго и другихъ замѣчательныхъ на разныхъ поприщахъ дѣятелей Франціи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ извѣстіе о смерти Лафайета было встрѣчено всеобщею скорбью. По распоряженію Конгресса и Сената, во всѣхъ штатахъ былъ наложенъ мѣсячный трауръ. Затѣмъ Конгрессъ поручилъ сыну Джона Адамса, Джону Квинси Адамсу обрисовать личность и характеръ покойнаго въ присутствіи президента Республики, министровъ, посланниковъ и многочисленной публики. „Похвальное слово“ это было встрѣчено американцами съ энтузіазмомъ и отпечатано въ шестидесяти тысячахъ экземпляровъ для раздачи народу. Такъ почтилъ американскій народъ память усыновленнаго имъ великаго человѣка.

---

Лафайетъ не былъ ни великимъ мыслителемъ, ни государственнымъ мужемъ, ни выдающимся писателемъ, ни блестящимъ ораторомъ, но онъ, какъ никто другой, былъ яркимъ представителемъ того, конечно, огромнаго меньшинства среди правящихъ классовъ Франціи XVIII вѣка людей, которые поняли задачи своего времени и безповоротно примкнули къ начавшемуся тогда великому общественному движенію. „Въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, — говоритъ знаменитый нѣмецкій мыслитель, — процессъ разлагенія среди господствующаго класса внутри всего стараго общества достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ классу, несущему знамя будущаго“. Именно къ числу такихъ людей и принадлежалъ Лафайетъ. Онъ и его друзья были типичными идеологами класса, шедшаго на смѣну того, къ которому они принадлежали по рожденію. Новый классъ, классъ буржуазіи, казался *тогда* не одному только Лафайету „народомъ“, представителемъ и выразителемъ высшихъ запросовъ человѣческаго духа и носителемъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Строй, созданный этимъ классомъ, оказался, по выраженію другого нѣмецкаго мыслителя, „самой злой, отрезвляющей каррикатурой на блестящія обѣщанія философовъ XVIII вѣка“, но во первыхъ это ясно *теперь*, *post factum*, а во вторыхъ строй именно *этотъ*, а не какой нибудь другой, создаетъ изъ самого себя всѣ необходимые элементы для окончательнаго торжества истинной справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Эта мысль принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ обоимъ цитированнымъ мыслителямъ. Идеи Лафайета—

идей, несомненно уже устарѣвшія въ современной Европѣ. „Глаголь“, которымъ европейскіе пророки „жгутъ сердца людей“, заключаетъ въ себѣ не за- вѣтныя мысли маркиза и Декларации Правъ 1789 года, но не въ идейной сторонѣ дѣла и состоитъ значеніе личности Лафайета. Значеніе ея, — въ вѣрности знамени и политической религіи, измѣ- нить которымъ не могли заставить Лафайета ни преслѣдованія якобинцевъ, ни австрійскіе казематы, ни едва сдерживаемый гнѣвъ всемогущаго Наполе- она. Въ этомъ постоянствѣ, въ этой беззавѣтной преданности своимъ принципамъ и заключается поучительность біографіи одной изъ замѣчательнѣй- шихъ, выдвинутыхъ новой исторіе Франціи, лич- ностей.





## Замѣченныя опечатки:

<i>Стр.</i>	<i>Строка сверху.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
1	21	играетъ	игралъ
1	22	Badoux	Bardoux
9	27	Лафайета	Лафайетъ
15	1	затя	зятя
27	12	<i>есть</i> перваго октяб <sup>ря</sup>	<i>отъ</i> перваго октяб <sup>ря</sup>
27	21	поспѣилъ	поспѣшилъ
28	6	въ отвѣтъ	въ отвѣтъ
54	2	того движенія	этого движенія
61	1	1875	1775
86	42	совершенный	современный
		соціализмъ	соціализмъ
88	28	marchauds	marchands
89	12	знамени	знамени
120	12	вѣными	вѣрными
139	24	послано	послала
178	17	несовѣстнымъ	несовмѣстнымъ
223	5	au	on
224	30	привѣтствія	привѣтствія
224	30	говорили	говорила
229	19	gloire	gloire
225	11	разлаженія	разложенія
236	14	исторіе	исторіей



## ИЗДАНИЯ МАГАЗИНА

# „КНИЖНОЕ ДѢЛО“,

Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ,

### И НАХОДЯЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ:

- Андерсонъ, Р.** Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Съ рисунками и картами. М. 98. Ц. 50 к.
- Вертильонъ, Ж.** Приемы собиранія и разработки статистическихъ свѣдѣній. Перечисл. населенія. Со вступительною статьей проф. А. Θ. Фортунатова: „О научной обработкѣ статистич. матеріаловъ“. Ц. 1 р. 50 к.
- Брежнано, Л.** Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Перев. Дена и Святловскаго 2-го. Ц. 75 к.
- Вейнбергъ, П.** „Для дѣтей“ (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисунками. Ц. въ изящ. переп. 1 р. 50 к.
- Веригинъ, Н. А.** Г. Песталоцци. Біограф. оч. Съ портретомъ. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
- Гаазъ, Θ.** Д-ръ. Албука христіанскаго благочервія. Ц. 25 к.
- Гаазъ, Θ.** Д-ръ. Призывъ къ женщинамъ. Ц. 25 к.
- Гиддингсъ, Ф. Г.** Основы соціологіи. 2-е изд. М. 98. Ц. 1 р.
- Головачевъ, А. А.** Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872 Ц. 1 р. 50 к.
- Головачевъ А. А.** Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Спб. 1881 Ц. 1 р. 25 к.
- Грантъ-Алленъ.** Жизнь растений. Попул. бесѣды. Съ 51 рис. Ц. 60 к.
- Гроссе, Э.** Формы семей и формы хозяйства. Ц. 1 р.
- Денъ, В.** Къ ученію о цѣнности. Три очерка. I. Адамъ Смитъ. — II. — Давидъ Рикардо. — III. Карлъ Родбертусъ - Ягцовъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Джемсъ, В.** Стоитъ ли жить? Ц. 20 к.
- Дрейфусъ, К.** Мировая и соціальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.
- Дюкло, Е.** Защита отъ болѣзней. 1898 г. Ц. 15 к.
- Демолень.** Новыя педагогическія направленія. Ц. 1 р.
- Зиммель, Г.** Проблемы философіи исторіи. Ц. 60 к.
- Каблуковъ, Н. А.** Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Ц. 1 р. 75 к.
- К-ва, М.** Очерки и замѣтки. Содержаніе: Слабый ростокъ.— Швея.— Съ крутизны.— Вечеръ.— Что говорятъ о женщинахъ писатели иностранныя и русскіе. Ц. 1 р.

- Кардо-Сысоева, Н. Е. Не въ деньгахъ счастье. Повѣсть для дѣтей. Ц. 50 к. въ издѣ. перепл. 80 к.
- Кардо-Сысоева, Н. Е. Три разсказа для дѣтей. Съ рисунками. Ц. 85 к. въ папкѣ 1 р.
- Квасковъ, Я. Г. Реформа библиотечнаго дѣла. Ц. 25 к.
- Кейра, Ф. Воспитаніе характера (оттискъ изъ кн. Фуллера: „Темпераментъ и характеръ“). Ц. 10 к.
- Кирхенгеймъ, А., фонъ. Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. Ц. 45 к.
- Клоддъ, Э. Первобытныи человѣкъ. Съ рис. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Кнаппъ, Г. Ф. Виды организаціи труда въ сельской промышленности. М. 1897. Ц. 50 к.
- Крымскій, А. Е. Мусульманство и его будущность. Ц. 75 к.
- Ланге. Эмоція (психо-физиологическій очеркъ). Ц. 30 к.
- Ле-Дантекъ, Ф. Живое вещество. Съ двумя статьями его „Жизнь и смерть“ и 6 чертежами. Ц. 75 к.
- Ле-Дантекъ, Ф. Индивидуальная эволюція и наследственность. Ц. 75 к.
- Легренъ, М. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 к.
- Маллесонъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей. М. 1898. Ц. 50 к.
- Масе. Писторія кусочка хлѣба. Изд. 2-е. Спб. 1874 г. Съ 20-ю табл. рис. Ц. 75 к.
- Милль, Д. С. Автобіографія. Ц. 75 к.
- Милль, Д. С. Огюсть Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта. Ц. 1 р.
- „На добрую память изъ русскихъ писателей“. Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 к. въ издѣ. перепл. 1 р. 50 к.
- Паульсенъ, Ф. Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе. Ц. 40 к.
- Поллокъ, Ф. Исторія политическихъ ученій. Ц. 40 к.
- Proust & Ballet. Гигіеническое дѣленіе неврастеній. Переводъ д-ра М. И. Петрункевича. Ц. 1 р.
- Ревилль, Ж. Религія въ Римѣ при Северахъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. М. 98 т. Ц. 80 к.
- Святловскій 1-й, В. В. Фабричный рабочій (изъ наблюденій фабричнаго инспектора). Варшава. 1898. Ц. 3 р.
- Святловскій 2-й, В. В. Государственное страхование рабочихъ въ Германіи. Ц. 50 к.
- Святловскій 2-й, В. В. Брентано, его жизнь, воззрѣнія и школа. Съ портретомъ Брентано. Ц. 1 р. 50 к.
- Соболевъ, М. Н. Очерки изъ исторіи всемірной торговли въ связи съ развитіемъ экономической жизни. Ц. 1 р. 20 к.
- Сорель, А. Монтеסקье. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ проф. П. Г. Виноградова. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Ц. р. 50 к.
- Тейлоръ, И. Происхожденіе аріевъ и доисторическій человѣкъ. Съ 30-ю рисунками. Ц. 1 р. 25 к.



- Теннисонъ, А. Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Бедо-  
рова, со ст. П. П. Иванова. „Теннисонъ и его поэзія“ и  
портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.
- Токвиль, А. Демократія въ Америкѣ. Переводъ съ 14 франц.  
изд. В. Н. Лидъ. М. 1897. XV+628 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.
- Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Полный пере-  
водъ безъ пропусковъ и сокращеній. Ц. 1 р.
- Фрейманъ, В. Ф. Свойства, классификація, и каталогизировка  
библіотекъ. Ц. 25 к.
- Фулье, А. Темпераментъ и характеръ. Ц. 1 р.
- Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданск. община. Ц. 2 р.
- Чаннингъ, Э. Исторія Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ. Ц. 1 р.
- Шелли. Сочиненія. Въ перев. К. Д. Бальмонта. Вып. 5-й. Ц. 75 к.
- Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Ц. 75 к.

Поступили въ продажу новыя иллюстрированныя изданія:

## «ИСТОРИЯ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Юганна Шерра,

со множествомъ гравюръ, картинъ, портретовъ, автографовъ,  
факсимиле и отдельныхъ прилож. Всѣ клише для этого изда-  
нія сдѣланы за границей. Перев. съ посл. нѣм. изд. подъ ред.  
и съ примѣч. П. И. Вейнберга. Отдѣлы русской и славянск.ой  
литературы обработаны болѣе подробно и самостоительно.  
Книга составляетъ два большихъ тома, болѣе 1000 стр. Цѣна 9 р.



„Ф А У С Т Ъ“  
Г Е Т Е

Части I и II.

Иллюстрированный рисунками Лиценъ-Майера, Зейна и др. Со  
обширными критическими примѣч. Бофезона, Кунъ-Финшера,  
Юрьева и др. Перев. Н. Н. Голубанова. Часть I. ц. 1 р. 50 к.  
часть II—1 р. 75 к. Обѣимъ частямъ вмѣстѣ цѣна 3 р. За изящ-  
ный переплетъ каждой части по 50 коп.



# Въ магазинѣ „КНИЖНОЕ ДѢЛО“

Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

## ИЗДАНІЯ НАУЧНО - ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

1. **Товвицъ.** Старый порядокъ и революція. Подъ редакціей проф. *И. Г. Виноградова*. 350 стр. Цѣна 50 к. (Распродано).

2. **Вюильменъ.** Біологія растений. Пер. *Н. А. Петровскаго*. Подъ редакц. *К. А. Тимарязева*. 290 стр., 74 рис. 1897 г. Ц. 50 к.

Содержаніе: *Введеніе. Жизнь растений. Книга 1-я.* Клеточная жизнь растений. *Книга 2-я.* Индивидуальная жизнь растений. *Книга 3-я.* Общественная жизнь растений.

3. **Гринъ.** Краткая исторія англійск. народа. Пер. *В. Я. Богучарскаго*. Подъ ред. *Н. Н. Шапошникова*. Вып. I. 340 (VIII + 332) стр. 1897 г. Ц. 50 к.

Содержаніе: *Отдѣлъ I. Англійскія королевства 607—1013 гг.* Британія и Англія.—Англійское завоеваніе.—Королевство Нортумбріи.—Три королевства. Уэссексъ и датчане.—Вест-Саксонское королевство.—*Отдѣлъ II. Англія подъ властью нунеев-земельныхъ королей 1013—1264 гг.* Датскіе короли.—Англійская реставрація.—Нормандія и норманды.—Завоеватель.—Нормандское завоеваніе.—Возрожденіе англійской народности.—Англія и Анжу.—Генрихъ Второй.—Паденіе анжуйцевъ.—*Отдѣлъ III. Великая Хартія 1204—1265 гг.* Англійская литература при нормандскихъ и анжуйскихъ короляхъ.—Іоаннъ.—Великая Хартія.—Университеты.—Генрихъ Третій.—Нищенствующіе ордена.—„Война бароновъ.—*Отдѣлъ IV. Три Эдуарда. 1265—1360 гг.* Завоеваніе Уэльса.—Англійскій парламентъ.—Завоеваніе Шотландіи.—Англійскіе города.—Король и бароны.—Борьба Шотландіи за независимость.—*Отдѣлъ V. Страны между войнъ. 1336—1455 гг.* Эдуардъ III.—„Добрый парламентъ“.—Джонъ Уиклифъ.—Крестыанское возстаніе.—Ричардъ Второй.—Ланкастерскій домъ.—Жанна д'Аркъ.

4. **Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища. Пер. *М. В. Павловой*. Съ предисловіемъ проф. *А. Н. Павлова*. Вып. I. 64 стр., 2 табл., 16 рис. 1897 г. Ц. 12 к.

Содержаніе: Введеніе. *Глава 1-я.* Какъ сохраняются вымершія чудовища.—Неполнота геологической лѣтописи. *Глава 2-я.* Морскіе скорпионы. *Глава 3-я.* Рыбы прошедшихъ временъ.

5. **Тойнби.** Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣт. Съ предисл. проф. А. П. Чупрова. 347 (XVII+330) стр. 1898 г. Ц. 50 к.

Содержаніе: I. Введеніе.—II. Англія въ 1760 г.—Населеніе.—III. Англія въ 1760 г.—Земледѣліе.—IV. Англія въ 1780 г.—Мануфактура и торговля.—V. Англія въ 1760 г.—Исчезновеніе класса помещиковъ.—VI. Англія въ 1760 г.—Положеніе рабочихъ.—VII. Меркантильная система и Адольфъ Смитъ.—VIII. Главныя черты переворота.—IX. Ростъ капитализма.—Ф. Мальтусъ и законъ народонаселенія.—XI. Теорія фонда рабочей платы.—XII. Рикардо и возвышеніе ренты.—XIII. Дѣя теоріи экономического прогресса.—XIV. Будущность рабочихъ классовъ.—XV. Промышленность и демократія.

6. **Неймайръ.** Корни животнаго царства. Введеніе въ науку о происхожденіи животныхъ. Пер. М. В. Павловой. Съ предисл. проф. А. П. Павлова. 232 стр., 28 рис. 1898 г. Ц. 40 к.

Содержаніе: Палеонтологія. — Сохранность окаменѣлостей.—Геологическая послѣдовательность.—Неполнота документовъ.—Ученіе о происхожденіи видовъ. — Измѣняемость видовъ.—Опыты прирученія животныхъ.—Географическое распространеніе животныхъ и растений.—Палеонтологическіе ряды формъ.—Палеонтологическая систематика.—Степень измѣчивости.—Древнѣшія фауны и флоры.—Родословныя дерева.—Эмбриологія и сравнительная анатомія.—Первоначальное зарожденіе.—Естественный подборъ и борьба за существованіе. — Приспособленіе и мимикрія.—Зачаточные органы.—Морфологическіе признаки, соотношеніе: половой подборъ — Усовершенствованіе. — Дифференцировка. — Индивидуальныя уклоненія.—Причины измѣчивости.—Расовая измѣчивая сила.—Вымираніе.

7. **Ранке.** Объ эпохахъ Новой исторіи. Съ предисловіемъ П. Г. Виноградова. 192 стр. 1898 г. Ц. 36 к.

Содержаніе: Основы Римской имперіи; обзоръ первыхъ четырехъ столѣтій нашей эры.—Преобразование Римской имперіи подъ вліяніемъ нашествій германцевъ и завоеваній арабовъ.—Время Каролинговъ и періодъ Германской имперіи.—Иерархическая эпоха.—Пятый періодъ: XIV и XV стол.—Эпоха реформациі и религіозныхъ войнъ.—Эпоха возникновенія и развитія великихъ державъ (XVII и XVIII вв.).—Эпоха революціи.

8. **Гринъ.** Краткая исторія англійскаго народа. Перев. Н. Н. Шамокина. Вып. II. 392 стр. 1897 г. Ц. 70 к.

Содержаніе: Отдѣлъ VI. *Новая монархія 1451—1540 гг.*—Войны Розъ.—Новая монархія.—Гуманизмъ.—Уолси.—Томасъ

Кромвель.—*Оттоль VII. Реформація.* Протестанты.—Мученики.—Елизавета.—Англія и Марія Стюартъ.—Англія въ эпоху Елизаветы.—Армада.—Поэты вѣка Елизаветы.—Завоеваніе Ирландіи.—*Оттоль VIII. Пуританская Англія.* Пуритане.—Первый Стюартъ.—Король и парламентъ.—Новая Англія.—Личное управлен.—Долгій парламентъ.—Междоусобная война.

9. **Токвиль.** Старый порядокъ и революція. 2-е изданіе. 1898 г. Ц. 50 к.

10. **Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища. Перев. М. В. Павловой. Вып. II и III. 138 стр., 9 табл., 47 рис. 1898 г. Ц. 28 к.

Содержаніе: Саламандры. — Крокодилы. — Ихтиозавры. — Плезиозавры. — Змѣеобразныя пресмыкающіяся. — Летающіе драконы. — Аномальныя пресмыкающіяся.

## ВЫЙДУТЪ ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ:

**Кейнсъ.** Предметъ и методъ политич. экономіи.

**Гринъ.** Краткая исторія англ. народа. Вып. III (послѣдн.).

**Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища. Вып. IV и V.

**Кортней.** Жизнь Дж.-Ст. Милля.

**Романесъ.** Теорія Дарвина.

## ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

**Беджготъ.** Англійская конституція.

**Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища. Вып. VI и VII (послѣдній).

**Постъ.** Зачатки государственнхъ и правовхъ отношеній.

**Лампрехтъ.** Изъ исторіи нѣм. народа. Періодъ реформациі.

**Россель.** Біографія Гладстона.

**Іерингъ.** Историко-общественныя основы нравственности и права.

**Тьерри.** Опытъ исторіи третьяго сословія.

### ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

Москва, Бронная, Трехирудный пер.,  
квѣжный складъ А. М. Муриновой, с. д.

### ОТДѢЛЕНІЕ СКЛАДА. Петербургъ,

Васильевскій островъ, 5-я линія, 28.  
Книжный магазинъ М. М. Стасюлевича.

Выписывающіе изъ главнаго склада на два рубля и болѣе за пересылку не платятъ: за наложеніе платежа прилагивается 10 к.



Дозволено цензурою. Москва, 27 января 1899 года.

Товарищество типографін А. Н. Мамонтова, въ Москвѣ.



- Ланге. Эмоціи (психо-фізіологіческій очеркъ). Ц. 30 к.
- Ледантень, Ф. Живое вещество. Съ двумя статьями его „Жизнь и смерть“ и 6-ю чертежами. Ц. 75 к.
- Легренъ, М. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 к.
- Маллесонъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей. М. 1898. Ц. 50 к.
- Масе. Исторія кусочка хлѣба. Изд. 2-е Спб. 1874. Съ 20-ю табл. рис. Ц. 75 к.
- Милль, Д. С. Автобіографія. Ц. 75 к.
- Милль, Д. С. Огюсть Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта. Ц. 1 р.
- „На добрую память изъ русскихъ писателей“. Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 к., въ изящ. перепл. 1 р. 50 к.
- Паульсенъ, Ф. Нѣмедкіе университ. и ихъ историч. разв. Ц. 40 к.
- Петрункевичъ, М. А. Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Поллонъ, Ф. Исторія политическихъ ученій. Ц. 40 к.
- Proust & Ballet. Гигіеническое лѣченіе неврастеній. Переводъ д-ра М. И. Петрункевича. Ц. 1 р.
- Ратовъ, Ж. Женщина передъ судомъ присяжныхъ. Ц. 30 к.
- Ревилль, Ж. Религія въ Римѣ при Северахъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. М. 98 г. Ц. 80 к.
- Святловскій 1-й, В. В. Фабричный рабочій (изъ наблюденій фабричнаго инспектора). Варшава. 1898. Ц. 3 р.
- Святловскій 2-й, В. В. Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Ц. 50 к.
- Святловскій 2-й, В. В. Brentano, его жизнь, возрѣнія и школа. Съ портретомъ Brentano. Ц. 1 р. 25 к.
- Соболевъ, М. Н. Очерки изъ исторіи всемірной торговли. Ц. 1 р. 20 к.
- Сорель, А. Монтескье. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ прсф. П. Г. Виноградова. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Ц. 50 к.
- Тейлоръ, И. Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. Съ 30-ю рисунками. Ц. 1 р. 25 к.
- Теннисонъ, А. Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со статьей И. И. Иванова. „Теннисонъ и его поэзія“ и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.
- Токвиль, А. Демократія въ Америкѣ. Переводъ съ 14 франц. изд. В. Н. Линдъ XV+628 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.
- Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній. Ц. 1 р.
- Фрейманъ, В. Ф. Свойства, классификація и каталогизировка библіотекъ. Ц. 25 к.
- Фуллеръ, А. Темпераментъ и характеръ. Ц. 1 р.
- Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданск. община. Ц. 2 р.
- Чаннингъ, Э. Исторія Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ. Ц. 1 р.
- Шелли. Сочиненія. Въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Вып. 5-й. Ц. 75 к.
- Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Ц. 75 к.

Поступили въ продажу новыя иллюстрированныя изданія  
„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ“

*Юганна Шерра,*

со множествомъ гравюръ, картинъ, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ прилож. Всѣ клише для этого изданія сдѣланы заграницей. Перев. съ посл. нѣм. изд. подъ ред. и съ примѣч. П. И. Вейнберга. Отдѣлы русской и славянской литературы обработаны болѣе подробно и самостоятельно. Книга составляетъ два большихъ тома, болѣе 1000 стр. Цѣна 9 р.

---

«ФАУСТЪ»

Г ё т е.

ЧАСТИ I и II.

Иллюстрированный рисунками Липценъ-Майера, Зейца и др. Съ обширными критическими примѣч. Бойезена, Куно-Фишера, Юрьева и др. Перев. Н. Н. Голованова. Часть I, и. 1 р. 50 к.; часть II — 1 р. 75 к. Обѣимъ частямъ выѣстъ цѣна 3 р. За изящный переплетъ каждой части 50 коп.

---

„ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ“

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО.

*Первый полный русскій переводъ М. А. Бунина.*

Иллюстрированное изданіе, съ портретомъ автора, рисунками въ текстѣ и съ семью отдѣльными автотипіями америк. художника Ремингтона, исполненными въ Вѣнѣ. Цѣна 1 р. 25 к.

---









LIBRARY OF CONGRESS



0 011 801 124 7

